

Наталья Небылицкая

**РАССКАЗЫ,
ПОВЕСТИ,
СЦЕНАРИИ
И ДРУГОЕ**

Наталия Ильинична Небылицкая

Рассказы, повести, сценарии и другое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21431792

ISBN 9785448320538

Аннотация

Предлагаемая книга является сборником произведений, написанных моей сестрой Небылицкой Н. И. в 90-е–начало 2000 годы, но из-за «лихих» условий не реализованных в виде публикаций или кинофильмов. Представлены как полностью законченные вещи, так и незаконченные сюжеты, заготовки сценариев, интересных, в частности, для кинематографистов. Книга написана отличным литературным языком. Я подготовила книгу к изданию по согласованию с сыном сестры Небылицким Никитой Евгеньевичем. Вайсфельд Лариса

Содержание

Анкета для каталога «Кино, театр, ТВ. Золотой запас»	5
Сценарии	7
Художественные	7
Эй, гримза!	7
Кошачий глаз	136
Документальные	223
Парижский антиквар (1+2 серии)	223
Конец ознакомительного фрагмента.	227

**Рассказы, повести,
сценарии и другое
Наталья Ильинична
Небылицкая**

© Наталья Ильинична Небылицкая, 2016

Составление и комментарии Лариса Ильинична Вайсфельд

ISBN 978-5-4483-2053-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анкета для каталога «Кино, театр, ТВ. Золотой запас»

Фильмы и проза Небылицкой Н. И.

Избранная фильмография

«Золотой конёк», «Зимовье на Студёной» (реж. И. Негреску), «Весна, война, любовь» (реж. А. Бланк), «Дымка» (реж. И. Негреску), «Рождённые свободными» (реж. А. Дорман), «Тёплый дом» (реж. Е. Небылицкий), «Дитя моё!» (реж. Е. Небылицкий), «Мой утренний город» (реж. Е. Небылицкий). «Время собирать камни» (реж. Я. Назаров) и др.

И ещё более 40 документальных, научно-познавательных сценариев фильмов, вышедших на экран, удостоенных призов на международных фестивалях короткометражных фильмов.

Я постоянно пишу прозу и публикуюсь.

Рассказы: («Некрасивая», «Три дня», «Никитины кони», «Мегера», «Алло. Это я», «Жаркая улица», «Как делали нарты», «Аннушка», «Старая история», «Лагуна» и проч.). Стихи напечатаны в различных литературно-художественных журналах («Юность», «Литературная Грузия» и др.). Кроме того, вышли в свет повести «Автопортрет в розовом», «Сквозняк» и «Белка в колесе», роман «Бал бесноватых».

После этого списка Н. Н. Небылицкой написано несколько сценариев и проза.

Сценарий «Кошачий глаз» – поэтическая легенда о человеческой подлости, о благородстве и счастье в конце пути.

Сценарий «Эй, Грымза» ярко отображен темперамент и благородство пожилой еврейки – участницы Второй мировой войны, о людях с «промытыми» мозгами. Заканчивается событиями на Дубровке

Сценарии

Художественные

Эй, гримза!

«Cogito, ergo sum»

Рене Декарт

Интерьер.

Аэропорт Бен-Гуриона. Израиль.

– Мама, мама! Умоляю, останься.

– И не подумаю.

К стойке регистрации движется на приличной скорости странная процессия: впереди старая женщина в длинной, развевающейся на ходу юбке, в пёстрой кофте с нелепыми рюшами, на ногах её мужские, остроносые ботинки, которые были в моде лет тридцать назад – это Рахиль; за ней едва поспевает дочь Мара: парик съехал на левое ухо, на тёмном платье, застёгнутом под горлом, проступают на спине тёмные пятна пота; сзади вприпрыжку несётся Йося – худой,

долговязый молодой человек, на его макушке к копне кудрявых волос зажимами прикреплена белая кипа.

– Мама! Ты там погибнешь!

– Мне война надоела, я уже пережила одну, больше не желаю.

– В Москве тоже террористы, – басит зять Йося.

– Ха! По сравнению с палестинцами это сущие дети!

– Ты думаешь только о себе, ты просто эгоистка, – плачет Мара.

Старуха останавливается, как вкопанная. Мара налетает на неё.

– Что ты сказала? Повтори.

– Хоть деньги-то возьми, – всхлипывает дочь, протягивая тощую пачку денег, перетянутую аптечной резинкой.

– Деньги тлен.

– Чем мы вам не угодили? – вопрошает зять.

– У вас в доме даже мухи перемёрли от скуки.

– Не век же веселиться! – возражает зять.

– И это называется учёный, раввин?! «Весёлость не может быть чрезмерной, но всегда хороша, и наоборот – меланхолия всегда вредна».

– Вы мне этого еретика Спинозу не цитируйте! – кричит зять.

– А кого мне цитировать? Сталина, что ли?

– Демагог!

– От такого слышу, – парирует тёща.

Паспортный контроль. Девушка в форме. Бледное лицо с каменным выражением равнодушия.

– Документы, пожалуйста (говорит на иврите).

– Вот, детка, – по-русски отвечает Рахиль, потом переходит на иврит, – мой билет, мой паспорт.

– Мне не нужен билет. Вернитесь, снова пройдите под контрольной аркой.

Рахиль возвращается. Проходит. Звонит тревожный сигнал.

– Откройте сумку. Что у вас в карманах? Холодного, огнестрельного оружия нет? Покажите.

– Я тебе сейчас всё покажу, детка. – Рахиль открывает потёртую сумку, трясёт ею над столом, пусто. – А карманов нет. Зато есть кое-что.

– Предъявите.

– Минуточку. Йоська, отвернись.

Зять послушно отворачивается. Рахиль задирает длинную юбку, обнажая правое бедро. От колена и вверх – уродливый, неровный шрам.

– Это ещё что? – ни возмущения, ни гнева в голосе девушки. То же каменное выражение равнодушия.

– Там штырь. В госпитале один кудесник вставил, ещё в сорок пятом. Ранение, кости раздробило, а он мне ногу спас.

– Когда-когда?

– Во время войны с Гитлером. Ясно? Возьми ручной металлоискатель, сразу убедишься.

Девушка проводит прибором по всему телу Рахили. Возле раненого бедра он даёт сигнал.

– Проходите.

Рахиль делает несколько шагов, потом возвращается, наклоняется к уху девушки (Рахиль выше её чуть ли не на голову) и шепчет:

– Не переживай, детка, будь терпелива, к сентябрю, чуть раньше нашего Нового года уже беременная будешь, верно говорю.

Девушка отшатывается, потом бесстрастное лицо озаряется улыбкой.

– Верь. Верь. Моя тёща – пророчица, – Йоська всё ещё стоит спиной.

– Тебе слухачом работать, ушки на макушке, – кричит тёща и уходит.

Натура. Ближнее Подмосковье.

Загородный дом. Сад. Голые чёрные ветви яблонь и вишен. Тонкие прутики кустов. Проплешины на земле, кое-где снег уже стаял. По двору носится огромный, лохматый пёс, лает, бросается на глухие ворота. Из дома выходит молодая женщина в ватнике и джинсах. На голове косынка, прикрывающая цветные бигуди.

– Не бушуй, Герцог! Уже иду.

Женщина, это сторожиха дома Маша, с трудом проворачивает ключ в замке, открывает ворота, въезжает серый автомобиль. Останавливается. Из машины выходит муж Сергей.

– Я жду тут целую вечность.

– Электричества нет во всём посёлке. Автоматика – ёк.

– Звонила?

– Ага. После вчерашнего ветра провода оборвались.

Маша и Сергей заходят в дом.

Интерьер.

Холл с камином. Несколько ступенек ведут в кухню. Посреди кухни стол на 24 персоны, покрытый серой льняной скатертью.

– Что так рано? Садись обедать. Только плиту выключила, – жена Сергея Любаша обнимает мужа.

– Не могу.

– Почему?

– Устал.

– У тебя неприятности?

– Это как сказать.

– То есть?

– Букашкин предложил выкупить свой пакет акций.

– Замечательно! Ты станешь полновластным хозяином.

– Это-то меня и пугает.

– ???

– С чего бы, хотел бы я знать, мой компаньон решил избавиться от бизнеса? Этот типчик просто так ничего не делает, нюх у него, как у ищейки, хватка бульдога... внешность ангела, а фамилия не может быть настоящая.

Оба расхохотались, видно, не в первый раз эта присказка их смешит.

– Есть одна идеяка.

– Выкладывай.

– Нужен свой в доску «болван».

– Как в преферансе? Где ж такого возьмёшь?

– А говорят, мне повезло жениться на сироте. Была бы хоть тёща, сестра, брат, вопросы бы не возникали. Не поняла, зачем нужно подставное лицо?

– Отчего же, отлично поняла. Да только нет у нас с тобой таких. Оба мы сироты казанские, – вздыхает протяжно, притворно.

– Думай, Любаша, крути колёсиками. Ты у нас в семье самая умная.

– А сколько ты мне времени дашь? Когда ответ нужен?

– Вчера.

– Не – а, дай хоть недельку.

– И ни минутой больше. А теперь согласен и пообедать.

Но с обедом приходится подождать. Звонит телефон.

– Звягинцев у аппарата. Что? Как это таможня не пропускает? Всё, ждите, еду.

Натура.

Салон машины Звягинцева. Говорит по мобильному, закреплённому на «торпедо».

– Кто тормознул груз? Не может быть! С ним мы в полном расчёте, неужели мало? Как-как? Французы неправильно оформили накладные? Бред какой-то! Сейчас факс им отстрочу.

Звягинцев прижимается к обочине, снимает с «торпеды» мобильник, набирает по-французски текст. Он явно нервничает. Отправляет факс. Перезванивает кому-то:

– Анри, Сергей Звягинцев. Кто отправлял партию «Шанели» и «Мицуко»? А ты где был? Ах, отдыхал! Я тебе факс отправил, немедленно пришли кого-нибудь с правильно оформленными бумагами. Не-ме-дленно, я сказал! Я гневаюсь? Ты еще не знаешь, что бывает, когда я в гневе! Мёрд!

Натура. Москва.

Аэровокзал. Из автобуса выходит Рахиль. Шагает размашисто. Перескакивает через лужи. Переходит через Ленинградский проспект. У метро находит автомат, но карточки у неё нет, достаёт из своей допотопной сумки несколько шекелей, пытается просунуть в отверстие. «Фу, чёрт! – бормочет. – Подражатели хреновы, по западному жить захотели? Ну, ничего, я вас перехитрю!» Рахиль из бездонного кармана своей нелепой юбки вытаскивает телефонную карточку,

на одной стороне которой синяя звезда Давида, аккуратно втискивает карточку в отверстие телефона-автомата.

– Ха! Сработало! – шепчет сама себе и набирает номер. – Ксюша? Это я. Живы, живы пока. Ты дома долго будешь? Перезвоню, пока не могу долго говорить.

Вешает трубку, ухмыляется, быстро идёт от метро, свернув в переулок, подходит к жёлтому обшарпанному дому, заходит в подъезд.

Интерьер.

Квартира. Высокие потолки с лепниной, потрескавшиеся. Стены окрашены серой краской, по их почти не видно – всюду от пола до потолка картины. Пейзажи, портреты, натюрморты. Здесь всё вперемежку: работы известных мастеров в богатых рамах и картины, обрамлённые скромными рамочками, написанные сильной рукой, тут же висят наброски, эскизы, пастель, гуашь, акварели. Старый, но ухоженный паркет, натёртый мастикой, блестит.

Раздаётся переливистый дверной звонок. Из глубины квартиры появляется худенькая женщина в джинсах, залепанных краской, и некогда белой футболке тоже в пятнах краски. Крашенные хной, с рыжеватым отливом волосы крупными кудрями обрамляют лицо. Только когда женщина попадает в полосу света, скупо струящегося из окна, становится понятно, что она немолода, однако походка у неё лёгкая, летящая. Снова настойчиво переливается звонок.

– И кто там такой нетерпеливый? Иду, иду! – женщина, не заглядывая в «глазок», распахивает дверь. – Рашка! – вскрикивает она.

– Ха! – Рахиль счастлива, розыгрыш удался. Она стоит на пороге, ухмыляется. – Что, подруга, не ждала?

– Ну. Ну... – женщина обнимает Рахиль.

– Пластинку заело? Пусти в дом-то. И что ты на мне повисла? Знаешь ведь, терпеть не могу телячьей нежности.

Рахиль умывается в ванной, кричит:

– Шмотки мои ещё не выбросила? Видишь, в каком я прикиде?

– Выходи, – кричит Ксюша, – оладушки приготовила. И кофе как ты любишь, с кардамоном.

В кухне стоит овальный стол, открыт настежь балкон.

– Холодрыга, – произносит Рахиль, – я отвыкла, закрой балкон.

– А мне всегда жарко, – Ксюша закрывает балкон, – рассказывай, зачем ты здесь и почему.

Рахиль ест оладьи, запивая кофе, жмурится и облизывается. Словно кошка.

– В целом мире никто так не готовит.

– Будет тебе, Рашка, увиливать. Отвечай прямо...

– На прямо поставленный вопрос! – продолжает фразу Рахиль. Закуривает. – Зачем – знаю. Деньги нужны. Почему? А почему я, старая калоша, тебя послушалась и родила Мару, когда уж у всех порядочных женщин давно климакс про-

шёл. А?

– Опять я виновата.

– А то? Кто в ногах валялся и уговаривал, не ты ли, подруга?

– Жалеешь нынче?

– Моя дурища забыла всё, чему мы с тобой её учили, надела парик, настрогала детишек, ходит в синагогу и преклоняется перед Йоськой. Это нельзя, то не угодно Богу, не сядет, не встанет без молитвы. Тоска и скука смертная! И самое смешное – счастлива, представляешь? Поёт, щебечет с расвета до заката.

– Так что же тебе надо?

– Не такое мне грезилось для моей единственной. Да ладно.

– Все твои картины я продала. Не очень выгодно. Ну, из меня бизнес-леди не больно получается. Деньги в банке.

– В каком?

– В Сберегательном, коммерческие слишком часто прогорают. Вносила на твой пенсионный счёт. Сейчас принесу книжку.

Ксения выходит. Рахиль поднимается, сладко, с хрустом потягивается, делает несколько наклонов, охнув, хватается за поясницу. За овальным столом, в углу на этажерке стоят кулинарные книги, на нижней полке большой альбом в сафьяновом переплёте. Рахиль снимает его с полки, кладёт на стол, раскрывает. Рассматривает фотографии: дама

с пышной причёской, в блестящем платье, обтягивающем высокую грудь, рядом на стуле сидит мужчина в котелке, при усах и бороде; Рахиль совсем молодая, ей можно дать не больше 13 лет, но она в гимнастёрке, на плечи накинут белый халат, на буйных кудрях пилотка; Рахиль на костылях возле госпитальной койки; а вот она уже с кистью в правой руке, смотрит на картину, натянутую на подрамник; Ксения и Рахиль на ступенях института – улыбки от уха до уха, день получения диплома. Тюремная фотография Рахиль в фас и профиль. Сейчас она выглядит моложе, чем на этих снимках. Следующая страница – справка о реабилитации, выданная Рахиль Борисовне Смоль в 1956 году. Вход в роддом – Рахиль с ребёнком, Ксения и какой-то мужчина протягивают Рахиль цветы. Кладбище. Маленькая девочка держит Рахиль за руку, раввин стоит у могилы. Рахиль, Ксения и молодой человек атлетического вида в солдатской форме и краповом берете. Мара в выпускном платье. Мара и Йоська под свадебным балдахином. Рахиль на митинге, Манежная площадь. Рахиль возле могилы Давида в старом городе, Иерусалим. Вся жизнь в нескольких снимках. Длинная, путаная судьба.

Входит Ксения со сберегательной книжкой, на вытянутой руке несёт чёрный костюм и серую блузку.

– О! Я про этот костюмчик и забыла, – Рахиль берёт костюм, вертит в руках блузку, – блузка не моя.

– Нет. Купила, хотела к празднику тебе послать с okazjiей.

Рахиль выходит, Ксюша моет посуду, расставляет в сушилке.

– Ну, как я тебе? – спрашивает Рахиль. Она успела соорудить причёску, забрав непокорные кудри в тугую узел. Узнать её теперь трудно – худенькая, с гордой, чуть откинутой назад головой, высокий, умный лоб, глаза на пол-лица. Только на ногах всё те же ботинки.

– Посмотри на ноги! Ужас. Возьми мои сапожки, они в шкафу, и пойдём в салон краситься.

– Ещё чего!

– Ты похожа на курочку-пеструшку – клок чёрный, клок рыжий, клок седой. Так не годится.

– Деспот.

– Завтра я должна выйти на работу.

– Ты? Ты? Ходишь в присутствие?

– Нет, дорогая, я служу домработницей у одних нуворишей.

– Ты?

– Тебя заклинило. Именно.

– А как же твоя живопись?

– Раша, нет у меня таланта, нет и не было. Это твои картины раскупались, как пирожки у метро, а мои брали в довесок. Это у тебя экспрессия, композиция, фантазия и смелость. А я просто хорошо обученный ремесленник, не более. И не надо меня успокаивать, никакой трагедии, никаких комплексов. Жаль, поняла это только на старости лет.

– И ничего не пишешь?

– Отчего же? Внукам письма в картинках. Они их обожают, да и как нам общаться? Они теперь ни слова по-русски, американизировались, а я ни бельмеса по-английски.

– Но зачем пошла в услужение? Не хватает денег? Жила бы на те, что выручала за мои полотна.

– Я и так живу в твоей квартире, ношу твои вещи, готовлю в твоих кастрюлях.

– Чепуха какая-то! Мой долг тебе я никогда не выплачу, до конца света.

– Брось ты эту патетику, Рашка, не твой стиль! Ничего и никто никому не должен. Дети постоянно нудят, боятся, что я тут с голоду дохну, и ты туда же! А я ещё пока не развалина, я ещё о-го-го!

– Вот именно – о-го-го. Ладно, пошли уж, по дороге расскажешь, что за птички твои хозяйева.

Натура.

Переулок. За фигурным металлическим забором трёхэтажный особнячок. Охранник у ворот. Подъезжает джип. Охранник спешит открыть ворота, нажимает кнопку на пульте. Джип останавливается у самого крыльца, из машины выпрыгивает миниатюрный человечек. Рядом со своей большой машиной он выглядит весьма колоритно. Это Егор Павлович Букашкин.

Интерьер.

Холл. Навстречу Букашкину идёт Звягинцев.

– Привет. Меня никто не искал? – чуть приостановившись, спрашивает Егор.

– В приёмной девица в последнем приступе молодости, её наша Клавочка развлекает кофейком. Кто такая?

– Понятия не имею. Меня «оттуда» никто не искал? – Букашкин поднимает палец куда-то в небо.

– Нет.

Оба врут напропалую.

Натура.

Приёмная – комната в серо-голубых тонах. Голубоватые стены, серые кресла, бра и люстра из металла. Царство дизайнера, почерпнутого из новомодного журнала типа «Декор». Под стать обстановке референт – «удлинённая» девица, увешанная серебряными цепочками. Две двери, украшенные табличками: «Президент ОАО «Полёт фантазии» Е. П. Букашкин и «Президент ОАО «Полёт фантазии» С. И. Звягинцев». При виде Егора Клавочка вскакивает:

– Егор Павлович, к вам посетитель. Давно дожидается. Говорит, ей назначено.

– Надеюсь, вы не очень сердитесь? – Егор старается быть галантным. – Простите, в думе задержали. Эти политики такие болтливые! Впрочем, это их профессиональный грех, не правда ли?

Девушка поднимается, она почти на голову выше Егора, хоть на ногах её туфли на низком каблуке. Да и Клавочку

создатель тоже ростом не обидел. Впрочем, Букашкин любит крупных.

Интерьер.

Кабинет Егора. Здесь, как и в приёмной, та же холодная сдержанная гамма, на стене висит большая фотография флакона духов «Мисс Диор». На столе тоже фотографии, только поменьше и в рамочках: Егор в обнимку с Пугачёвой, Егор рядом с Путиным, Егор здоровается за руку с Клинтоном.

Букашкин садится за свой стол и почему-то кажется выше ростом, видно, кресло повыше сделано, правда, ноги до пола не достают, но собеседнику-то это не видно.

– Присаживайтесь, Марина. Ничего, если я по-простому, без отчества?

– Ну, что вы, что вы!

– Слушаю вас.

– Наш журнал «Ракурс» планирует создать серию статей о бизнесе в России, вернее, о людях, которые стараются вести дело честно и чьи состояния нажиты не на оружии, наркотиках и крови.

– И много вы таких наскребли?

– Не много.

– Спасибо за откровенность. Вам ещё придётся побеседовать с моим партнёром.

– Да, надеюсь с ним встретиться. Вы не возражаете, если я включу диктофон?

– Само собой. Как построим беседу? В форме вопросов и ответов?

– У меня иной подход. Рассказывайте всё, что вам хочется. Потом выделим главное.

– Начнём от «печки»?

– Как угодно.

– Я родился в...

Интерьер.

Кабинет. На стене портрет Путина. Из окна виден памятник героям Плевны.

Звягинцев разговаривает с хозяином кабинета. Оба говорят очень тихо и какими-то недомолвками.

– Почему такая срочность? – спрашивает хозяин кабинета.

– Нужен твой совет.

– Проблемы?

– Пока нет, но Букашкин как-то странно себя ведёт.

– И всё?

– Нет. Начались неожиданные сбои. То поставщики неправильно оформят документы на товар, то забывают печати поставить.

– Может, совпадения?

– Нутром чую – нет. Что-то надвигается.

– Слушай, мы с тобой знаем друг друга тысячу лет, ты никогда не увлекался мистикой. От своей благоверной зара-

зился?

– И Егор мне сделал предложение.

– Руки и сердца? Ну, что ты вскинулся, уж и пошутить нельзя.

– Отдать, вернее, продать мне.

– Понятно, – после некоторой паузы произносит хозяин кабинета, – Всё?

– Да.

– Покупай.

– Сейчас или подождать?

– Немедленно.

– Очень уж аппетит у него разгорелся. – Сергей жестом просит бумагу у хозяина: «У меня столько нет. Нужен беспроцентный кредит». Подвигает бумажку. Визави быстро пишет: «Сколько?» Сергей пишет: «2 000 000». Но они продолжают разговаривать. – Правда, дело его всегда не очень интересовало. Деньги любит до потери сознания.

– Так кто ж их не любит? – произносит хозяин кабинета, но одновременно пишет на бумаге: «Откат?».

Сергей чиркает небрежно: «10%», хозяин в ответ: «25», Сергей: «15», хозяин: «20».

– Согласен. – Сергей накрывает ладонью исписанный листок. – Но не до такой же степени!

– До такой, – отвечает хозяин, зажигает листок над пепельницей, пепел растирает металлической линейкой, что лежит на столе, в пыль, – Ты курить ещё не бросил?

– Нет.

– Не бережёшь ты себя. Ладно уж, кури, только потом пельницу вымой, ненавижу этот запах.

Сергей, кивнув, поднимается, заходит в соседнюю комнату, где расположен личный туалет хозяина кабинета. Возвращается.

– Спасибо за совет. Не забыл, что у нас в пятницу барбекю, мы с Любашей ждём?

– Помню, помню. Как мы нынче выражаемся! «Барбекю-ю-ю»! Нет чтобы по-русски – шашлык!

– Ну, сказанул! Шашлык пришёл к нам из тюркского языка, кажется. – Рассмеялся Сергей.

– Иди, иди, грамотей, мне работать надо.

Интерьер.

Небольшая галерея. Вернисаж. «Клубится» самый разнообразный люд: от экзотически разодетых завсегдатаев околосветских раутов до настоящих ценителей живописи. Здесь же Рахиль и Ксения. Входят Любаша и Звягинцев. Оглядываются, берут бокалы с подноса, стоящего на столике у входа. Они чувствуют себя не очень уютно – мир не их, но таковы правила игры, необходимо время от времени появляться в обществе. Любаша замечает Ксению, и это её не просто удивляет – шокирует. Но всё же она решает подойти:

– Ксюша? Каким ветром сюда занесло?

– О! Рада вас видеть! – Ксюша говорит чуть громче, чем позволяют приличия. – Рахиль, хочу представить тебе мою хозяйку Любовь Александровну.

Многие оборачиваются, стихают разговоры.

– Очень приятно, – Рахиль протягивает руку, она сама любезность, – Ксюша о вас говорит с такой теплотой! – Рахиль явно веселит эта ситуация, приятно поиграть в кошки-мышки со снобами.

– Правда? А вот и мой благоверный, знакомься Сергей, простите, не расслышала вашего отчества.

– Ну, что за церемонии, можно и просто по имени. Успели посмотреть картины? Вы, конечно, знаете, что постмодернизм нынче уже вчерашний день, как, впрочем, и концептуализм Кабакова. Или вы поклонники нонконформизма Зверева и Плавинского? – ерничает Рахиль.

Любаша и Сергей совершенно ошарашены, но Любаша, как всегда, берёт инициативу в свои руки:

– Стыдно признаться, но нам с мужем больше по душе Шилов.

– Ну что же тут стыдного?! – Рахиль развлекается вовсю, надменность «хозяев» по отношению к подруге она никак простить не может. – Он очень знаменит. И нарасхват. Его любят заказчики, что естественно, ведь ещё Ницше заметил, что человек скорее стремится стать произведением искусства, нежели его творцом. Кстати, Любовь Александровна, вам никто не говорил, что у вас совершенно необыкновен-

ное лицо? И никто не предлагал писать вас? Странно. Я вижу вас в лиловой гамме.

– Спасибо, – бедная Любаша растеряна.

– Однако я вас совсем заболтала, простите, – Рахиль улыбается, – знаете что? Мы с Ксюшей устраиваем небольшое суаре в связи с моим приездом. В пятницу, часиков в семь, буду очень польщена. Приходите. Ксюша, объясни, как доехать.

Интерьер.

Квартира Ксюши и Рахили. Обе накрывают на стол.

– Куда ставишь фаршированную рыбу? – сердится Рахиль. – Надо в центр. Ты не забыла пригласить отца Иоанна?

– Конечно, без него никак.

– Это точно, иначе все будут говорить только о политике. Где посадим твоих работодателей?

– Они не придут.

– Ошибаешься.

– Снобы самого низкого пошиба.

– Спорим?

– На что?

– Дай подумать.

Некоторое время они расставляют нужные для трапезы предметы: тут нож, там вилка, здесь кольца для льняных, чуть накрахмаленных, салфеток. И всё это быстро, спорно, ритмично, словно станцевавшие партнёры.

– Свечи? – спрашивает Ксения.

– Перебьются.

– Ты чего злишься?

– Непокойно мне. – Рахиль расставляет свечи.

– Вечно у тебя так: сначала строгое «нет», а потом... – смеётся Ксения. – Ну, какие предчувствия тебя на этот раз терзают?

– А! Не обращай внимания!

– Так как насчёт пари? Придумала?

– Ага. Если Звягинцевы придут, с тебя фант.

– Какой?

– Любым способом уговоришь Мару с детьми и Йоськой приехать в Москву.

– Их надо уговаривать?

– Мою наседку с гнезда очень трудно сдвинуть.

– А зачем?

– Хочу, чтобы хоть чуть-чуть отдохнули от взрывов, горя и крови.

– Ну, так позвони сама.

– Как же, у неё затянувшийся детский негативизм. Если я говорю «жарко», обязательно принесёт мне шерстяную кофту, если я говорю «холодно», врубит кондиционер.

– Я-то что получу в случае выигрыша?

Но тут раздаётся стук в дверь.

– Кто у нас никогда не пользуется дверным звонком? – снимая на ходу фартук, произносит Ксения.

– Я, – доносится из-за двери голос.

Входит человек атлетического вида, тот самый, что был на снимке в альбоме, который рассматривала Рахиль в первый день своего приезда. Только сегодня на нём не солдатская форма и не краповый берет: чёрная, длинная ряса, чёрные, начищенные до блеска, полуботинки, а голова не покрыта, и волосы стянуты сзади резинкой. Рахиль и Ксюша достают ему едва до плеча, целуют, приподнявшись на цыпочки.

– Ха! Во что ты превратился, Ваня? – притворно возмущается Рахиль. – Не о такой судьбе мы с Ксюшей мечтали, когда выцарапывали тебя...

Но не заканчивает фразу, отец Иоанн перебивает.

– Из детского дома, больного, в чесотке и чирьях, – смеётся отец Иоанн, – ты, мама Раша, неисправима, ну сколько можно повторять одно и то же из года в год?!

– Мой руки и за стол, – вступает Ксения.

– И не забудь помыть уши, – вторит ей священник.

Иоанн выходит из ванной, садится к столу.

– А что, других гостей не будет?

– Придут, запаздывают, – Ксения садится напротив, подпирает ладонью щёку и смотрит на молодого человека с умилением.

– Где попадья твоя? – спрашивает Рахиль.

Ксюша под столом бьёт подругу по ноге.

– Чего толкаешься?

– Замолкни, – отвечает Ксения.

– Чегой-то ради?

– Неужели ты ей не сообщила? – обращается Иоанн к Ксюше.

– Бросила? Сбежала к другому?

– Замолкни, Рашка!

– Да что случилось, чёрт подери!

– Не ругайся, мама Раша, грех. – Иоанн встал, отвернулся к окошку.

– Ну-ка, немедленно говори!

– Умерла Маша при родах, – глухо, не оборачиваясь, – ещё в пошлом году.

– Мальчик мой! Почему от меня всегда всё скрывают?

Рахиль вскакивает, обнимает спину Иоанна.

– Ребёнок тоже погиб?

– Слава Богу, с маленькой Машей всё в порядке.

– И где она, с кем?

– Одна послушница помогает, приходит, когда я должен отлучиться.

– Значит так, – Рахиль полна решимости, я заберу девочку с собой. Моя наседка обожает детей. Да и я ребёнка на произвол судьбы не брошу.

– Нет. Спасибо. Я сам.

– Ну, что ты можешь? Ты ещё совсем неопытный! Всё, вопрос решён.

– Умерь пыл, воительница, – вступает в спор Ксюша, при-

чём с несвойственной ей жёсткостью – Ваня давно уж вырос и в наших советах не нуждается.

– Не нуждается, – словно эхо, с тоской произносит Рахиль, – не нуждается. . .

– Ах, вы, мои дорогие мамы! – Иоанн обнимает женщин, он уже вполне овладел собой. – Кормить-то будут сегодня?

– Будут, потерпи. А у вас, православных, сейчас не пост?

– Нет, у нас можно всё есть, а у вас, иудеев?

– Так я ж безбожница!

Раздаётся звонок в дверь. Рахиль вскакивает, бежит открывать. На пороге Звягинцевы.

Натура.

Польша. Небольшой приграничный городок. Ухоженный, словно умытый. Квадратное здание из гофрированного металла, раскрытые настежь ворота, внутри две фуры, погрузка картонных больших коробок почти закончена. Водители в ладно пригнанной синей форме подписывают документы.

– Янек, позвони на фирму, что мы выехали, – первый шофёр, отдавая документы, обращается к заведующему складом.

(Сцена на польском языке, с закадровым переводом).

– Обязательно. Из Вроцлава на склад везут ещё 2000 флаконов, у меня на стеллажах уже места нет, иголку и ту не втиснешь.

– Что-то мне всё это не нравится, – второй шофёр с кис-

лой миной качает головой.

– Аналогично, – откликается завскладом, – Букашкин на звонки не реагирует, Анри из Франции шлёт факсы – остановите погрузку готовой продукции, а Звягинцев чуть ли ни матом посылает, где товар.

– Бардак, – ворчит первый шофёр, залезая в кабину.

– Скоро мы останемся на улице, – бесится второй шофёр, – говорил же, не связывайся с русскими, обязательно погоришь. Всё, мы поехали.

Взывают моторы, фуры одна за другой осторожно выезжают из ворот.

Янек закрывает ворота, поднимается по металлической лестнице, заходит в свой кабинет. Садится за стол. Немного подумав, набирает номер на телефонном аппарате:

– Пана Егора попрошу, – с акцентом, но по-русски. – А когда могу его застать, наконец? Да, мобильный тоже не отвечает. И дома говорят – нет его. Вы передаёте, что я его ищу? Спасибо, – снова набирает номер, – пан Сергей? Янек беспокоит. Что происходит?

Натура.

Москва. Подъезд дома. Чета Звягинцевых входит в подъезд. Сергей говорит по телефону, он раздражён:

– Я знаю, что собираешь флаконы по всей Польше, я знаю, что ты забил склад под завязку. Почему же не отправляешь во Францию? Как это? Поверить не могу. Нельзя останавли-

вать налаженную цепочку! Цикл нарушаем, в конце концов! Егор велел попридержаться?! Поверить не могу! Ладно, разберусь, тут какое-то недоразумение. Позвоню завтра. До свиденья, пан Янек.

– Что случилось? – спрашивает жена.

– Ничего, ничего.

Интерьер.

Внутри подъезда. Звягинцевы понимаются на лифте, Любаша, прежде чем нажать кнопку звонка, произносит:

– Может, зря мы? Вернёмся домой, пока не поздно?

– Чепуха! Эта старуха такая забавная. И ещё мне одна мыслишка в голову пришла. Потом обсудим.

Любаша звонит. Через секунду распахивается дверь, на пороге отец Иоанн.

– Простите, – Сергей в недоумении, – мы к Рахили Борисовне. Ошиблись квартирой?

– Проходите, проходите, – бежит к двери Рахиль, – мы вас ждали, за стол не садились. Ха! Я выиграла!

– Простите? – спрашивает Сергей.

– Пари. Ксюша, встречай гостей!

Натура.

Егор Букашкин во дворе своего дома. Запирает припаркованный «джип». Вместо того чтобы войти в подъезд, останавливается возле скамейки, стоящей возле детской песочницы, опускается на неё. Сидит, съезжившись, отчего кажет-

ся ещё меньше ростом. И на лице его такая тоскливая мука!

Поднимает голову, смотрит на окна второго этажа, где горит свет. Вдыхает, с трудом поднимается и идёт к подъезду. Медленно, чуть сгорбившись, словно на ногах его тяжеленные гири.

Интерьер.

Квартира Егора. На звук открываемой двери выходит Даша, жена Букашкина. У неё тусклые, явно давно немые волосы, тусклые глаза, смотрит она как будто бы в бок, мимо Егора. Одета женщина в выцветший байковый халат. Трудно определить её возраст.

– Даша, иди к себе.

– Иди к себе, – словно эхо вторит жена.

Егор снимает ботинки, надевает тапочки, сразу проходит на кухню. В мойке и на столе гора немой посуды. Егор надевает фартук, очищает посуду от остатков пищи, складывает в посудомоечную машину. Всё это в полной тишине. Затем он наливает себе сок, садится, забыв выпить, застывает. В кухню вбегает девочка, похожая на Егора. Ей около 12 лет, но одета она очень уж по-взрослому: длинное бархатное платье с глубоким декольте, в ушах бриллианты, на шее дорогое кольцо, на ногах туфли на «гвоздиках».

– Бон суар, папа, бон суар! – щебечет девочка, тянется к губам Егора, тот отшатывается.

– Прекрати, Катя.

– Ты меня разлюбил? Мой папусечка, мой золотой, единственный! – дочка повисает на шее отца, потом взбирается ему на колени.

Она ласкает его, но не как дочь, как женщина. Она растёгивает пуговицы на рубашке, другая рука тянется к брюкам. Слышен скрежет молнии. Егор вскакивает, стряхивает с колен дочку, пытается сбросить её руки. Лицо Кати мутно-бледное, глаза чуть прикрыты веками. С трудом Егору удаётся высвободиться.

– Послезавтра вы с бабушкой и мамой уезжаете в Париж, собери свои вещи.

– Нет! Нет! Никогда, – девочка визжит и топает ногами, – я тебя не брошу, не брошу...

Её как будто заклинивает на этих словах. Она повторяет их и повторяет, потом звук сливается и переходит в истерические рыдания. Катя бросается на пол, обнимает колени отца, тот пытается освободиться. Катя падает на спину, бьёт руками и ногами об пол, визжит, изгибается. Откуда-то из глубины квартиры раздаётся вой, напоминающий рык разъярённого зверя. Егор ладонями затыкает уши, выскакивает сначала из кухни, а потом и вовсе прочь из квартиры. Бежит прямо в домашних тапочках по двору, оскальзываясь на прихваченном морозом тротуаре.

Интерьер.

Квартира Рахили и Ксюши. За столом только отец Иоанн,

Звягинцевы, Рахиль – видно, все остальные гости разошлись. Ксюша собирает грязные тарелки, затем расставляет чашки, разливает чай.

– Давно я так вкусно не ела, – говорит Любаша, отправляя в рот здоровенный кусок пирога с яблоками, прихлёбывает чай. – Как у вас славно, покойно.

– Милости просим, заживайте, – Рахиль говорит это вроде бы всерьёз, но в глазах бесы.

– И пахнет как, как... – Любаша не может подобрать слова, – как в детстве.

– Запах детства? – задумчиво произносит Рахиль, – у каждого он свой. Вон отец Иоанн помнит, как в нос шибает хлорка.

– Тебе всё хиханьки да хаханьки. Несерьёзная ты женщина, – смеётся отец Иоанн, – греховодница.

– Вот и зять мой, Йоська, то же самое утверждает.

– А я помню острый аромат гвоздики, – вдруг произносит расчувствовавшийся Звягинцев, – мама всегда варила глинтвейн. Наши фабричные смеялись над мамой, но пили с удовольствием. Придут, бывало в гости, просят: «Дуся, свари свой пьяный компот!» Откуда она эту диковинку взяла? Представляете, в глухой тайге и глинтвейн!

– От ссыльных, небось, – произносит Ксюша.

– Да, ссыльные у нас, почитай, весь посёлок был. Одна-единственная фабрика валенки катала, одна школа, один магазин, одно отделение милиции, узкоколейка – паровозик

раз в неделю таскал три товарных вагона. «Турок» посёлок назывался. И откуда в Сибири турки-то?

– Оттуда, откуда и гвоздика, – Любаша произносит это с набитым ртом.

– В нашем магазине был очень оригинальный ассортимент: две огромные бочки – одна со сливовым повидлом, другая с селёдкой, хлеб кирпичиками завозили раз в неделю, мыло вонючее хозяйственное по карточкам, а на полках «Солнцедар», портвейн №17, чекушки с белой головкой, да ещё пакетики с гвоздикой и хмели-сунели.

– Сразу после войны? – спрашивает отец Иоанн.

– В конце шестидесятых. Вы, москвичи, уже карточек в глаза не видели, а мы...

– Ну! Запел свою песню, расцвёл пышным цветом комплекс провинциала, – фыркает Любаша.

С улицы доносится вой автомобильной сигнализации. Звягинцев вскакивает. Перемена в его облике поразительна – от сентиментальной «расслабухи» ни следа: челюсть вперёд, глаза бешеные, выскочил вон из квартиры, как ветром сдуло. Хозяйки и гости приникают к окнам.

– Ой, ой, ой! – Любаша мечется возле окна и голосит, – Убивают! Милиция! Помогите!

Натура.

Двор. Возле подъезда драка. Звягинцев дерётся с двумя парнями неумело, но яростно. Выбегает из подъезда отец

Иоанн, за ним несутся Ксения и Рахиль. Любаша застывает на пороге, не переставая взывать о помощи, картинно заламывая руки. А вокруг – ни одной живой души. В окнах не торчат любопытные. С лавочек «сдуло» влюблённых. Хоть изорись – никто не поможет.

– А ну, прекратить, – орёт Рахиль.

Отбросив Звягинцева куда-то в кусты, парни в кожаных куртках и шнурованных до колен ботинках переключают своё внимание на «подкрепление».

– О! Глянь, брат, кто к нам пожаловал!

– Баба Яга!

Рахиль в этот момент и впрямь похожа на ведьму – буйные её волосы выбились из причёски, разметались во все стороны, глаза кажутся ещё больше и блестят, отражая свет фонарей. Она приближается медленно, чуть пританцовывая. Парни в чёрных куртках рассматривают Рахиль, словно диковинку, не замечая, как Ксюша за её спиной резким движением выдёргивает из кармана руку, на которой намотан широкий армейский кожаный пояс с большой металлической пряжкой.

– Цып, цып, курочка, – подзывает к себе один из парней Рахиль, – сейчас я тебе шейку сверчу, а потом за жарю.

– Не разжуёшь. – Рахиль прямо-таки шипит от ярости.

– Чего?

– Мясо старое.

Тут только второй парень замечает отца Иоанна, который

стоит чуть позади, стоит тихо, неподвижно, только губы шевелятся, да рукой поглаживает крест, висящий поверх рясы.

– Да брось ты эту мочалку, глянь, мужик в юбке. А ну, давай сюда крест, педик гнойный.

Рахиль делает ещё пару шагов и попадает прямо под свет фонаря.

– Жидовка?! – истерически, прямо-таки восторженно вопит парень.

– Повезло тебе, свинья! – Рахиль делает ещё один шаг, подходит почти вплотную, парень делает шаг назад.

– Убью!

Рахиль подаётся назад, парень, уверенный, что она испугалась, замахивается. Рахиль поднимает колено и со всей силы бьёт его между ног, а Ксюша в этот момент опускает парню на макушку тяжёлую пряжку ремня. Из кустов выползает очнувшийся Звягинцев – костюм в клочьях, галстук в лоскутах, лицо в синяках. Любаша рыдает, но от подъезда не отходит. Второй парень приближается к отцу Иоанну. И секунды не проходит, как священник укладывает его прямо на грязный асфальт, носом вниз, руки хулигана высоко заломлены. Первый парень, свирепея от ненависти, унижения и вкуса собственной крови, достаёт из куртки нож. Отец Иоанн в два прыжка оказывается возле него, выламывает руку с ножом, ребром ладони ударяет хулигана по шейным позвонкам, тот «отрубается». Звягинцев, пошатываясь, приближается к парню, которого священник первым уложил

носом в асфальт, с трудом стаскивает со своей шеи остатки галстука, связывает руки лежащего.

– Серёженька! Что ты наделал? Галстук от Гуччи, пять сотен баксов стоит! – Любаша бросается на шею мужу.

– Ага! – легко соглашается Звягинцев, обнимая жену.

– Тебе больно?

– Ага.

– И костюм на помойку.

– Ага.

– Тебя же могли убить! И зачем с ними связался? Чёрт с ней, с машиной, пусть бы они ею подавились!

Тут на Сергея нападает неудержимый смех:

– Любаша, ты неподражаема! Галстук пожалела, а машину... ох, не могу.

– А куда этих-то? – спрашивает Ксюша. – Тут нельзя оставлять.

– Идите домой, я с ними разберусь, – отец Иоанн наклоняется, хватая парней за воротники курток, тащит волоком по асфальту. – Нарочно они головы, что ли бреют? За волосы куда сподручнее тащить.

Почти сразу за углом дома опорный пункт милиции. Священник подволакивает хулиганов к входу, привязывает остатками галстука друг к другу и приваливает к ступеням, ведущим к дверям опорного пункта.

Интерьер.

Кафе. Приглушённый свет. Тихий голос французского шансонье доносится из динамиков музыкального центра. Метрдотель подводит Егора Букашкина и журналистку Марину к столику.

– Я вам принесла журнал со статьёй.

– Спасибо. Вы пока посмотрите меню, – Букашкин быстро листает статью, прячет журнал в кейс.

– Не надо, выберите по своему вкусу, только немного, я не голодна. Честно говоря, меня удивило ваше приглашение.

– Статья замечательно написана, у вас умное и лёгкое перо.

– Да, я среди коллег лучшая.

Егор, коротко взглянув на Марину, едва заметно улыбается:

– Только странно, вы не дали мне готовый материал перед тем, как отдать в набор.

– Я искадила хоть одно ваше слово?

– Нет.

– Всегда работаю без сбоев.

Подходит официант. Егор быстро делает заказ:

– Сен-юбер из дичи, паштет из зайца, на десерт суфле из каштанов.

И, обращаясь к Марине

– Что будете пить?

– Ничего. Только минеральную без газа и кофе.

Официант отходит.

- И всё же, господин Букашкин, зачем вы меня пригласили?
- Давайте без официоза, по-простому, по имени.
- Хорошо, Егор. Только скажите прямо, что вам от меня нужно.
- Сначала можно я задам бестактный вопрос?
- Давайте.
- Сколько вы в журнале получили за эту статью?
- Гонорар? В кассе или в конверте?
- Сколько?
- Простите, но это коммерческая тайна.
- Ладно. Подойду с другого бока. Вы хотите заработать деньги, большие деньги?
- Что такое «большие»?
- За серию статей не менее 20 000 долларов. Главное, сможете ли разместить в крупных печатных изданиях.
- Даже в телевизионной версии «Совершенно секретно».
- Только стоить будет на порядок дороже. Когда это нужно?
- Позже, я вам сообщу.
- Согласна.
- Но у меня ещё пара условий.
- К примеру?
- Полная конфиденциальность.
- Само собой.
- Темы определяю я, каждую строчку проверяю я. И никакого диктофона.

– Договорились.

– Прекрасно. А вот и наш заказ.

Марина принимается за еду. Ест быстро, жадно, будто вот-вот отнимут у неё. Егор исподволь наблюдает. Как часто можно многое понять о человеке по тому, как он ест!

Интерьер.

Загородный дом Звягинцевых. Ксения домывает посуду, расставляет по местам. Любаша внимательно за ней наблюдает. Звягинцева не видно, зато хорошо слышно. Он кричит в телефон, мешая французские, польские и русские слова, щедро приправляя всю эту языковую мешанину ругательствами:

– Я тебе не литошчивей организацион, блин, не хцен ми дач листы, пся крев? Гнуйник хренов! – Сергей брякает трубку.

– Не кричи так, Серёжа, иди сюда, объясни толком, что случилось, – зовёт мужа Любаша.

Сергей входит в кухню, красный, взлохмаченный, говорит, совершенно не обращая внимания на Ксению:

– Я ему что, благотворительная организация? Деньги переведены, а он мне не удосужился не только товар доставить, но даже ведомость по факсу не переслал! Придётся лететь в Польшу, а потом во Францию. Всё должен сам, чем Букашкин занимается?!

– Это ты у меня спрашиваешь? Может, лучше с ним по-

говорить?

– А не могу!

– Почему?

– Опять лёг на дно, паразит! Ни в офисе, ни дома. Растворился.

– Знаешь, может, Егор выдохся. И не удивительно, жить в таком аду – сам рехнёшься.

– Плевал я на его домашние проблемы! У нас чётко распределены обязанности – на нём переправка духов, на мне продажа в России.

– Подумай, его предложение нам очень выгодно. Ты последнее время с ним маешься – то поставки срывает, то исчезает невесть куда. Давай выкупим его пакет акций, а?

Звягинцевых совершенно не смущает присутствие Ксении. Ксюша же уже снимает фартук, собираясь уходить.

– Как с кредитом? – спрашивает у мужа Любаша.

– Всё в порядке.

– А проценты?

– Ноль.

– Значит, большой «откат»?

– Да.

– Так выкупай поскорее, пока Егор их не продал кому-то стороннему!

– Женщина, подумай! Представляешь, как вся эта свора на меня накинется? Сто процентов акций? И тут как тут – антимонопольный комитет, потом аудит за аудитом. Налю-

говые органы бульдогами вцепятся. Комиссиями замордуют. Они как рассуждают?! Если он такой богатый, что владеет ста процентами, так мы его ощищем, как курицу! Конца края не будет! Всю прибыль сожрут взятки, а потом кто-нибудь из этого чиновничьей своры специально обанкротит. Нет. Нужен свой человек.

Ксения уже в прихожей, снимает тапочки, натягивает сапоги. Звягинцевы выходят в прихожую, переглядываются – они понимают друг друга с полувзгляда.

– Вы можете на минуту задержаться? – спрашивает Любаша у Ксении.

– Да.

– Пройдёмте в гостиную.

Натура.

Подмосковный посёлок. Бывший совхоз «Путь к социализму». Парники с выбитыми стёклами. Заросшие бурьяном опытные делянки.

Интерьер.

Здание совхозной маслобойни, в котором давным-давно всё разворовано и загажено. Среди этого запустенья прямо на полу стоят большие прозрачные колбы. Две худые девахи с иссохшими, какими-то «потусторонними» лицами зачерпывают из колб узкими половниками с длинными черенками жидкость и через маленькие воронки разливают её по бутылочкам из-под духов. На полках, что тянутся вдоль стены

маслобойни, стоят коробочки, на них надписи на французском языке: «Пуассон», «Суар де Пари», «Мицуко».

Ворота маслобойни распахиваются, задом въезжает «Газель», по бокам которой большая надпись фирмы «Полёт фантазии». Шофёр выходит из машины, раскрывает двери, кричит женщинам:

– Бабоньки! Товар принимайте, готовый загружайте!

– Примем и загрузим, если ты нам еды и курева привёз, – отвечает одна из женщин, говорит она с сильным акцентом.

– Как обещано! – шофёр достаёт из кабины сумки с едой.

Женщины выгружают из «газели» картонные пакеты, в которых внавалку лежат бутылочки из-под духов. Потом они аккуратно заносят в кузов уже готовую к отправке продукцию: розовые, клетчатые, голубые коробочки, уже запечатанные в прозрачный целлофан. Теперь отличить их от настоящих духов совершенно невозможно.

– Шеф просил передать вам зарплату. За вычетом разбитой тары. Распишитесь.

Недовольно ворча, женщины расписываются в ведомости и только потом пересчитывают деньги.

– Да здесь и половины обещанных не хватает! – возмущается одна из девушек.

– Где наши паспорта? – спрашивает другая.

– Без понятия. Все вопросы к шефу. Я кто? Я делаю, чего приказано. Всё. Буду завтра.

– Скажи шефу, работать не будем, если не вернёт паспор-

та.

– Сами говорите. Мне до лампочки, не мои проблемы.

Шофёр забирается в кабину и даёт по газам. Женщины о чём-то очень громко спорят, но понять их нельзя, так как говорят они по-молдавски.

25. Натура.

Звягинцевы едут в своей машине – серебристом «Ауди», за рулём Любаша. Сумерки. Автомобильная пробка, продвигаются Звягинцевы еле-еле, рывками.

– Зря мы без охраны, страшно, – раздражённо бросает Любаша.

– Захотят ограбить – и никакая охрана не поможет. А так – свидетелей меньше. Перестань нервничать.

– Ненавижу пробки.

– Кто ж их любит?! Давай в правый ряд, уже подъезжаем.

Любаша с трудом перестраивается, останавливается у кромки тротуара.

– Жди. Двери запри. Меня не будет не менее сорока минут.

– Ладно, ладно. Я пока посмотрю новости. – Любаша включает телевизор, вмонтированный в панель.

Интерьер.

Сергей входит в помещение банка. Затёртый ковёр, пара кожаных кресел. У стойки, где сидит охранник, Сергея ждёт

неприметный мужчина в чёрном костюме.

– Я жду вас уже полчаса, – ворчит мужчина.

– Пробки, да ещё гололёд. Насилу доехали.

– Пошли.

Они проходят по коридору, спускаются по боковой лестнице вниз. Операционный зал.

Любаша в машине смотрит телевизор. На экране – Израиль, последствия террористического акта: несколько машин скорой помощи, носилки с ранеными, плачущие люди, полицейские и врачи помогают раненым...

Интерьер.

Квартира Ксюши и Рахили. Работает телевизор. На экране Израиль, последствия террористического акта. Закадровый комментарий журналиста: «Взрыв произошёл на автобусной станции. Несколько десятков человек ранено, шестеро убито...»

На носилках маленький мальчик. Крупно его лицо.

– Выключи, выключи, я не могу больше! – Ксения встаёт с кресла, делает шаг к столу, на котором лежит пульт. Рахиль прикрывает его рукой.

– Ах, видеть не можешь?! А мы вот так живём! Каждый день, каждую минуту! Не война, а планомерное уничтожение всего и вся. Сотни искалеченных и убитых. Эти шалавы уверены, что люди заболеют саркомой души – боязнь лечь спать в своём доме, выйти на улицу, сесть в автобус, страх

жизни. И неважно, где это происходит – в Иерусалиме, Каспийске, Москве или в Америке.

– Угомонись. Ты же не на трибуне!

Но Рахиль продолжает:

– Не отсидишься, не залезешь в щель, как таракан.

– Будет тебе кликушествовать. Ты ещё о конце света заговори.

– Мне нужны деньги, – без перехода, какой-либо паузы и очень резко вдруг произносит Рахиль.

– Сейчас принесу, – Ксения выходит в другую комнату, открывает ящик письменного стола, берёт потёртую, ветхую косметичку, достаёт из неё три бумажки по сто долларов и тощенькую пачечку пятисотрублёвых купюр. Возвращается к Рахили.

– Вот.

– Что это ты мне суёшь?

– Ну, ты ж сказала, нужны деньги.

– Ха!

– Что означает твоё «ха», хотела бы я знать?!

– Ой, не могу! – Рахиль давится смехом. – Святая просто-та! Мне нужно много, очень много денег!

– Да на кой они тебе?

– Я организовала негосударственный Центр психологической помощи для пострадавших во время террористических актов и для родственников погибших.

– Ты? Не может быть! Неужели в Израиле подобных ор-

ганизаций нет?

– Есть десятки.

– Ну и?

– А нужны сотни по всему миру.

– Да ты всегда, как чёрт от ладана, шарахалась, если предлагали вступить в партию, профсоюз или...

– Сравнила рыло с топором!

– Грубиянка.

– И в России тоже организую. Вот для чего нужны деньги.

– Ага.

– Что означает твоё «ага»?

– Ага – это то же, что твоё вечное «ха».

Подруги дружно расхохотались. Утирая слёзы, выступившие на глазах, Ксения решительно произносит:

– Будут.

– Кто?

– Не кто, а что.

– Ограбим банк?

– Что-то в этом роде. Сядь и послушай внимательно.

Не перебивая. На днях мои хозяева сделали очень странное предложение, – но договорить Ксения не успела, раздался резкий и длинный звонок.

– Кого это черти принесли, – идя открывать, ворчит Рахиль, – как всегда на самом интересном месте.

Она распахивает дверь. На пороге Мара, Йоська и весь их «выводок» от мала до велика – шесть мальчишек в чёрных

лапсердаках, на макушках кипы, а вдоль чумазных мордашек выются пейсы.

– Мама! Ты жива?!! – кричит Мара и бросается к матери, чтобы обнять. Но не тут-то было, Рахиль делает шаг назад, выставив вперёд руки.

– Спокойно. Страсти-мордасти оставим на потом. Сначала объясните, как вы тут оказались?

– Ксюша.

– Ну?

– Дала телеграмму.

– И что в ней?

– Немедленно приезжайте.

– И всё? Это ещё не повод срываться с места...

– Рахиль, может, вы нас в дом пустите? Дети устали, голодны и не мыты, – вступает Йоська.

– Дети? Какие дети? Я тут не вижу никаких детей, одних байстрюков!

Шестёрка с визгом повисает на Рахили, она не выдерживает их веса, падает на пол, обнимает всех поочередно. Сушущая куча-мала. Мара с мужем втискиваются в квартиру.

Вся семейка за обеденным столом. Дети стучат ложками по тарелкам.

– У вас же нет кошерной еды! – возмущается Йоська.

– Ходи голодный, – тут же парирует Рахиль, – и потом, ты же раввин, вот и проверь еду сам.

– Мама, перестань ехидничать, – вступает за мужа Ма-

ра, – хоть ты, Ксюша, вразуми её!

– Эта задача мне не по плечу. – Ксюша выходит на кухню и тут же возвращается с кастрюлей. – Ешьте овсянку, она без молока, только с оливковым маслом. Это-то можно?

Дети набрасываются на еду.

Интерьер.

Загородный дом Звягинцевых. Любаша разливает чай. Сергей расставляет рюмки, наливает из графина тягучую, словно патока, наливку. За столом Рахиль. Ксюша возится на кухне. Рахиль смотрит на приборы, приборов только три, рюмки тоже только три. Любаша замечает взгляд гостьи, вскакивает, достаёт из буфета ещё один прибор и кричит:

– Ксения, мы без вас не начинаем, идите же.

– Спасибо, я чуть позже, – не заходя в столовую, отвечает Ксюша.

Рахиль едва заметно, но язвительно улыбается, чуть-чуть, уголком рта.

– Рахиль Борисовна! Сначала вопрос. Можно?

– Да ради Бога!

– Вы гражданка Израиля? Только Израиля?

– Нет, у меня двойное гражданство. Пока ещё гениальная Дума не отменила, кажется.

– Тогда... Не согласились бы вы стать совладелицей акций моей фирмы?

– Что-что?

– Мы обсудили с Любашей. Вы человек, которому можно доверять, не правда ли?

– Стойте, стойте! Давайте-ка я сначала выпью вашей настойки, а то у меня в голове коловращение образовалось.

– Конечно, конечно! Мне её привезли с православной ярмарки. Волшебный напиток! – Сергей суетливо пододвигает к госте рюмку.

Сделав несколько глотков, Рахиль ставит рюмку на стол довольно резко и так же резко говорит:

– Ха! Вы мне предлагаете стать поручиком Кижее?

– ???

– Неважно. Зиц-председатель Фукс?!

– М-м...

– Сколько?

– Что – сколько?

– Ну, Серёженька, вы меня прекрасно поняли!

– 500. Долларов, разумеется.

– За каждую акцию?

– Нет, это вроде гонорара за услугу.

Совершенно неожиданно для хозяев Рахиль вскакивает, предварительно резко опустив на стол обе ладони, отчего приборы подпрыгивают, графин и рюмки звенят. Чай из чашек расплёскивается. И Рахиль смеётся, долго и почти до слёз.

– Ксюша! Немедленно сюда! – кричит Рахиль, отсмеявшись.

– Ну?

– Ты слышала?

– Нет. Но я же тебе говорила, что у них есть предложение, а ты, как всегда, не дослушала.

– Давно я так не веселилась.

Любаша и Сергей мрачно молчат. Потом Сергей вздыхает:

– Каковы ваши условия?

– Зачем вам это – не спрашиваю, но кажется, догадываюсь.

– Могу объяснить.

– Не надо, Сергей. Лишнее.

– Вы отказываетесь в принципе? Можем удвоить.

– Мы не на базаре.

– Хорошо, изложите ваши условия.

– В письменном виде, нотариально заверенные?

– Ну, Ксения, ваша сестра и язва!

– Да что вы говорите? Не может быть! – явно развлекается Ксюша. – К тому же мы не родственники.

– Как это? – вступает в разговор Любаша. – Но вы же живёте вместе, да и так похожи!

Рахиль и Ксюша стоят рядом – их «разность» очевидна: первая типичная еврейка, вторая типичная славянка.

– Ах, – капризно говорит Любаша, – я так плохо разбираюсь в людях. – Что же вы стоите, давайте чай пить, наливочку. Ксения, пирожные-то не сгорели? У нас сегодня эклеры. Пойдёмте, я вам помогу.

Любаша чуть ли не силком тащит Ксению за рукав.

– На этих унижительных условиях я даже разговаривать об акциях не буду, – произносит Рахиль.

– Я думал, вы сильно нуждаетесь.

– Ха! Полагали, что нищенка из Израиля в обморок упадёт от счастья?! Целых 500! Надо же? Куплю на них помело и ступу с мотором! Я вас обязательно прокачу.

– Простите.

– Вам нужно передать акции, так как боитесь антимонопольного комитета и налоговой, не так ли?

– Д-да.

– А вы подумали о моём риске? Если обман раскроется, то... сами знаете, что меня ждёт. Да, мне нужны деньги. Но не на жизнь, я, слава Творцу, не бедствую. А собираю деньги для помощи пострадавшим от террористических актов. Нужны квалифицированные детские и взрослые врачи, нужны психологи, ортопеды, инженеры... Классные специалисты стоят дорого. Протезы для ног, а тем более для рук стоят дорого. А вы мне кидаете подачку.

– Ещё раз прошу простить.

– Я-то прошу. Вы тут благодумствуете, а там, зажатая со всех сторон крошечная страна, которую весь арабский мир мечтает смести с лица земли, каждый день и час израильтяне гибнут от взрывов и пуль.

– Но и у нас своя война.

– Ай, бросьте! Вы-то лично в Москве, в Чечню вас метлой

не загонишь.

– Я коммерсант, а не военный, пусть каждый занимается своим делом.

– Пусть. Но помогать сирым и убогим, калекам и жертвам неправедных войн кто должен?!

– Война в основе своей дело неправедное, гнусное.

– Это-то точно!

Они оба замолкают. Рахиль смотрит куда-то поверх головы Звягинцева, а он в пол.

– Давайте отложим разговор, не отказывайтесь. Но и я подумаю. Договорились?

– Хорошо, – соглашается Рахиль.

Входят Любаша, Ксения на вытянутых руках держит блюдо с эклерами.

– Ксюшино коронное блюдо! И меня пыталась научить, но – увы! Никаких кулинарных талантов, – говорит Рахиль.

– Каждому своё, – добродушно бросает подруга, – зато ты великий художник, а я так, ремесленник!

– Ой-ой-ой, какие мы скромные! – парирует Рахиль.

– Кстати, – вдруг оживляется Звягинцев, – я вас хотел просить...

– Знаю, знаю – не даёт закончить Рахиль, – написать портрет вашей жены.

– Вам Любаша говорила?

– Ни словечка.

– А она у нас ведьма, – встречает Ксюша, – мысли читает

и всё такое.

– Правда? И будущее предсказывает?

– Да.

– Шутите?

– Если бы!

– Скажите, что с нами будет, – спрашивает хозяйка дома.

– Ни за что!

– Что-то плохое?

– Всё, всё, никакой мистики. Просто пьем чай. А портрет обязательно напишу. Но у меня условие...

– Если понравится, мы готовы заплатить.

– Само собой.

– Работать привыкла только у себя.

– У вас есть мастерская?

– Пока я в Иерусалиме, ею пользуется Ксюша. Такая у нас договорённость.

– Согласна, согласна. Буду приходить хоть каждый день!

– Сейчас света мало, всё время пасмурно. Однако попробуем.

Интерьер.

Квартира Егора Букашкина.

В детской всё убрано, даже постель, компьютер прикрыт чехлом. О том, что здесь когда-то обитала дочь Егора, можно догадаться только по обоям, разукрашенным пучеглазыми пупсами, да из-под прикрытой стенки шкафчика свиса-

ет маленький кружевной носок. Входит Егор. Он стоит посреди комнаты, замечает носок, распахивает дверцы пустого шкафа, берёт носок, долго смотрит на него. И плачет тихо, без всхлипываний, гримас. Потом в ярости рвёт кружево на мелкие кусочки, открывает окно, холодный ветер врывается в комнату, Егор бросает обрывки на улицу, но ветер приносит их обратно. Егор собирает обрывки, снова кидает в окно, снова ветер возвращает их...

В комнате жены тихо, горит настольная лампа. Егор входит, наклоняется к женщине – она лежит, вперив неподвижные, словно бы мёртвые глаза в потолок. Сон наяву.

– Вставай.

Женщина послушно поднимается. Все движения механические, в них нет обречённости, но нет и силы.

Егор протягивает ей пачку бумаг:

– Подписывай здесь. Теперь здесь. И здесь. Умница. А теперь оденемся и причешемся. Скоро гости придут.

– Гости придут... – без вопроса и восклицания, послушно тянет к Егору руки. Егор одевает жену. Причёсывает щёткой, собирает жидкие волосы в пучок, закалывает шпильками. – Красивая девочка.

– Девочка, – словно эхо.

Звонок в дверь, Егор выходит, возвращается с двумя санитарями. Жена Егора смотрит на них, глаза её оживают.

– Не надо, – шепчет она.

– Надо, девочка, *мне* надо.

Жена Егора сникает, словно все силы растеряла от произнесённых двух слов, покорно даёт себя вывести из комнаты.

Егор остаётся один в квартире. Он бродит из комнаты в комнату, шаркая по-стариковски ногами. Входит в кухню, зажигает свет, достаёт из холодильника бутылку водки, наливает полный стакан, выпивает, медленно цедея – так воду пьют. Звонит телефон. Егор поднимает трубку:

– Да? Здравствуй. Нет, всё хорошо, – у него уже слегка заплетается язык, но он ещё держится, – потом, Сергей, всё потом. В офисе.

Положив трубку мимо телефона, Егор вдруг падает головой на кухонный стол. Опьянение обрушивается на него. Тишину дома нарушает только гудок «занято», трубка валяется рядом с аппаратом.

Натура.

Салон машины. Егор стоит в пробке на Садовом кольце. Звонит телефон.

– Да? Хорошо, что позвонили. Я и сам собирался. Когда мне ждать статью? Гонорар по выходу. Вы мне не доверяете? Но мы же договорились: деньги для газеты вам выданы, а за ваш труд по выходу. Через неделю одна, на следующий день другая? Прекрасно. Встретимся в том же месте после вашего звонка. Счастливо, Марина.

Джип Букашкина припарковывается возле офиса. Охранник приветствует хозяина. Букашкин, помахав в ответ, быстро взбегает по лестнице.

Интерьер.

Кабинет Сергея. Входит Букашкин.

– Наконец-то! Ты не появлялся на работе почти месяц.

Что случилось?

– Дочь отправил за границу. Жену – в больницу.

– Помощь нужна?

– Нет. Ну, как? Надумал выкупить акции?

– Да.

– Чудненько!

– А чем ты-то займёшься, если не секрет?

– Уеду.

– А-а, понятно.

– Ладно, я пошёл – кое-что подчищу, кое-что закончу.

– Стой! Пока ещё ты в деле, пока отвечаешь за свой сектор. У меня парочка вопросов. Первое: задержки в Польше с тарой и с эссенцией почему? Ведь это твоя епархия. Второе: ты задолжал работницам, экспедитор приехал из совхоза, бабы грозятся уйти.

– Да куда они денутся-то без паспортов? До первого милиционера? Работают из рук вон плохо, медленно, мигранты, едри их в колено!

– Нравится тебе, Егорушка, людей раком ставить! Все работают плохо, соображают медленно и вообще.

– Да ладно!

– Нет, не ладно!

– И чего кипятишься? Станешь полновластным хозяином, вот тогда и облизывай своих подчинённых. Они тебе мгновенно на шею сядут. А наш народ плётку только и понимает.

– Ответь мне – почему не проследил за польским сектором?

– Ну, сбои у всех бывают. Янек напортачил.

– А ты вроде как не при чём?!

– Отстань, – Егор повернулся на каблуках и вышел, но вернулся, приоткрыв дверь, бросил: – на когда нотариуса вызывать нашу сделку оформлять?

– Что-то ты больно спешишь.

– Тошнит меня от этой Москвы, от всего. Спешу к дочке.

– Так я тебе и поверил, – произнёс Звягицев, когда Егор уже закрыл дверь.

32. Интерьер.

Квартира Рахили и Ксении. Семейство собирается на прогулку. Йоська поправляет ребятишкам круглые чёрные шляпы.

Рахиль открывает дверь, входит, нагруженная пакетами.

– И куда это вы тащите детей в таком виде? – спрашивает она.

– В каком? – недоумевает зять, говоря на иврите.

Все разговоры с зятем на иврите с синхронным переводом самой Рахили.

– Нет, вы только на него посмотрите! Ксюша, иди сюда

быстро.

– Ну? – Ксюша появляется из кухни.

– Ты глянь на моего дурня! Он решил заморозить сыновей.

– А что такое? – недоумевает зять.

– Это же Москва! У нас, знаешь, холодно. Смотри, что я купила.

Рахиль достаёт из пакетов дублёнки и меховые шапки-ушанки, примеряет на детей, Ксения ей помогает. Стук в дверь. Ксюша идёт открывать:

– Кто у нас никогда не пользуется звонком?

– Я, я! – раздаётся из-за двери голос отца Иоанна.

Стоя на пороге, Ваня спрашивает:

– Готовы? Я не буду заходить.

– Пошли, пошли, – наперебой кричат дети.

Не дожидаясь лифта, весь «выводок» мчится вниз. За ним неспешно, солидно спускаются Йоська и отец Иоанн. Ксения и Рахиль выглядывают на улицу, чуть приоткрыв окно.

33. Натура.

Двор дома. Из подъезда появляются дети. Кудельки пейс развеваются на ветру. Увидев снег, дети в восторге застывают. На площадке, где установлены качели, три парня в кожанках, курят. Увидев, как из подъезда выходят Иоанн и Йоська, один из парней говорит:

– Вот тот.

– Поп? Один вас двоих уложил?

– Угу.

– Ну, мы ему сейчас справим службу!

Парни не спеша приближаются к Ване, но тот их не видит, отвернулся, чтобы помахать Рахили и Ксении, стоящим у окна. Три парня одновременно набрасываются на Ваню, сбивают с ног, ботинками на толстых подошвах они стараются попасть в голову.

Все мамы с детьми и бабульки с колясками разбегаются. Ивана бьют с остервенением и молча. Зять Рахили на мгновение застывает, потом что-то шепчет детям, мальчишки скрываются в подъезде. Тощий, невысокий Йоська пытается вклиниться в драку, парни отбрасывают его словно соломинку, он падает, поднимается, вновь бросается в драку.

Эти нелепые наскоки несколько отвлекают парней, отцу Иоанну удаётся подняться. Ряса его вся в грязи, кое-где порвана, нагрудный крест валяется на земле. Из подъезда выскакивают Рахиль и Ксения. Всё, или почти всё, как в первой драке. В руках у Ксюши тот же ремень с тяжёлой медной бляхой, Рахиль похожа на обезумевшую ведьму. Один из хулиганов хватает Йоську за пейс и выдёргивает его, правая щека раввина залита кровью. Однако он словно и не чувствует ничего, падает, поднимается, вклинивается между парнями и Ваней.

34. Интерьер.

Квартира. Мара и дети. Мара тщетно пытается дозвониться по телефону.

– Сидеть, из квартиры не выходить ни под каким видом, – бросает она детям. (Закадровый перевод).

Дети молча кивают. Мара выбегает на улицу.

35. Натура.

Улица. Здесь диспозиция полностью изменилась. На земле лежат два парня, третьему Рахиль и Ксюша стягивают руки ремнём. Йоська всхлипывает. Но это не слёзы, а клокочущая, шумная ярость. Хулиган сквозь зубы произносит:

– Жид пархатый, убью! А ты, педик, проданся жидам!

– Что он сказал? – не понимает раввин.

Рахиль переводит. Йоська наклоняется над парнем и плюёт ему прямо в лицо.

– Фашист, – хрипло бросает отец Иоанн.

– Милиция, милиция! – истошно вопит Мара. – Где милиция?!

– Не голоси, – довольно грубо обрывает её Рахиль.

И в этот момент появляется милиция.

36. Интерьер.

Отделение милиции. Усталый, с серым лицом и красными от недосыпа, воспалёнными глазами милиционер в штатском заполняет протокол. Хулиганы, отец Иоанн и раввин в наручниках.

Милиционер пишет, вполголоса повторяя:

– И оторвал пейс, – поднимает голову, смотрит на Рахиль. – Это что за зверь такой?

– Кудри вместо бакенбард, – Рахиль смеётся заливисто, – как у Пушкина, только локонами.

– А кто из вас Пушкин?

В тесной комнате, где милиционер проводит дознание, раздаётся дружный смех: Ксения и Рахиль, отец Иоанн и Мара. Молчат только парни в чёрных куртках и Йоська. Первые трясутся от ненависти и униженности своего положения, последний просто ничего не понимает, так как ни слова не знает по-русски.

– Тьфу ты, чтоб вас! Совсем мне голову закрутили! Сейчас всех в обезьянник отправлю, сразу не до шуток станет!

– Ну, что мне делать?! Не умею плакать, только смеяться! – произносит Рахиль, достав из кармана своей необъятной юбки платок, вытирает глаза. – Пиши, касатик, не отвлекайся.

Йоська вдруг вскакивает, наклоняется над столом, говорит быстро, глотая буквы.

– Сядь на место! – милиционер ошарашен. – Что это он забулькал, как суп на плите?

– Очень образно! – раздражается Мара. – Муж говорит, что только читал про русский фашизм, никогда не думал, что столкнётся с ним.

– Я те покажу русский фашизм! Я тя на нарах сгною! – вдруг взвизгивает милиционер. – Понаехали тут, учить нас

уму-разуму...

– Тихо, тихо, – произносит Ваня, – вас как величать?

По имени и отчеству?

– Иосиф Иванович меня величать.

– Ха! – опять взрывается смехом Рахиль. – Ты Иосиф, а моего зятя Йоськой мы величаем. Значит, тетки. И вообще, тебе при язве нервничать никак нельзя.

– Откуда про язву знаешь?

– Моя мама всё и про всех знает, так что давайте, закругляйтесь с протоколом, мне домой пора, дети одни.

– Какие ещё дети?

– Шестеро байстрюков, – за Мару отвечает Рахиль.

– А вы, гражданочка, – обращается к Ксюше Иосиф Иванович, – что можете сообщить по поводу драки?

– Сейчас я вам всё расскажу. Мы собирались отправить детей на Красную площадь, одели их, пришлось купить тёплую одежду...

– Короче.

– Они не привыкли к таким холодам, так вот, одели...

– Короче!

– Я и говорю: они не привыкли к таким холодам, купили им дублёнки, шапки...

– Всё! Понятно, замолчите!

– Купили им дублёнки, шапки...

Милиционер в сердцах бросает на стол ручку, она ломается.

– Вы издеваетесь надо мной?

– Да, – спокойно отвечает Ксюша.

– Но за что? – вопрос звучит почти по-детски.

– За сочувствие к таким вот чёрнокурточным бритоголовым, за «понаехали тут всякие», за то, что ненавидите «чёрножопых, узкоглазых, горбоносых, пейсатых».

– Ксюша, ты несправедлива, – произносит Иван.

– Пусть. Надоело. И стыдно.

– Вы мне тут политические митинги не разводите. Отвечайте по существу вопроса. Была драка, есть потерпевшие, есть виновные. Больше меня ничего не интересует. Вот вам, гражданочка, лист бумаги, ручки нет, последняя сломалась. Пишите объяснение. Всё, разговор пока окончен.

Иосиф Иванович выглядывает в коридор, кричит: «Касьянов!» В кабинет входит милиционер с автоматом – рыжие вихры, крепко стиснутый рот, из породы жестоких молчунов.

– Касьянов, сними наручники с попа и с «этого», а молодчиков отправь в первую, – кивает на бритоголовых, – потом вернёшься, соберёшь объяснения с потерпевших, а я в столовую.

– Правильно, – говорит Рахиль, – язву кормить надо, иначе загрызёт.

– О, господи! На одно слово у них десять! – выходя, вздыхает Иосиф.

37. Интерьер.

Касьянов запирает дверь «клетки», хулиганы злобно смотрят на рыжего, который бросает им:

– Ну что, бакланы, вмазались? Уж я позабочусь такой душняк вам спроворить! «Пупок» мамой родной покажется! (Закадровый перевод): «Ну что, хулиганьё, попались с личным? Уж я позабочусь такие невыносимые условия вам создать, вертухай и тот мамой родной покажется!»).

Бритоголовые злобно смотрят, но молчат. Касьянов, криво усмехаясь, уходит, возвращается в комнату, где пишут объяснения потерпевшие.

38. Интерьер.

Комната следователя в милиции. Касьянов собирает листы с объяснениями, складывает аккуратной стопочкой (экий педант!) на столе. Открывается дверь, входит порозовевший и подобревший хозяин кабинета. А наша компания, не обращая на него внимания, затевает спор (закадровый перевод):

– Маймонид утверждает, что Моисей собственноручно записал «Скрижали» на табличках из сапфира, – бубнит раввин.

– А Спиноза отверг это, – парирует Рахиль.

– Мама, вы мне надоели со своим Спинозой!

– Не ругайтесь, не к лицу священнослужителю брань, – пытается утихомирить спорящих Иван, причём произносит

это на иврите.

– Интересно, – тут же переключается Йоська, – где это ты научился так ловко говорить на моём языке?

– В семинарии, где ж ещё?! А ты как можешь так называть мою маму?

– Как?

– Има!

– Она моя мама, а не твоя!

– Нет, моя! – взвивается Мара.

– Заткнитесь! – кричит Иосиф Иванович, – о чём спор?

– Сейчас переведу, – смеётся Рахиль, – они меня поделить не могут. Зять, приёмный сын и родная дочь.

– Пошли все вон! – шипит, багровея, следовательно, – Касьянов, выведи этот табор вон, вон, вон!

– А как же... – Касьянов не успевает договорить.

– Повестки им вышлем. По одному. Не всем кагалом! Всё!

40. Интерьер.

Загородный дом. Любаша складывает тарелки и кастрюли в посудомоечную машину. Сергей уже одет, поторапливает жену:

– Ты скоро? Нам ещё надо проверить точки у метро, а потом у меня совещание.

– Минутку.

– Минутка превращается волшебным образом в час, час

в сутки.

– Не ворчи. Кстати, к 12-ти я должна быть у художницы.

– Что ты нацепила? – Сергей критически оглядывает жену, ходит вокруг неё кругами. – Сними немедленно эту хламиду! Сколько раз говорил, лиловое тебе не к лицу!

– Тогда я задержусь ещё ненадолго, – видно, что она обижена.

– Ладно, мне по барабану.

– Сколько тебя учить, деревня? Нельзя так разговаривать!

Не солидно!

– Поехали, поехали!

41. Натура.

Киоски возле метро. В одном из них освещённая розоватым светом витрина, вращающиеся стеклянные полки, на которых размещены коробочки и флаконы французских духов. На крыше огромная бутылка и сверкающая неоновой надписью: «Полёт фантазии».

Сергей входит внутрь. Сквозь стекло видно, как он разговаривает с продавцами. Выходит, в руках у него несколько газет.

42. Натура. Салон машины.

Сергей стремительно срывается с места.

– Это что у тебя? – спрашивает Сергея жена.

– На, читай вот здесь. Вслух.

– «Трудно в наши дни найти стабильно развивающуюся фирму. Из достоверных источников нам стало известно, что „Полёт фантазии“ исправно платит налоги, не замечен ни в каких махинациях и практически не имеет конкурентов. Президенты фирмы „Полёт фантазии“ господра Букашкин и Звягинцев строили свой бизнес постепенно, пошагово, не наскаком и нахрапом, а грамотно, как и полагается уважающим себя и покупателей деловым людям...» Господи, Серёжа, что за бред собачий! И кто это такой М. Куркин? Неужели ты постарался? Не посоветовавшись со мной?!

– Понятия не имею. Явный псевдоним. И ничего я не заказывал. Клянусь!

– Посмотри мне в глаза!

– Хочешь, чтобы мы разбились?

– Тормози к обочине! Смотри в глаза!

Сергей с трудом выруливает к бордюру тротуара, поворачивается к Любаше.

– И вправду не врешь.

– Вечно ты всем недовольна. Нам рекламка не мешает.

– Чует моё сердце, за этим Егор стоит. Аккурат после того, как ты согласился выкупить акции. Вы о цене говорили уже?

– Нет.

– Всё же, муженёк любимый, ты у меня тюфяк!

– А ты Фома неверующий! К тому же Рахиль ещё не дала согласия взять акции в управление. Всё и лопнуть может.

– А этот, – Любаша указательным пальцем ткнула куда-то

вверх, чуть ли не в крышу салона, – уже откат получил?

– Пока нет, дал согласие на Пасху к нам приехать. Надо будет пригласить и Рахиль, пусть убедится – мы люди солидные, не шантрапа какая-нибудь. Ксения обещала приготовить кулич, пасху и, – гоготнул с издёвкой Сергей, – фаршированную щуку.

– Ты и меню уж составил? Даже с домрабыней ухитряешься сговориться за моей спиной!

– Не обижайся, красавица, я тебя берегу, как зеницу ока.

– Помяни моё слово, Егор такую цену за акции завинтит, мало не покажется.

– Не-а! У него тяжёлая депрессуха, ему всё обрыдло, да и на зарубежных счетах столько денег, до конца жизни хватит и после смерти тоже.

– Да уж! Ему не позавидуешь – жена псих, дочка debilка. Однако поделом.

– Злюка.

– Терпеть не могу подобный тип людей. Ты замечал, как он расплачивается?

– С кем?

– Ну, хотя бы в ресторане. Долго-долго держит каждую купюру, мнёт пальцами.

– И о чём это говорит?

– За копейку удушит. Скупердяй.

Несколько минут они едут молча, и только, когда почти остановились возле подъезда, в котором живут Рахиль и Ксе-

ния, Любаша произносит:

– Зря ты всё это затеял, ох, зря.

– Предчувствия терзают?

– Вроде того. Ладно, не забудь за мной заехать.

– Как можно!

43. Интерьер.

Мастерская Рахили. Она находится в том же подъезде, где её квартира, только под крышей. Как ни странно, здесь царит идеальный порядок. Кисти, палитра, краски, – всё на своих раз и навсегда заведённых местах. Рахиль в башмаках и юбке, в которых прилетела в Москву. На голове чёрная шляпа с полями. Любаша сидит в кресле. Поза напряжённая, неестественная, ноги стиснуты в коленках и чуть расставлены в ступнях. Рахиль сдвигает шляпу на затылок, что-то напевает, смотрит то на Любашу, то на холст. Берёт табурет, ставит его напротив модели, усаживается и произносит:

– Мадам! Вы не на приёме у дантиста. У меня нет бормашины, и больно я вам не сделаю. Никогда не позировали?

– Да. Нет.

– Чудненько! Чаю хотите?

– Нет, спасибо.

– А я вот не откажусь. Пошли на кухню.

– Тут и кухня есть? – удивляется Любаша.

– И даже сортир с ванной.

Они проходят на кухню. Пока Рахиль заваривает чай, ста-

вит на стол кружки, Любаша осматривается, постепенно ослабляясь.

– Никогда не предполагала, что художники так работают.

– Ха! Смотри какие! Вы, небось, думали, вокруг горы мусора, промасленные тряпки со следами красок и тому подобное?

– Ну, не знаю... А у вас сахара нет?

– Так вот же.

– Нет, то песок, а я люблю вприкуску.

Рахиль достаёт из шкафа кулёк, из него перекладывает на блюдце несколько пожелтевших, неровных кусков.

– Ой! Сколько же ему лет? – радуется по-детски Любаша.

– Много. Берите кружку, пойдём работать.

Они возвращаются в мастерскую. Любаша садится, Рахиль стоит, сосредоточенно глядя на модель, потом делает несколько набросков углём.

– Говорите, – строго произносит художница.

– Что? – пугается Любаша.

– Да что хотите. Ну, хотя бы про своё детство.

– Не было у меня детства, – мрачнеет Звягинцева.

– То есть?

– Не хочу об этом говорить.

– И не надо, – легко так соглашается, без обид.

– А почему вы в шляпе?

– Примета. Потеряю – талант иссякнет.

– Да быть того не может!

– И нечего смеяться!

– А когда портрет готов будет?

– Как получится. Хочется поскорее?

– Естественно.

– Скоро только детей зачинают.

– У иных не получается ни быстро, ни медленно.

Рахиль протягивает Звягинцевой бумажную салфетку:

– Промокните глаза.

– Я не плачу.

– Собираетесь. Поговорим об этом?

– Нет.

– Хотите, расскажу про вас?

– Ещё чего! Я про себя и так всё знаю. Лучше объясните,

как вы решили с акциями.

– Позже дам ответ.

– Опоздаете, найдутся и ещё охотники.

– Ой ли? Вы предложили взять акции в управление совершенно чужому, постороннему человеку. Отсюда вывод: либо нет никого вокруг, либо...

– Да ничего подобного! Просто вы нам понравились.

– Ладно-ладно, замнём. Лучше скажите, фирма «Полёт фантазии» имеет своё помещение?

– У нас небольшой особнячок.

– Выкупили?

– Куда там! Договор об аренде. На 90 лет.

– Ого! Какие же связи надо иметь!

– Что есть, то есть, – не без бахвальства произносит Любаша.

– Чудненко. У меня проблема с помещением для центра реабилитации.

– Если возьмёте акции, можно подумать и об этом.

За окном клубятся серые сумерки, в мастерской становится темно. Рахиль снимает шляпу, прикрывает подрамник старой клетчатой шалью.

– Всё, свет ушёл. Следующий сеанс через неделю, в то же время.

– Покажете?

– Ни в коем случае!

– Жаль, – произносит разочарованно Любаша.

– Кому полработы не показывают?

Рахиль замечает, что Звягинцева обижена.

– Ха! Обиделась! Шучу же! Просто примета плохая.

– Вот уж не могла предположить, что вы верите во всякую такую чепуху!

– Ещё как! Пойдёмте, я вас провожу. Мне надо домой зайти переодеться. Сегодня важная встреча предстоит.

44. Натура.

Здание Московского правительства. Широким, размашистым шагом спешит к главному входу Рахиль. Входит в Бюро пропусков.

45. Интерьер.

Кабинет начальника. За столом невысокий, пухлый человек. На лице его написана скука и злоба. Раздаётся стук в дверь – лицо мгновенно меняется, появляется маска добродушной глупости, этакий Иванушка-дурачок.

– Войдите.

Входит Рахиль. Она в том же скромном костюме, что ей купила Ксюша. Волосы гладко зачёсаны, минимум косметики, но всё же она есть, и очень её молодит.

– Какие люди! – голосом восторженного кретина «пропеваает» хозяин кабинета. – Ты всё такая же красивая, годы тебя не берут.

– Ха!

– И всё тоже твоё знаменитое «ха»! Сколько лет мы не виделись?

– И ты всё такой же... Непотопляемый!

– Почему это?

– Опять в начальниках ходишь.

– Ну, какой же начальник? Просто канцелярская сошка. Так как тебе живётся-можется на земле обетованной? Сбежала?

– Не угадал как всегда. Приехала организовывать филиал моего Центра.

– Что это? Расскажи поподробнее.

46. Интерьер.

Отделение милиции. Ксения у застеклённого окна дежурного.

– Иосиф Иванович у себя?

– По какому вопросу?

– Жалоба.

– На вас?

– Нет, мы подавали.

– Пройдите. Знаете, где он сидит?

– Конечно.

Ксения идёт по замызганному коридору. Стучит в дверь.

– Входите, – раздаётся из кабинета.

Иосиф Иванович сидит за столом, пьёт из большой кружки чай.

– Я вас вызывал? Нет. Ну, и до свиданья.

Ксения спокойно проходит, садится на стул, складывает руки на коленях.

– Покоя от вас нет! Чаю попить и то не дают, – сразу свирепеет Иосиф.

– Да вы пейте, пейте, а я говорить буду.

– О чём?

– Вы обвинение тем хулиганам уже предъявили?

– Нет. Оформляю.

– Вот и хорошо.

– Что же тут хорошего, у меня сроки дознания прошли.

– Вот и славненько.

– Вы опять, как в тот раз, издеваетесь?

– Я забираю наши заявления.

– С чего это?

– По двум причинам. Первая. Моя подруга и её семья уезжают...

– Это мне до лампочки. А дело уже заведено, так что запрещаю...

– Мы не свидетели, не ответчики. Приказать вы нам ничего не можете. Ну, подумаешь, подрались!

– А вторая?

– Что вторая?

– Причина, чёрт возьми!

– Что же вы такой гневливый, а? Разве так можно? Погубите себя в расцвете лет.

– Опять смеётесь, – подозрительно смотрит на Ксению.

– Самую малость. Вторая причина посерьёзней. Судебной перспективы у этого дела практически нет. Адвоката вы им предоставили? Нет. Врачебного освидетельствования мы не проходили, да и серьёзных увечий они нам не нанесли. За разжигание межнациональной розни их тоже не осудишь. Свидетелей-то нет, не правда ли? Дело в суде рассыплется, а они ещё больше возненавидят всяких инородцев. Да и жалко мне их, недоумков.

– Они-то вас не пожалеют, прибьют и не чихнут.

– Вполне вероятно.

– Касьянов!

Входит Касьянов.

– Приведи тех, из первой.

– Зачем?

– Поговори у меня!

Ксения открывает свою сумочку, достаёт сложенные вчетверо бумажки, протягивает Иосифу:

– Вот заявления об отзыве жалобы. Здесь одно с переводом, он прикреплен вот тут.

– Почему это?

– Ну, не знает человек русского, непонятливый вы наш!

– А!

Иосиф достаёт из сейфа папку, складывает туда заявления.

– Не пожалеете? Потом на меня донос не настрочите?

– Ничего-то ты, парень, в людях не понимаешь.

– Я одно понимаю – человек животное мерзкое, подлое, злое, тупое.

Касьянов вталкивает в кабинет парней. Вид у них затравленный.

– Касьянов, сними наручники.

Касьянов расстёгивает наручники, парни вжимают головы в плечи. Ничего от их победительности не осталось.

– Вы их что, пытали? Почему они такие запуганные?

– У меня в отделении никто никого не пытается! Иди, Касьянов. А вы скажите спасибо вот ей, забрала заявление. Но если ещё раз кого-то тронете, я вам припаяю такую статью! Мало не покажется. Чего топчетесь? Вон!

Хулиганы опрометью бросаются за дверь.

47. Натура.

Ксения выходит из здания милиции. Её поджидают хулиганы. Ксения сначала решает пройти мимо, но потом разворачивается, подходит к ним:

– Какие проблемы?

– Ты, тётка, чего так раздобрилась?

– Это вместо спасибо?

– Ненавижу, – вдруг кричит один из парней.

– Ой, не смей меня. Для того чтобы ненавидеть, надо сперва научиться любить, а ты никогда и никого не любил, так что и ненавидеть тоже не можешь. Иди домой, помойся, от тебя тюрьмой несёт, дом-то у тебя есть?

– Дура!

– Это точно! – Ксения разворачивает и уходит очень медленно.

– Убью! – несётся ей вслед, а она, не поворачиваясь, взмахивает рукой и... показывает кукиш.

48. Натура.

Двор загородного дома Звягинцевых. Площадка перед домом заполнена машинами, здесь же «джип» Егора. В дальнем конце сада пруд, на берегу бревенчатая небольшая баня в стиле «а ля рус». Вьётся сизоватый дым, растворяясь в блёклом, уже весеннем небе. Из бани выскакивают голые,

окутанные паром Сергей и его знакомый из «большого» кабинета, с которым полгода назад Звягинцев договаривался о кредите. Они прыгают в воду, охая и постанывая от холода.

49. Интерьер.

Внутри дома Звягинцевых большой бассейн, в воде – Любаша и Рахиль. Плавают, стараясь обогнать друг друга. Любаша плывёт «саженками», белые, сильные руки. Рахиль движется «брассом», сильно отстаёт. Разница в возрасте, как никак.

Рахиль и Любаша выходят из воды, опускаются на лежаки, стоящие у самого края бассейна.

– Вы плаваете, как сибирячка, – говорит Рахиль.

– Я ещё в 15 лет на спор Енисей переплывала.

– Оттуда родом?

– Ниоткуда я не родом. Там наш интернат был.

– Сирота, значит?

– Нет, – и уже после небольшой паузы, – интернат для трудных подростков

– А родители...

– Мать посадили, когда мне было 10 лет.

– И где она сейчас?

– Умерла в лагере. От туберкулёза.

– Но отец-то есть?

– Мать его зарубила, топором.

– Простите, Любаша. Мне жаль.

- Так им и надо.
- Мне *вас* жаль.
- Зря.

50. Интерьер.

Предбанник. Завернувшись в простыни, сидят Сергей и «большой» начальник.

– Банк в Берне, тут всё записано: название, номерной счёт, пароль, – Сергей протягивает записку.

Приятель смотрит на листок, шевеля губами, берёт спички, лежащие возле него на скамье, поджигает бумажку.

– Запомнил? Так быстро? Не перепутаешь? В школе-то ты памятью не блистал.

– Меня потом хорошо выдрессировали.

– Ну да, ну да, я забыл.

– Такая теперь скучища, Серёга, – с ностальгическими нотками это звучит, – штаны протираю, политпрогнозы царапаю.

– Да уж! Никакого адреналина, не то что работа в тылу без прикрытия, страх разоблачения и тому подобная чепуха.

– Зря издеваешься. Тут рутина, а там – творчество. Тут бумажная метель, а там цунами, вихрь. Тут я шаркаю подошвами о паркет, а в прошлой жизни...

– Крылышки на пятках? Не преувеличивай.

– Да что с тобой говорить!

– Так вернись обратно.

– Он не пускает. Здесь, говорит, нужен.

– Ладно, давай закругляться. Пора к столу.

Кухня. Ксюша аккуратно из деревянной формы опрокидывает на тарелку пасху. На поверхности творожного конуса чётко отпечатался крест. Тут же стоит большое блюдо с фаршированной рыбой. В одну руку Ксения берёт тарелку, на раскрытую ладонь другой ставит блюдо. Вносит в столовую. Гости уже все собрались вокруг длинного овального стола, накрытого кружевной скатертью.

– Вот это эклектика! – Рахиль осматривает стол.

– Смешение жанров, вкусов и религиозных традиций! – поддерживает её «большой» начальник.

– Полный интернационал! – произносит Егор.

– Вот за это и выпьем, – предлагает Сергей.

51. Интерьер.

Дом Звягинцевых. Каминная. Сергей разжигает заранее заготовленные берёзовые чурбаки, орудуя щипцами. Остальные гости сидят возле огня.

– Затоплю я камин, буду пить, хорошо бы собаку купить, – цитирует «большой» начальник.

– Как славно, не правда ли?! Люблю смотреть на огонь, – эту банальность Любаша произносит с особой важностью.

– Кстати, отчего бы вам не завести собаку? – спрашивает Букашкин.

– Ты отлично знаешь, в доме животных Любаша не пере-

носит, да и у нашей прислуги есть кавказская овчарка, дом сторожит. Вполне достаточно.

Рахиль бросает короткий, но внимательный, цепкий взгляд на Сергея, едва заметно улыбается. Сергей старается перевести разговор на другую тему:

– Когда будет готов портрет?

– Какой портрет? – живо реагирует «большой» начальник.

– Рахиль пишет портрет моей жены.

– Вы любитель?

– Нет, профессиональный художник, – отвечает Сергей, – и очень классный. Я видел её работы в салоне.

– Вроде Шилова? – интересуется Егор.

– Нет, Рубенса, – смеётся Рахиль, – а где Ксюша?

– Убирается.

– Мило. Всё же сегодня она у вас гостя.

Любаша вскакивает, бежит на кухню. Здесь всё чисто, расставлено по местам, Ксюша стоит у окошка, смотрит за гаснущий свет, на тёмные деревья.

– Ну что же вы? Все волнуются, куда подевались.

– Да? – рассеяно говорит Ксюша.

– Неловко как-то. Я вас в гости пригласила...

– Иду, иду. Минут через пять...

А в каминной «большой» начальник собирается уходить, прощается со всеми:

– Было приятно познакомиться (это Рахили и Егору). Чудесный день, спасибо хозяйшка.

– Жаль, ваша жена не смогла. Передайте привет и скорейшего ей выздоровления.

– Спасибо за всё, – с этими словами он выходит, его провожает Сергей.

– Я должен отъехать ненадолго, надеюсь, вы подождёте меня, – обращается Егор к Рахили.

– Всенепременно.

– Может, поплаваем ещё? – спрашивает у Рахили Любаша.

– После такого обеда? Как-то двигаться лень.

– Ну, тогда прогуляемся по саду, покажу свой парник, – Любаша старается быть хорошей хозяйкой, но заметно, что всё ей наскучило.

Сумерки превращают сад в диковинную картину – серые проплешины ещё не истаявшего полностью снега, растопыренные ветви деревьев, залежалая, бурая трава на берегу пруда, дымный туман медленно стекает в небольшой овражек возле высокого каменного забора. Откуда-то издалека доносится странная, печальная музыка – то ли звук тромбоны, то ли одинокий печальный голос. На грани дня и ночи фигуры Рахили и хозяев кажутся тёмными, удлинёнными тенями.

– Сейчас Егор привезёт нотариуса, подпишем документы. Вы не передумали? – спрашивает Сергей.

– Нет. Процент от сделок начнёте перечислять на счёт, когда я закончу регистрацию филиала Центра здесь, в Москве.

А пока... Я рассчитываю на вашу порядочность.

– Порядочность здесь ни при чём. Вы мне нужнее, чем можете предположить.

– Надеюсь.

– Я пойду в дом, погуляйте ещё.

Некоторое время Рахиль и Звягинцева молча идут по дорожке, выложенной узорчатой плиткой.

– Вас что-то мучает, – без вопроса, утверждая, произносит вдруг Рахиль.

– Не знаю.

– Или не хотите говорить?

– Правда, не знаю.

– А мы уезжаем.

– Все?

– Да, зять, дочь и дети. Зятю пора на работу.

– А разве он не раввин?

– Это и есть его работа.

– И когда вернётесь?

– Как только соберу все необходимые документы, чтобы в Москве зарегистрировать филиал. Думаю, не раньше сентября.

– А как же портрет?

– По приезде закончу.

Машина Егора въезжает в ворота, он провожает в дом нотариуса.

52. Интерьер.

В каминной Егор, Сергей и Рахиль. Нотариус достаёт из портфеля бумаги, печать, сургуч. Нотариус – вальяжный, холёный, из кармана пиджака торчит чубук трубки.

– Ну, начнём? – спрашивает нотариус у присутствующих. – Попрошу подлинник лицензии, весь пакет документации.

Сергей раскладывает на столе документы. На одном из них крупно: «Полёт фантазии».

53. Натура.

Крутится на крыше киоска большая прозрачная бутафорская бутылка и надпись «Полёт фантазии». Лето в самом разгаре. Плавится асфальт под ногами прохожих. В застеклённых витринах бутылочки и коробочки духов, но сразу понятно, что их много меньше, чем раньше.

Из машины выходит Звягинцев.

54. Интерьер.

Звягинцев осматривает полки магазина, заносит в электронный блокнот название товаров. Заходит в дверь, на которой написано: «Заведующая». Комната узкая, в помещении только стол с компьютером, да два стула. Заведующая – тонконогая девица, стриженная «под мальчика». Наглая, вёрткая, худосочная.

– Ах, Серёженька, плохи дела, плохи. Я и на таможне про-

падаю, и в Польшу звонила, и во Францию.

– Знаю, – довольно резко обрывает Звягинцев.

– В чистый минус работаю!

– Закрой точку на неделю, отпусти работников в отпуск. Уезжаю. Как вернусь, всё войдёт в прежнюю колею.

55. Интерьер.

Квартира Ксении и Рахили. Ксения собирает в небольшую плетёную корзину большую лупу, на специальной подставке, маленькие кисточки, тонкий мастерок, скорее похожий на скальпель. Повязывает волосы платком. Двигается она медленно, плавно. В квартире тихо. Резкий телефонный звонок разрывает тонкую ткань тишины. Ксюша вздрагивает, бросается к телефону.

– Алло! Я слушаю! Раша! Как дела, дети здоровы? Когда вас ждать? Так не скоро? Да, слишком тихо в доме. А у вас-то? ПротивогАЗами запаслись? И подвал оборудовали? Это хорошо. Нет, никакой не напряжённый голос, обычный. Ну, хватит деньги тратить, давай там скорее завершай дела. Спешу, в мастерскую. Надо заказ закончить. Да, у Звягинцевых всё так же работаю, – рассмеялась, – нет, не унижают, кто ж убогих обижает?

56. Интерьер.

Лестничная клетка. Ксюша выходит, закрывает дверь, проверяет замки. Стоит спиной к пролёту. Грохоча, подни-

мается лифт, Ксюша сквозь этот шум не слышит, как снизу по лестнице поднимается один из тех хулиганов, который кричал ей возле отделения милиции: «Ненавижу!» Парень спотыкается на последней ступеньке, делает резкий шаг в сторону Ксюши. И тут только она оборачивается. Парень пытается кулаком ударить женщину в лицо, Ксюша чуть отклоняется, кулак попадает в плечо. Женщина ударяется затылком о дверь, тихо сползает на пол, глаза чуть прикрыты, однако ни на секунду она не отпускает ручки плетёной корзинки, другой рукой незаметно для парня шарит в корзине. Хулиган поднимает ногу в подкованном металлом ботинке, целит женщине в лицо. Но не успевает – Ксюша молниеносно выхватывает из своей поклажи мастерок, вонзает его в икру парня.

– А, стерва! – взывает хулиган, хватаясь за мастерок.

Ксюша, не вставая, снизу бьёт его двумя ногами между ног, парень откидывается назад, скатывается со ступенек вниз, да так и остаётся там лежать неподвижно.

56. Натура.

Возле подъезда стоит «Скорая», врач и фельдшер помогают взобраться хулигану. Рядом милицейский газик, воле него Иосиф Иванович и Ксюша. Лицо у милиционера злое, глаза воспалённые:

– От вас покоя нет ни на минуту! – хрипит он.

– Такая у вас профессия. Вы простужены?

- Отвяжитесь со своей заботой! К вам всякая дрянь липнет. Что опять произошло?
- Понятия не имею. Вышла из квартиры, а он лежит и не подаёт признаков жизни.
- Нутром чую – врёте. Может у вас склонность к виктимности.
- Надо не нутром чувствовать, а головой думать. Ишь, какой нынче образованный люд в милиции пошёл! Нет у меня склонности к провоцированию преступлений. Так расшифровывается этот термин? – назидательно произносит Ксюша.
- Кажется, что Иосиф Иванович сейчас ударит Ксюшу, побледнев и еле сдерживаясь, он отступает на шаг назад.
- Гражданочка! Опять насмешки строите?
- Как можно?
- Поехали в отделение, сниму с вас показания.
- Не-а!
- То есть как?
- Некогда мне, работа, знаете ли, голубчик.
- Я вам не голубчик! – сипит милиционер.
- Опять разгневался! Экий вы, однако... Приду завтра, скажите во сколько.
- А, – устало машет рукой, – утром, к девяти ноль-ноль.
- Слушаюсь, – Ксения поворачивается, уходит.
- ИнтЭллигенция, мать твою в копыто!

Большая лупа закреплена на столе, сквозь неё видна почти законченная миниатюра – дама в платье из золотых кружев, присевшая в глубоком реверансе перед высоким и пустым тронем. Чем-то эта дама напоминает Любашу. Ксения, едва слышно напевая, тонкой кисточкой наносит несколько штрихов. С улицы, а может быть и сверху, вдруг возникает мелодия, тягучая и сладкая, словно патока. Ксения застывает, мелодия обрывается. Ксения вновь начинает работать, но опять возникает тягучая мелодия. Ксения кладёт кисточку рядом с миниатюрой, подходит к высокому окну, смотрит сквозь стекло на улицу. Двор пуст, качаются от ветра деревья...

58. Натура.

Качаются от ветра несколько пирамидальных, серебристых тополей, а вокруг почти до самого горизонта – серый песок, невысокие барханы да перекасти-поле. Ксения, но не нынешняя, а молодая, стоит возле тройного ряда колючей проволоки. Вышки с автоматчиками. С той стороны колючей проволоки на вытоптанной до каменной твёрдости земле три длинных барака.

– Ты кто такая? – раздаётся за спиной Ксении грубый окрик.

Женщина вздрагивает, поворачивается. Перед ней вохровец в пропотевшей до соляной белёсости гимнастёрке.

– Кто разрешил?

– Мужа ищу, – шепчет Ксения.

– Фамилия? Статья?

– Иванов. Статья 58, пункт «б».

– Политический. Свидания запрещены.

– Я год его ищу. Умоляю, скажите, он жив, он здесь?

– А я почём знаю? У нас этих Ивановых 10 человек.

– Сергей Леонидович Иванов, архитектор.

– Не смейся меня, женщина! Тут нет архитекторов, только заключённые под номерами. И точка. Уходи. Откуда пришла?

– Из Москвы.

– Фью! – присвистнул мужчина. – Далёко!

Ксения медленно опускается на колени перед охранником.

– Вы его только покажите, я даже разговаривать с ним не буду!

– Встань!

Ксения продолжает стоять на коленях. Она не плачет, глаза сухи, безумны, неистовы. Вохровец смотрит на Ксению, наклоняется, хочет поднять, но потом выпрямляется. Простецкое его лицо (нос картошкой, кожа в оспинах) вдруг озаряется жалостью, сочувствием:

– Ладно. Через час их приведут с карьера, – он почему-то оглядывается, словно боится, что его кто-нибудь услышит, – стой здесь, жди. Может, узнаешь мужа-то. Да только вряд ли.

– Спасибо, – еле слышно шепчет Ксения.

Солнечный шар ползёт к горизонту. К воротам подходит колонна, окружённая охраной и собаками. Заключённые идут медленно. За ними следует полупанк с откинутым задним бортом, в кузове, внавалку тела, прикрытые брезентом. Из-под брезента голые ступни с привязанными проволокой дощечками, на которых химическим карандашом выведены номера.

Ксения вглядывается в лица проходящих. Нет, она не видит мужа. Один из заключённых замечает Ксению, делает несколько шагов в её сторону, охранник вскидывает автомат, спускает собаку с поводка. Собака сваливает заключённого на землю, вцепляется ему в горло.

Лицо Ксении.

Охранник оттаскивает собаку, берёт безжизненную руку, заключённый мёртв. Два охранника поднимают тело, закидывают его в грузовик.

Лицо Ксении.

Ксения идёт по пустыне. Ноги увязают в песке. Впереди три юрты. У одной из них привязан верблюжонок. Он поднимает голову и кричит гортанно, утробно. Возле юрты сидит мальчик, играет на дутаре. Мелодия тягучая, сладкая, как патока.

59. Интерьер.

Ксения отходит от окна, возвращается к столу, смотрит сквозь большую лупу на миниатюру, маленькая кисточка ле-

жит рядом, она поднимает ее, но снова кладёт на стол. Мелодия. Ксения смотрит вверх всего, куда-то в бесконечную пустоту. Раздаётся резкий звонок телефона. Ксения вздрагивает, поднимает трубку.

60. Интерьер. Иерусалим. Квартира Рахили. Рахиль говорит по телефону:

– И не возражай, не люблю, когда мне перечат! Кожей почуяла – тебе плохо, скверно! Прекрати, Ксюша, вычеркни, сотри из памяти. И не успокаивай меня, всё равно волнуясь! Ну и что, что ракета залетела? Да это в сотне километров от Иерусалима. Когда дьявол умирает, он плюётся ядовитой слюной. Конечно, люблю афоризмы, а что? Сходи к Ване, я ему освящённый крестик везу. Как-как – зашла в церковь, попросила попа, ну, который в клобуке, освятить. Армяно-григорианский священник? Да какая разница-то?! И нечего смеяться, ничего смешного я не сказала! Ладно. Пока, скоро приеду, жди, подруга.

61. Натура. Иерусалим.

Немыслимо количество «Скорых», военных и полиции. Развороченная витрина небольшого магазина. Рахиль помогает раненым, поднимает тех, кто ещё может идти. Успокаивает женщину, на руках которой ребёнок. И мать, и малыш не пострадали, только засыпаны осколками разбившейся витрины. Чей-то рвущий душу крик, на одной ноте. Ра-

хиль бросается на этот крик, прямо на асфальте лежит мужчина, на коленях стоит возле него девушка – белое до синевы лицо, глаза закрыты. Рахиль наклоняется к мужчине, он слабо стонет. Подбегают врачи, погружают мужчину на носилки. Рахиль обнимает женщину за плечи, что-то шепчет ей, крик обрывается, женщина открывает глаза, Рахиль помогает ей сесть вместе с раненым мужем в машину «Скорой». (Хроника и комбинированные кадры).

Рахиль медленно идёт по улице, плечи опущены, блузка в следах крови. Входит в подъезд дома.

62. Интерьер. Квартира Рахили. Рахиль заходит в квартиру.

Рахиль, переодевшись в свою неизменную длинную юбку, наливает в кружку заварку, чёрную, как дёготь, выпивает залпом, словно водку. Проходит в комнату, у большого окна мольберт, возле него краски, кисти. На подоконнике шляпа. Рахиль водружает шляпу на макушку, берёт кисть, делает несколько крупных мазков. Смотрит на полотно, огромны её глаза. Они медленно наполняются слезами. Но Рахиль не даёт им пролиться, встряхивает головой, словно отгоняет от себя видение, и начинает петь, сначала негромко, а потом в полный голос: «А я могилы не боюсь, чёрный ворон, я не твой...».

63. Натура. Москва. Возле «Макдональдса».

Разбитое большое окно. Осколки. Остов взорванного «жигулёнка». Милицейские машины. «Скорая». Милиционеры разгоняют зевак. (Хроника). Проезжает машина Звягинцевых, останавливается. Любаша за рулём. Милиционер резко, грубо:

– Не на что глазеть, дамочка. Проезжайте.
Любаша срывается с места, визжат колеса.

64. Интерьер.

Внутри салона. Крупно лицо Любаша – трясутся губы, даже щёки. Раздаётся звонок мобильного.

– Алло!

– Ты чего кричишь?

– Серёженька!

– С тобой всё в порядке?

– Да, да! Когда приедешь?

– Уже.

– Прилетел?

– Да я дома больше часа. Где тебя чёрти носят?

– Как дела?

– Какая-то мистическая история приключилась. Скоро доберёшься до дачи? Где ты?

– Мимо церкви проехала.

– Жду, голубка.

65. Интерьер.

Каминная Звягинцевых. Сергей шагает по комнате, словно шакал в клетке, руками размахивает, говорит как-то слишком скороговоркой.

– И что ты себе думаешь? Французы мне факс тычут в нос, а там моя подпись! Представляешь? Якобы это я приказал не отсылать документы, не выдавать накладные и тому подобную чепуху. В Польше Янек прямо визжал от злобы. И тычет в факс. Мой! И с моего телефона! Ничего не понимаю!

– И что непонятного, наивный ты мой?! Ясно, чьих лук дело.

– Кого?

– Да Егора!

– Зачем?

– Сначала он запустил серию статей о «Полёте фантазии». Хвалебные, прям патока, сил нет. Это была приманка. И ты клюнул. Ну как же! Пресса захлёбывается, расписывает тебя в радужных тонах, а о Букашкине только так, к слову. Нашёл журналогу за небольшие бабки. Сколько ты за акции отвалил? Не забыл?

– Но фирма-то теперь моя! Я всё поправил, товар придёт послезавтра. Все точки заработают.

– Погоди. Ещё не вечер.

– Хватит, голубка, прекрати пророчествовать. Терпеть это не могу!

– Помяни моё слово.

- Рахиль звонила?
- Приедет через неделю.
- Как думаешь, она не прикарманил наши акции?
- Она? Никогда.
- Не сильно ей доверяешь-то?
- В самый раз.

66. Интерьер.

Аэропорт Бен-Гуриона. Рахиль проходит паспортный контроль. Девушка, что проверяла Рахиль тогда, во время первого отъезда из Тель-Авива, стоит за соседней стойкой. На ней та же военная форма, но только более свободная. Рахиль кричит ей: (на иврите, закадровый перевод).

– Поздравляю!

– Спасибо! – лицо девушки расплывается в счастливой, несколько детской улыбке.

– Ну? Слушай меня, старую гримзу! Сколько недель? Небось не больше шестнадцати?

– Угадали!

– А как же! Я всегда в точку попадаю. Вернусь, не забудь в гости позвать!

Рахиль спешит к самолёту.

– Обязательно, – кричит девушка вдогонку, – когда обратно ждать? Куда ж я денусь!

Поле. Самолёт выруливает на взлётную полосу.

67. Интерьер.

Москва. Мастерская Рахили. Рахиль в своей неизменной шляпе перед мольбертом. Делает кистью несколько мазков. Аккуратно протирает кисти, лежащие на столе рядом с палитрой.

– Всё. Точка. Сеанс окончен.

– Можно посмотреть наконец-то? – Любаша вскакивает с кресла, делает несколько шагов к картине, которая повернута к ней тылом.

– Стоп! Не подходить.

– Почему?

– Когда Сергей за вами обещал заехать?

– Через... – смотрит на ручные часы Любаша, – пять минут.

– Вот тогда и покажу.

Длинный, требовательный звонок в дверь.

– Откройте, – тоном приказа произносит Рахиль.

Входит Сергей вместе с Ксенией.

– Сговорились, что ли? – бурчит Любаша.

– На лестнице догнал – отвечает Звягинцев.

– Ну, смотрите. – Рахиль поворачивает полотно к Звягинцевым.

И видны их лица. На лице Любаша ужас, страх, отвращение. Сергей зажмурился.

– Это не я, не я, не я! – кричит Любаша. – Сволочь! Как

ты посмела! Это не я, это она зарубила, она!

– Проклинаю тот день и час, когда попросил написать портрет. Сейчас его изрежу на мелкие кусочки, полоски, лоскутки, – Сергей хрипит и рвётся к картине.

Ксюша перехватывает Сергея, вцепившись ему в рубаху. А Любаша кричит на одной ноте:

– Это не я, не я, не я!

Рахиль сидит, не шелохнувшись. Руки опущены между колен, шляпа закрывает лицо.

– Я заплачу, много, сколько скажешь! Только уничтожь это! – Сергей несколько взял себя в руки.

– Нет, – за Рахиль отвечает Ксюша.

– Тысячу евро? Две? Пятьдесят тысяч? Сто?

– Нет.

– Но почему?

– Хотите знать? – Рахиль поднимает голову, смотрит прямо, жесткие складки возле губ, глаза потемнели до черноты.

– Ведьма! Проклятая ведьма! – произносит Любаша.

– Ну, во-первых, – не обращая внимания на ругательства, – уничтожить свою работу – это как ребёнка своего убить. А главное, хватит вам жить в иллюзиях. Не лги хотя бы себе, нельзя жить в вечном страхе.

Рахиль встаёт, медленно подходит к Любаше, протягивает к ней руки, кладёт ладони на голову, Люба смотрит как замороженная, потом глаза её наполняются слезами. Рахиль обнимает её плечи, гладит по спине, шепчет на ухо: «Тихо,

тихо, девочка, не плачь. Прости себя, наконец».

Натура.

Бывшая ферма. Машина Букашкина подъезжает к воротам. Егор выходит из салона, бесшумно прикрыв дверь. Смотрит в щель. Флаконы с духами стоят в коробках, готовые к отправке. Стекланные фляги из-под суррогата отмыты, выстроились вдоль стен.

Интерьер. Работницы сидят за сколоченным из досок столом, нарезают хлеб, расставляют снедь – готовятся к обеду. Со скрипом открываются ворота, входит Букашкин.

– Ой! – работница с золотыми зубами испугана. – Вы кто такой есть?

– Хозяин ваш, бабоньки, – несколько игриво отвечает Егор.

– У нас хозяин не такой, – спорит золотозубая.

– То экспедитор к вам ездил, а я первый раз.

– Деньги привезли? – мрачно бросает женщина в платке.

– И деньги, и паспорта.

– Увольняете?

– Лавочка закрывается.

– А что же нам теперь?

– По домам, полагаю.

Егор вынимает два конверта с деньгами и паспорта. Женщины совсем не рады, даже зарплате не рады. Золотозубая плачет, её «товарка» мрачнее тучи.

– Собирайтесь. Чтоб через полчаса духу вашего не было.

Женщины торопливо прячут деньги и документы. Как только всё это надёжно исчезает в глубине одежды, женщина в платке оскаливается, обнажая зубы – что-то хищное, неукротимое в ней проступает:

– Подлюка гнойная, – шипит она, – у нас дети, думаешь, я вкалывала, чтобы ты богател? – достаёт из-за пазуха конверт с деньгами, торопливо пересчитывает тощую пачку. Гони ещё пять тысяч! Иначе в ментовку сообщу, чем ты тут занимаешься.

– Давай. И не забудьте рассказать, как в Москву попали и сколько без регистрации жили.

– Убью, – шипит сквозь стиснутые зубы та, что в платке, бросается к Егору.

Прямо ей в лицо – дуло пистолета. Женщина приседает. Егор направляет дуло женщине в висок. Золотозубая охает, хватая подругу за плечи, отгаскивает её, причитая:

– Миленький, хорошенький, не надо. Мы сейчас, сейчас.

– То-то мне, – Егор ухмыляется, – вон отсюда!

Женщины бросаются в свой закуток, сгребают с нар, на которых обычно спали, свой жалкий скарб. Егор спокойно наблюдает эту суету.

Чёрная слякоть на дороге. Оскальзываясь, спешат по ней женщины. Егор стоит, расставив ноги, мрачно глядит им вслед, помахивая пистолетом. В какой-то момент кажется, что он выстрелит женщинам вслед. Но – нет, прячет оружие

в карман.

69. Интерьер.

Кафе. Через окно бульвар, машины, еле ползущие мимо, привычная в этот час автомобильная пробка. За столиком журналистка Марина и Егор Букашкин. Марина, как и в то первое посещение этого кафе, ест быстро и жадно. Егор смотрит на неё, с лёгким презрением кривя рот.

– Как быстро вы сумеете протолкнуть материалы в печать? – спрашивает Егор.

– Неделя, максимум 10 дней, – отвечает Марина с набитым ртом.

– И речи быть не может. Через три дня...

– Существует обычный технологический цикл выхода газет.

– Даже за очень большие деньги?

– За какие?

– Удвою гонорар.

– К чему такая спешка?

– Так надо. И не обсуждается.

– Попробую. Но не гарантирую.

– А не успеете, останетесь без единой копейки.

Марина вздыхает, с сожалением ли по поводу угрозы остаться без копейки, или из-за того, что на тарелке не осталось ни крошки, понять трудно. Она откладывает вилку и нож, допивает до капли воду из высокого стакана.

– Кофе?

– Нет, пожалуй, пойду. Рукописи будут готовы завтра к середине дня, будете проверять?

– Естественно.

Марина встаёт, не прощаясь. Шагает к выходу, крепко опираясь на низкие каблуки, этакий солдат в юбке на плацу. Егор смотрит ей вслед с тем же выражением презрения.

70. Интерьер.

Квартира Егора Букашкина. Квартира вычищена и вылизана. Единственное напоминание о жене и дочери – кукла в кружевном платье, посаженная на книжную полку. Егор сидит в кресле и напряжённо смотрит на куклу. Потом встаёт, берёт игрушку с полки, бросает её на пол и топчет ногами. Дикий танец, безумная и беззвучная пляска. Раздаётся звонок телефона, Егор застывает в испуге. Будто ждал этого звонка и теперь страшится. Медленно подходит к аппарату, поднимает трубку:

– Да?

На другом конце провода говорят очень громко и взвинчено:

– Господин Букашкин, с вами говорят из больницы. Мы ищем вас уже второй день. К сожалению, с вашей женой несчастье.

– Какое? – голос у Егора тусклый, безжизненный.

– Скончалась от потери крови. Вы навещали её позавче-

ра?

– Да.

– Милиция интересуется, как к ней попали режущие предметы. И вам будут задавать эти вопросы.

– Понял. Я принёс ей апельсины. И больше ничего.

– Естественно, мы же не первый год вас знаем.

– Сейчас приеду.

Повесив трубку, Егор стоит несколько минут неподвижно, но потом... Потом закрывает лицо руками и кажется, что плачет, но нет – он смеётся. Смех переходит во всхлип, затем в икоту. Затем в хрип:

– Спасибо тебе, Господи! Я тебе поставлю сто свечек, двести, тысячу! «Да святится имя твое, да придет...»!

70. Интерьер. Дача Звягинцевых.

Кутаясь в пушистый халат, распатланная, совершенно не похожая на себя Любаша. Она сидит на высоком табурете возле стола, в кухне, и тупо смотрит в одну точку. Входит Ксения, на волосах мелкие капли дождя.

– Снег пошёл, – безликим голосом, без вопроса произносит Любаша.

– Ну, до снега пока далеко. Дождь, не дождь, влага висит в воздухе.

– А – а... – такая волчья тоска в голосе.

– Вы завтракали?

– Нет, кажется.

– Сейчас я вам что-нибудь сварганю

– Спасибо. Не хочу.

Ксюша надевает фартук, возится возле плиты, ставит сковороду. Жарит что-то и шкварит. Подаёт на стол. Рядом с тарелкой кладёт миниатюру, завёрнутую в холщовую тряпочку.

– Приятного аппетита, – говорит Ксюша. Садится напротив Любаши.

– Что это? – замечает холщовый пакет Любаша. Разворачивает. – Какая прелесть! Неужели мне?

– Конечно.

– За что?

– Просто так.

– Мне не подарки надо дарить, а...

– Бросьте, не разнюнивайтесь, – жёстко произносит Ксения, – и вообще нечего себя жалеть.

Слезами наполняются глаза Любаши.

– Ну-ну, без соплей, пожалуйста! Мы с Рахилью этого не любим!

– Всё пошло наперекосяк. Вы читали статью про нашу фирму, вчера напечатали в трёх газетах?

– Не буду и вам не советую.

71. Натура.

Двор дачи. Подъезжает машина Сергея. Распахиваются ворота. Сергей выходит из салона, хлопает дверью с такой

силой, что стёкла дрожат. Поднимается по ступеням. Настежь открывает дверь, влетает в дом.

72. Интерьер.

Сергей сдёргивает с себя куртку, бросает на пол, кричит:

– Ты где? Чёрт возьми! Люба!

– Зачем кричишь?

– Немедленно сюда!

– Да что ещё произошло? – Любаша сталкивается с мужем в дверях кухни, Сергей отбрасывает её. Любаша ударяется затылком о стену.

Ксения бросается к женщине, поднимает её.

– Постыдились бы, Сергей!

– Не ваше дело!

– Не моё.

Ксения усадила Любашу на стул в кухне. Сергей мечется из угла в угол:

– Грязные твари!

– Прекрати истерику! – Любаша прикрикивает на мужа. – Всё толком объясни!

Но Сергей не может успокоиться. Ксения наливает стакан воды, протягивает Сергею, он отталкивает стакан. И тогда Ксюша выплёскивает воду ему прямо в лицо. И вместо того, чтобы взбеситься, Сергей неожиданно (даже и для самого себя) успокаивается.

– Представляешь?! Нет, ты понимаешь?! Приехал сегодня

на ферму, а там никого! И все ёмкости с духами расколоты! И следа от работниц не осталось! Как же они без документов-то? Без паспортов-то смылись?

– А где хранились их паспорта? – спрашивает Ксения.

– В сейфе.

– И у кого ключи от сейфа?

– У меня.

– А у Егора тоже? – спрашивает жена.

– Да.

– Ну, тогда всё понятно.

– Что тебе понятно? Теперь, после этих статей, после пропажи эссенции мы вылетаем в трубу. Мы – банкроты!

– Завтра, помяни моё слово, позвонит Егор и за копейки вернёт себе весь пакет акций.

– Его в Москве нет!

– А ты, как последний дурак, их ему продашь?

– Дай-то Бог.

– Наивный ты мой, – произносит Любаша.

73. Натура.

Новый Арбат. Мелкий дождь. Без зонта и с непокрытой головой размашисто вышагивает Рахиль, заходит в здание мэрии.

74. Интерьер.

Рахиль выходит из лифта. Кабинет Непотопляемого. Он

поднимает голову от бумаг:

– О! Какие люди!

– Привет, Непотопляемый, – произносит Рахиль, не ожидая приглашения, садится напротив приятеля, сумку ставит на стол, – я вернулась.

– Не слепой.

– Получил мои факсы и копии документов?

– Конечно.

– Подписал бумаги?

– Само собой. Сознаюсь, не с лёгкостью.

– Кто бы сомневался.

– Осталась дело только за мной.

– Так вперёд!

– Существует маленькая сложность.

– А именно?

– Кое-кто настаивает на участии в твоём Центре.

– А именно?

– Без фамилий.

– Из московского или из федерального правительства?

– Первое. А нам с тобой сейчас бы, так сказать, на берегу договориться.

– Давай, излагай.

– Попечительство в совете.

– Главным попечителем?

– Естественно.

– Хорошо.

– Но это ещё не всё, – лёгкая пауза, – ты, надеюсь, понимаешь?

– Не очень.

– Большая уже девочка, могла бы догадаться. Всякий труд должен быть поощрён.

– И во сколько мне обойдётся это поощрение?

Начальник быстро пишет на клочке бумаги. Рахиль открывает сумку. Делает вид, будто тщательно ищет очки.

– А, чёрт, очки дома оставила, не вижу, назови сумму вслух.

– Пятьдесят тысяч, – бормочет Непотопляемый.

– Что там шепчешь? Погромче.

– Пятьдесят тысяч.

– Рублей? – притворяется недоумком Рахиль.

– Долларов! – шипит начальник.

– Ставь подпись свою.

– Значит, договорились?

– О чём? – Рахиль встаёт, предварительно достав из сумки диктофон, обходит стол, наклонившись над Непотопляемым, тычет пальцем в документы. – Здесь, здесь и здесь. Поживее шевелись.

Рука начальника застывает:

– Утром деньги, вечером стулья.

– Торг неуместен. Был ты всю жизнь труслив, нынче нагл, Непотопляемый! – одновременно нажимает кнопку диктофона, раздаётся чистый, без помех, голос начальника:

«Пятьдесят тысяч...». Рахиль выключает диктофон, продолжает. – Не поставишь визу, через час все СМИ, включая зарубежные, получают эту дивную запись, да ещё с моими комментариями. И не надейся потом отвертеться, никакие связи не помогут. Посадить-то тебя не посадят, а с работы хлебной попрут!

– Тварь! – рука начальника дрожит, но подпись он ставит.

– Ха! Дураком родился, им же и помрёшь. Как мы в юности говаривали? Правильно! Жадность ффраера сгубила!

– Пошла вон! Я тебя сверну в бараний рог.

– Посмотрим кто кого.

– Вон!

– Всё, упорхнула! Не скучай, любовь моя! – Рахиль сгребает папку с документами, прячет в свою необъятную сумку. Выходит, тихо прикрыв дверь.

Интерьер.

Дача Звягинцевых. В каминной Рахиль, Ксения, хозяйка дома и Букашкин.

Лица у всех напряжены, какая-то неестественность витает в воздухе.

– Что-то Сергей задерживается, это ему не свойственно, не правда ли, Люба? – Егор вскакивает, прохаживается по комнате.

– И телефон вне зоны досягаемости. Ты когда ему звонил?

– Утром. Как прилетел, прямо из аэропорта.

– И каким рейсом? – слишком светски произносит Рахиль.

– Парижским.

– Ага. Утренним...

– Да, именно утренним, – нервно произносит Егор.

– Уверены?

– Странный у нас разговор, вы мне не верите?

– Да как смею, помилуйте!

Любаша переводит взгляд с Егора на Рахиль. Ксения пытается перевести разговор:

– Ты уже посмотрела помещение? – спрашивает, повернувшись к подруге.

– Кстати, действительно, я забыл у вас спросить, как дела с вашим замыслом по поводу реабилитационного центра?

– Замечательно. Сергей выделил нам ваш кабинет, поставил в приёмной ещё один стол для секретарши.

– Мой кабинет?! – возмущению Егора нет предела.

– И что это вы вскинулись, голубчик? Ведь вы теперь к фирме-то отношения не имеете, – говорит Рахиль.

– Ах, да, я и забыл! Привычка, так сказать, вторая натура.

Распахивается настежь дверь, влетает Звягинцев.

Гнев так и клокочет в нём. Оглядывает всех собравшихся:

– Сидите тут, кайф ловите? Чаи распиваете? Всех вас чёрт раздери! – он сдирает с себя пиджак, бросает на пол и топчет его, самая банальная истерика налицо.

– Что случилось? – кричит Люба, бросаясь к мужу.

– Пошла прочь, бесовка! – вопит и брызжет слюной Сергей.

Ксения встаёт, выходит на кухню, наливает в высокий стакан воду, возвращается обратно, выплескивает всё содержимое стакана Звягинцеву в лицо. Тот застывает и мгновенно замолкает. Рахиль сидит, смотрит не на героя спектакля, а на Егора.

– Всё, – вдруг произносит Сергей, – поехали.

– Куда? – всхлипывает Люба.

– Я сказал – поехали. И не перечить мне!

Рахиль обнимает Любашу за плечи, подталкивает к двери:

– Не противься, делай, как муж велит.

– А я, – сладким голосом «вопрошает» Егор, – тоже должен?

– Все, все. В машину!

Натура.

Во дворе дачи. Все рассаживаются. Звягинцев срывается с места, визг тормозов, ворота распахнуты.

– Стой, полоумный! – кричит Люба. – Ворота закрой.

Машина мчится по шоссе, сворачивает к ферме совхоза, влетает внутрь. Все окна и вообще всё, что было внутри, разбито вдребезги. Как будто самум прошёл, ураган, торнадо.

– Господи! – Любаша оглядывается. – Надо в милицию заявить.

– Помешалась совсем? Как мы объясним, откуда весь этот

цех? – кричит на жену Сергей.

– Я предупреждал, в нашей стране бизнес в одиночку, тем более без крыши вести невозможно, – Егор говорит тихо, даже сочувствие, ласковость в голосе, – но ты же упрям, как слон. Уступил тебе все акции – владей, и что? Погубил наше дело!

– Это кто тут об уступках вякает? – Любаша красная, злая, аж присвистывает сквозь стиснутые зубы. – Благотворитель хренов!

– Замолчи, женщина! – Сергей пытается оттащить жену подальше, он-то её нрав знает,

– Кто всучил нам акции? Кто за них отхватил огромный куш? Я-то всё понимала, это только мой раззява доверчивый купился на все твои выверты!

– Успокойся, Любочка, потом сама пожалеешь, – Егор ещё «поддал» сладкой ласковости в интонацию.

Люба вырывается от Сергея, надвигается на Букашкина – между ними не больше метра:

– Скорпион, пожиратель жизней! Подавись своими акциями!

– Очень хорошо! Я возьму весь пакет, но только... теперь и цена будет другая.

До сих пор молчавшая, не принимавшая в сваре никакого участия Рахиль, а за ней и почти синхронно Ксения произносят хором:

– Ни в коем случае!

Но Люба всё ближе к Егору, а затем... она вцепляется ему в лицо острыми ногтями. Сочится кровь, алеют полосы на лбу и щеках.

– Ой! – тронув лицо, Егор видит кровь на своих ладонях, вся ядовитая, злая сдержанность, весь лоск слетают с него мгновенно – он визжит, всхлипывает, топчет ногами в роскошных туфлях. – Я ранен, она меня покалечила!

Сергей наконец оттаскивает жену, Ксению и Рахиль вдруг разбирает смех, удержаться просто невозможно, ведь действительно комично выглядит мужчина, трясущийся от страха, увидев кровь.

Сергей бросает с презрением:

– Да подавись ты моей фирмой. Сегодня же и оформим!

И опять Рахиль произносит властно:

– Ни в коем случае!

– Это почему же? Видите, что случилось? Так хоть деньги получу, новое дело открою.

– Сейчас я вам всё быстренько растолкую. Ну, во-первых, я тут справочки навела. Ваш Егорушка сегодня ниоткуда не возвращался.

– Я прилетел утром.

– Да? На каком рейсе?

– Не помню.

– В Шереметьево?

– Да.

– Чей самолёт?

– Айр Франс.

– Рейс 6542?

– Да.

– Он прибывает в 15 часов 45 минут. То есть вы ещё и не прилетели, так как сейчас 15 часов. Во-вторых, Егор Букашкин хоронил свою жену, из Москвы никуда не выезжал. В-третьих, журналистка, которой он хорошо заплатил за те похвалы, согласилась выстрелить целую обойму пасквилей сейчас. В-четвертых, полагаю, весь этот погром, что мы наблюдаем, он и устроил, быть может, даже собственными руками. Что касается погрома, прямых доказательств у меня нет, а вот предыдущие пункты неоспоримы.

– Враньё, враньё! Не можете вы наводить никакие справки. Жалкая пенсионерка из Израиля, тоже мне агент! Лезут, прут, как тараканы из щелей, длинные носы везде свои тычут, до всего им дело есть!

– Она прожила здесь всю жизнь, – встречается в «монолог» Сергей, – с половиной Москвы знакома, ничего удивительного. Если Рахиль назовёт имя журналистки, поверю остальному, и, может, тогда я избавлюсь от тебя на всю оставшуюся жизнь!

– Марина Кружкова. Так, господин Букашкин? Молчите? Хотите, я ещё и вашу истинную подноготную сейчас обнародую? А? Расскажу бывшему партнёру, отчего и когда вы сочинили себе экзотическую фамилию Букашкин. Интересно, во что вам обошлись документы, включая поддельную мет-

рику и диплом института, в котором отродясь не бывали?

– Будь ты проклята, старая гримза!

Егор поворачивается на каблуках, взрыхлив грязь на бетонном полу, выскакивает.

– Кто же вы есть такая, – недоверчиво произносит Любаша, – если запросто получаете конфиденциальные сведения?!

– Совсем несложно – прочла все публикации о вашей фирме. Написаны-то они в одном ключе, повторяющиеся стилистические обороты, словечки, – словом, догадалась: автор-то один и тот же. Причём, наверняка женщина, несколько мужеподобная, изо всех сил хочет доказать свою полную независимость от мужчин.

– Надо особый талант иметь, чтобы до такого додуматься!

– Ерунда! Чуть-чуть внимания, самую малость склонности к анализу, но главное – интуиция. Остальное – дело техники. Позвонила главному редактору, в чьей газете чаще всего и появлялись статейки о «Полёте фантазии», он вместе с моей дочерью учился на журфаке, наплела с три короба, чуток польстила, слезу пустила, мол, ищу по просьбе дочери подругу ее детства, ну и так далее.

– Купился?

– А как же!

– Хорошо, – продолжает допрашивать Люба, – а паспорт, фамилия Букашкин, его прошлое?

– Приврала маленько, самую малость.

– Ишь, как взъярился, видать, в самую точку попали.

Во время разговора Ксения и Сергей ходят по разбитому цеху, но только Сергей тяжело вздыхает, а Ксения собирает осколки, находит на полу «лысую» метлу, сгребает хлам в один угол.

– Хватит болтать, надоело! – вскрикивает Сергей. – Что делать-то будем?

– Вы мне помогли, Сергей, поможем и мы вам, – говорит Ксения.

– Ну, уж вам-то чем я удружил?

– Предоставили работу. Это раз. Ни разу не обидели и не унизили. Это два. В наше время немало. Мы с Рашей решили взять над вами шефство, – смеётся Ксения.

– Каким образом?

– Для начала прикройте «лавочку». Я сейчас не о нравственном аспекте, а хотя бы об инстинкте самосохранения. Букашкин – мелкий пакостник, ни перед чем не остановится.

– Как пить дать, – реагирует Люба, – говорила же, неприятности в Польше и вообще везде не просто так возникли – Егор постарался. А мой тюфяк доверчивый... а, что говорить-то теперь!

– Тогда никакого «полёта», а уж тем более «фантазии» не будет! – кричит Сергей. – Связей с настоящими производителями духов у меня нет, денег нет.

– Ну, – произносит Рахиль, – нечего приbedняться. За столько-то лет не обзавелись тугой копеейкой?! Ха!

На первых порах поможем кое-чем.

– Я подумаю.

– Он ещё подумает! – Люба возмущена. – Да мы должны в ножки поклониться! Устала трястись от страха, на каждый звонок, стук в дверь, ждать ОМОН, РУБОП или как ещё их там называют! Боялась ребёночка родить... чтобы он в детском доме... родители на нарах парятся! – говорит бессвязно, всхлипывая и глотая, будто ком стоит в горле.

– Всё, всё, голубка, – бросается успокаивать Звягинцев.

– Обещаешь?

– Клянусь.

– Нечего нюни да страсти мексиканские разводить, – бросает Рахиль, – поехали отсюда, дома обсудим.

Интерьер.

Квартира Рахили и Ксении. Ксения говорит по телефону, Рахиль, Сергей и Люба за круглым столом, склонились над листом бумаги, чертят схему – кружочки, стрелки.

– Не надо мне приглашения, дело срочное, лучше письмо пришлю, – Ксения поворачивается к Сергею, – у вас электронная почта есть?

– Естественно, – отвечает Сергей.

– Завтра же получишь, – продолжает разговор Ксения, – у вас всё в порядке? Девочек поцелуй.

– С кем это она? – спрашивает Сергей у Рахили.

– С Италией. Её сын давно там, исполнительный дирек-

тор, работает в компании Феррагамо.

– Что-то я про таких не слыхивала, – встревает Любаша.

– Голубка, помолчи, тоже мне специалист по истории высокой моды!

– Они производят одежду, обувь, духи. Россия же – практически безграничный рынок сбыта, надеюсь, наше предложение Феррагамо может заинтересовать.

– Что-то не верится мне, очень уж всё просто у нас получается.

– Замолкни, женщина, – Сергей обнимает жену за плечи. Она выворачивается обиженная.

– Вот именно так, просто, не с вывертами вроде ваших, всё в жизни лучше и получается, – говорит Рахиль, – кстати, кто придумал идиотскую схему «Полёта фантазии»?

– Егор, кто ж ещё, изворотлив, как змей, нам бы с Серёжей подобное и в голову не пришло.

Звонок по мобильнику, Сергей достаёт из кармана аппарат:

– Да. Кто? Гоните его. Тогда спускайте пса. Ладно, сейчас приедем.

– Что случилось? – Люба встревожена.

– Ну, каков наглец? сторожиха справиться с ним не может. Букашкин требует его впустить, мол, подождёт в доме. А Маша собаку не спускает, говорит, ей отвечать потом.

– И зачем тогда такого монстра держать? – недоумевает

Ксения.

- Для форсу, – усмехается Рахиль.
- Вы поедете с нами? – просит Любаша.
- Ха! Такой спектакль пропустить жалко.

Натура.

Дача Звягинцевых. У ворот беснуется Егор: звонит в звонок, стучит кулаками. Пёс трубно лает. Сторожиха Маша стоит с другой стороны ворот и пытается увещевать незваного гостя:

– Пожалуйста, перед соседями неудобно. Сейчас хозяева приедут.

– Отворяй, старая кошёлка! Немедленно!

Подъезжает машина. Выскакивает Сергей. Делает шаг к Егору. Не говоря ни единого слова, хватает Букашкина за шкуру. Зрелище потешное – Сергей на голову выше своего бывшего партнёра, на порядок мощнее, Егор повисает в его руке, словно котёнок. Сучит ногами, извивается. Сергей подтаскивает Егора к его машине, втискивает на переднее сиденье. Поворачивает ключ стартера, машина, стоящая «на скорости», срывается с места. Егор лихорадочно хватается за руль. И всё совершается в полнейшей тишине.

Интерьер.

Магазинчик возле метро. Кабинет директора. Звягинцев еле помещается в нём, боком садится возле стола директора.

– Сколько тебе времени нужно, чтобы очистить помещение, упаковать оставшуюся продукцию и перевезти на склад?

– Да что осталось-то? Одного наименования коробок двадцать. К вечеру управлюсь. Вы меня увольняете?

– Ни в коем случае. Отпусти девочек, пусть отдохнут.

– На сколько?

– Думаю, на месяц, а там посмотрим. Пока же начнём ремонт, и так ведь собирались.

– А я?

– А ты следи за рабочими, проверяй качество, ну, и всё такое.

– Серёж! Что случилось? Прогорел?

– Ни в коем случае. Заново рождаемся. Только пока я тебе ничего не скажу. Увидишь. Имей терпение.

– Чего-чего, а этого во мне хоть отбавляй.

Фирма «Полёт фантазии».

Секретарша накрывает на стол – кофе, печенье. Стучит в кабинет, который раньше принадлежал Егору, а нынче занимает Рахиль. Слева от двери табличка «Центр помощи жертвам террора».

– Госпожа Рахиль, кофе готов, – Катя просовывает в дверь голову, – Шеф звонил. Будет через пять минут, машину на стоянку загоняет.

– Называй просто по имени, – слышится голос Рахили.

– Как-то неудобно, – смущается секретарша.

– Нормально. Я привыкла.

Распахивается дверь, входит Сергей:

– Привет. Катерина, чай есть?

– Минуточку, – произносит Катя, выходя тихо прикрывает дверь.

– Всё, последнюю точку закрыл, товар отправили на склад.

– Советы принимаются? – Рахиль оборачивается на дверь, ей не хочется, чтобы секретарша услышала то, что она собирается сказать.

– Безусловно.

– Распорядитесь, чтобы уничтожили весь товар до последнего флакона вместе с тарой.

– Зачем??

– Наивно полагать, что Егор спокойно переживёт своё фиаско. Позвоните на склад, отдайте устный приказ, не посылайте факс, только на словах. И ещё. Уничтожьте письменные переговоры, касающиеся поставок через польскую границу.

– Завтра.

– Немедленно. Ладно?

– Хорошо.

Сергей звонит по телефону:

– Алло! Кто у аппарата? Сейчас же избавьтесь от всего,

что есть на стеллажах. По-моему, я чётко сформулировал задачу? А как хотите, хоть проглотите, но чтобы на складе было чисто и пусто. Всё. Доложите об исполнении, – принимая у вошедшей Кати чашку, произносит: – где документация по перевозке?

– У меня в сейфе.

– Давай мне.

Катя открывает сейф, достаёт папки, протягивает Звягинцеву. Сергей укладывает их в портфель, достаёт из кармана ключи от машины:

– Отнеси в машину, положи в багажник. Справишься?

– Ещё бы!

Катя довольна поручением, как, впрочем, и всем, что исходит от Звягинцева.

– Завтра Ксюша прилетает, встречать её поеду.

– Нет-нет, вместе отправимся. Не терпится договоры с итальянцами посмотреть. Скорей бы уж начать работать по нормальному.

– То-то! Давно бы так.

– Вот чёрт! Совсем забыл! У меня же для вас с Ксенией подарок, вот, – достаёт из кармана, протягивает Рахиль два билета.

– Боже всемогущий! – разворачивает и рассматривает билеты. – Спасибо большое! То, что я хотела.

Дверь распахивается настежь. Не входят – врываются три маски-шоу и человек в штатском.

– Всем оставаться на местах! Кто тут Звягинцев?

– Ну, я. А в чём дело и кто вы?

– Предоставьте ключи от сейфов.

– По какому праву? – произносит онемевшими губами Сергей.

– По праву сильного, – Рахиль поднимается со стула, делает несколько шагов в сторону человека в штатском.

– Стоять, где стоишь! – вскрикивает грубо человек в штатском.

Маски-шоу молча направляют на Рахиль короткие автоматы. Человек в штатском резко бросает:

– Отставить.

– Да чёрт подери, что случилось? – Сергея начинает трести, скорее от гнева, не от страха.

– Покажите немедленно свои документы! Иначе звоню в милицию.

– Мы к вашим услугам. К телефонам не подходить. Открывайте сейф, быстро!

– Шагу не делай, пока документы их не посмотришь, – встревает Рахиль.

– Кто такая? Что здесь делаете? Покажите паспорт, – человек в штатском говорит рублеными фразами, голос механической куклы.

За его спиной приоткрывается дверь приёмной, секретарша Катя собирается войти, но, увидев чёрные маски, быстро отступает назад, в коридор.

– С удовольствием всё покажу, только сумочка моя вон в той комнате.

– Проводи, – бросает человек в штатском. Маска провожает Рахиль, которая берёт свою сумку со стола, тут же возвращается, протягивает документы.

– Что здесь делаете?

– Там всё написано. Арендную у господина Звягинцева вот это, – показывает рукой на табличку около своей двери, – помещение. А пока вы сюда не вломились, чай пили, разговаривали. Что, нельзя?

– О чём?

– Об искусстве, – язвительно шипит Рахиль.

– Молчать!

– Ну, что ты нервничаешь, – переходит на «ты» Рахиль, – сынок?

– Я вам не сынок, – ярится человек в штатском.

– Разрешите выйти?

– Нет.

– Да почему же? Я не арестована, правда же?

– Пока не произведём обыск, отсюда никто не выйдет!

– Мне в туалет надо.

– Потерпите.

– Да не могу! Я женщина старая, мне часто надо, а терпеть нельзя. Никуда я не денусь, прямо туточки в кабинете Звягинцева есть туалетная комната, я моментально.

– Проводи, – опять бросает маске человек в штатском.

– Да опомнись, сынок! Это не тюрьма, а я не подозреваемая, к делам Звягинцева никакого отношения не имею. Дай старухе в одиночестве нужду справить.

– Проверь, – снова бросает маске человек в штатском.

Маска заходит в кабинет Звягинцева, оставив настежь дверь, осматривает туалетную, в которой размещаются умывальник, шкафчик над ним и унитаз.

– Там даже окна нету, тем более второго выхода, – производит маска.

– Можете пройти, дамочка, – милостиво сообщает человек в штатском.

Рахиль крепко держит свою сумку, неспешно проходит через кабинет Сергея в туалетную комнату, запирает дверь, открывает кран над умывальником, с шумом течёт вода. Рахиль выворачивает прямо на пол содержимое своей необъятной сумки, набитой как всегда всевозможными мелочами. Наконец находит телефон, набирает номер, стараясь говорить как можно тише.

В приёмной человек в штатском вынимает содержимое сейфа: лицензию, тощую пачку рублей, но ни одной накладной, ни одного факса.

– Где остальные документы? – человек в штатском раздражён.

– Какие? – картинно недоумевает Звягинцев.

– Зря вы так, найдём всё до последней бумажки.

В коридоре секретарша Катя. Она то подбегает к двери,

не решаясь войти, то отходит, напугана и не знает, как лучше поступить. Затем спускается вниз к охраннику, томящемуся у входа.

– Дай закурить.

– Что у вас там происходит? – спрашивает охранник, протягивая пачку. – Вроде, на бандюков не похожи.

– Ты зачем их пропустил? Даже шефу не сообщил.

– Дык в нос корочки сунули и молчать велели.

– Зачем вы тут стоите, для мебели что ли?

– Дык власть же! Как послушаться?

– «Дык-тык», – бесится Катя, – мы не рабы, рабы не мы.

Открывается дверь, входит посетитель – вальяжный, мягкая походка, дорогой костюм, седая грива волос и лицо человека, исполненное благодушия и сытости.

Охранник перегораживает вход:

– Нельзя.

– Мне – можно. Вы Катя? – смотрит на секретаршу.

– Да.

Человек в дорогом костюме наклоняется к ней, что-то шепчет на ухо.

– Пропусти, – говорит Катя охраннику.

В приёмной человек в штатском и молчаливые «маски» обыскивают стол секретарши Кати. Сергей и Рахиль наблюдают за ними. Распахивается с шумом дверь, «вплывает» вальяжный и седовласый господин.

– Добрый день, господа. Разрешите представиться: Доб-

рохотов Валерий Иванович, член московской коллегии адвокатов, вот мои полномочия, дающие возможность отстаивать интересы господина Звягинцева, – протягивает документы человеку в штатском, – что тут происходит? Вы имеете, не сомневаюсь, зафиксированные на бумаге и снабжённые нужными подписями бумаги, дающие право на присутствие в данном помещении и проведение обыска, не так ли?

Понятное дело, никаких документов не оказалось, Доброхотов широким жестом, изобразив на лице самую благодушную из имеющихся в его запасе улыбок, теснит к выходу человека в штатском и его эскорт молчаливых масок:

– Заходите, заходите, всегда рады вас видеть. Только уж не забудьте необходимые для вторжения в частную жизнь господина Звягинцева документики. Всего вам самого наилучшего, – нет и тени издёвки в словах адвоката, однако, человек в штатском бледен от ярости.

Оставшись одни, присутствующие несколько мгновений молчат, потом Рахиль произносит:

– Ха! Как я их раскусила!

– Что это было? – Сергей явно растерян. – Откуда вы, Валерий Иванович, узнали?

– Ну, Серёжа, уж не обижайтесь, тюфяк вы однако, ваша жена права! В туалет-то я зачем просилась, а?!

Валерий Иванович галантно изгибается поцеловать ручку Рахили, стискивает в крепком рукопожатии безвольную ладонь Сергея. И был таков.

Интерьер.

Квартира Егора Букашкина. Кухня. На столе рядком выставлены хрустальные стопки, наполненные водкой. Методично, сосредоточенно Егор выпивает содержимое. Когда все рюмки опорожнены, он вновь наливает из бутылки – с первой до последней, тринадцатой. Из глубины квартиры несётся музыка, включённая «на полную катушку». Чуть подрагивают стёкла кухонного окна. Рука Егора, поднимающая стопку, тоже подрагивает как будто бы в такт. Егор с трудом встаёт, пошатываясь от стены до стены, проходит в комнату, где стоит шкаф, раскрывает дверцы, достаёт коробку из-под обуви, открывает. Там лежит, завёрнутый в вафельное полотенце пистолет. Егор гладит оружие дрожащей рукой, приговаривает:

– Приговор привести в исполнение.

Возвращается в кухню, допивает водку. Целится в рюмки, стоящие на столе:

– Пли! – раздаётся выстрел. – Раз!

Рюмка взрывается осколками.

– Пли! Два! Пли! Три! Пли! Четыре! – так, приговаривая, стреляет шесть раз, но на шестой рюмке он произносит цифру *семь*. Только шесть стопок «расстрелял».

Он улыбается пьяной гримасой, смотрит в дуло пистолета, хихикает:

– Репетиция, маленькая репетиция. Патрончики-то того,

кончились. Надо перезу... – спотыкается, совсем опьянел, – паразу... нет, перезарядить, – по слогам, почти трезвым голосом.

Поднимает пистолет, заглядывает в дуло, прикладывает к правому виску, произносит «пиф-паф», нажимает курок. В глазах – удивление, брови поднимаются домиком. Лицо приобретает клоунски-трагическое выражение. По щеке от виска бежит тонкая тёмная, кровавая струйка. Он этого совсем не хотел, не готовился, не предполагал. Совсем.

Натура.

Дом культуры на Дубровке. Огромное полотнище: «Норд – Ост».

Ксения и Рахиль приближаются к парадному входу. Оттолкнув их, проскакивают бритоголовые парни в кожаных куртках.

– Поосторожнее, мальчики, – обращается к их спинам Рахиль.

Бритоголовые почти одновременно оборачиваются.

– Эй, гримзы! А вы куда?

– Боже ж ты мой, Раша! Гляди-ка! Наши драчуны! На искусство потянуло?

– Чтоб тебе сдохнуть, зараза! – мгновенно реагирует один из бритоголовых.

– Всё в своё время, – меланхолично отвечает Ксения.

Вход в здание. Бритоголовые смешиваются с толпой.

Интерьер. Зал на Дубровке.

Спектакль. На сцене разыгрывается первое действие. Зал. Зрителей почти не видно, всё освещение на сцене.

Крупные планы. Ксения, Рахиль. За их спинами не видны зрители, всё размыто. Только абрисы. Сзади словно специально высвечиваются прожекторами бритоголовые, даже в зале они в своих куртках. На сцене появляются террористы с автоматами. Действие прерывается.

Натура.

Площадь перед ДК на Дубровке. Журналисты с камерами. Молчаливая толпа. (Видеотека).

Интерьер.

Дача Звягинцевых. Телеэкран. Знакомые всему миру кадры. Площадь перед Домом культуры. Звягинцевы смотрят телевизор.

– Господи! Спаси и сохрани! – рыдает навзрыд Люба. – Из-за нас, из-за меня погибнут!

– Нет, нет, нет, – бессмысленно повторяет Сергей.

Телеэкран. Передвигаются теньями, вдоль стены здания люди в форме. Тёмная, молчаливая толпа родственников.

Интерьер.

Телеэкран. Молчаливая толпа неподалёку от ДК на Дуб-

ровке.

Зал Аэропорта. Мара с мужем и детьми бежит к паспортному контролю. Девушка, которой Рахиль «нагадала» ребёнку, насколько возможно быстро пропускает Мару с детьми и Йоськой.

– Скорее, скорее, – торопит Мара, – прошу вас! Там мама, вот там, в Москве, террористы!

– Всё будет хорошо! Она вернётся, она мне обещала.

Натура. Площадь перед ДК на Дубровке. Ночь.

Группа родственников. Среди них Мара.

Несколько человек очень возбуждены.

– Одна группа пойдёт к Думе, вторая на Красную площадь.

– Зачем? – спрашивает Мара.

– Плакаты сейчас подвезут.

– Зачем? – спрашивает опять Мара.

– Девушка, помолчите! Идёте с нами?

– Зачем? – вновь спрашивает Мара.

– Нужно заставить Путина пойти на переговоры, – раздражённо отвечает женщина в прозрачном платке.

– Не надо, – волнуется Мара, – никогда нельзя с ними договариваться!

– У тебя там кто? – спрашивает мужчина с усталым лицом.

– Мама, – Мара говорит очень тихо, – тётя.

– Ты же не хочешь, чтобы их убили? – молодой парень

с красным, обветренным лицом вцепляется Маре в плечо. – Надо же что-то делать!! Властям на всё плевать, народ сам встанет на защиту и возьмёт брады правления в свои руки. Пора скинуть эту клику.

– Как не стыдно, – возмущается женщина в плаще, – ваша пропаганда неуместна! Такая беда, а вы...

– Я вас прошу, не ходите с плакатами, не вынуждайте президента идти на переговоры, всё равно бесполезно!

– Да что ты понимаешь, девушка? – спрашивает мужчина с усталым лицом.

– У нас целые самолёты брали в заложники, взрывают на улицах, в автобусах, кафе ни в чём не повинных людей, детей и стариков. С террористами договориться невозможно. Стоит дать слабину, они только входят во вкус, повышают требования. Цепная реакция, арифметическая прогрессия зла...

Центральный вход в здание. Издалека видно, как в него входят Кобзон и Хакамада. (Видеохроника). Неподалёку от площади перед зданием несколько человек – это Йоська со своими детьми и отец Иоанн. На плечах у раввина талес. Чуть раскачиваясь вперёд и назад, раввин молится на иврите: «Адонай, шма...». Дети тут же повторяют за отцом слова и движения. Отец Иоанн негромко произносит молитву, крестится: «Боже! Спаси и сохрани!»

Интерьер.

Зрительный зал. Серые, усталые лица Рахили и Ксении. За их спинами, потеряв свой привычный победительный вид, бритоголовые в куртках. Один из них бормочет на одной ноте:

– Умрём, умрём, умрём.

– Заткнись, – тихо шепчет другой бритоголовый.

Ксения оборачивается, протягивает им две таблетки валидола:

– Положите под язык. Больше у нас ничего нет.

– Раньше смерти не умрёшь, мальчик, – Рахиль производит это, не оборачиваясь. К ним направляются женщина в чёрном и террорист в маске.

– Встать, – резко приказывает террорист парням в куртках.

На негнущихся ногах бритоголовые очень медленно пытаются выполнить приказ. Террорист направляет на них автомат. И тогда, не сговариваясь, поднимаются Ксения и Рахиль. Они, раскинув руки, перегораживают собою мальчишек. И на весь экран – две старые женщины, раскинувшие руки, с высоко поднятыми головами. Изображение застывает.

Конец

2005 г.

Кошачий глаз

Литературный сценарий

1. Натура. Кладбище возле посёлка.

Блэкное небо, мелкий дождь. Пирамидальные тополя, серебристые листья дрожат, как от озноба. Кладбище. Кресты. Расквашенные тропинки, проплешины серого снега. Так бывает только очень ранней холодной весной. Небольшая группка людей возле разрытой могилы. Рабочие осторожно опускают маленький гробик в землю. Ни оркестра, ни священника.

Ольга стоит у опасного края могилы. Чёрный платок, белое до синевы лицо. Глаза смотрят поверх могилы, поверх жизни, куда-то в серое небо. Муж держит Ольгу за плечи, словно боясь, что она соскользнёт вниз, на крышку гроба, вслед за их маленькой дочерью.

Тихая, молчаливая процессия идёт по дороге с кладбища. Замыкают шествие две женщины.

- Говорят, они её приспали, – шепчет одна из женщин.
- Как это? – спрашивает другая.
- Дитя плакало, верно, животик болел, Ольга с Петром дочку положили между собой и придавили.
- Нарочно, что ли?
- Вряд ли, просто спать хотели.
- Откуда знаешь? Марь Петровна по секрету поделилась?

– Это расскажет, как же! Каменная баба.

– Ну, всё же внучка померла, – последнюю фразу она произносит довольно громко.

Мария Петровна, идущая впереди, резко оборачивается, полосонула взглядом. Женщины сразу же примолкают, и будто съёживаются.

Тополя вдоль дороги. Пронесются машины – чаще трейлеры, реже – легковушки. Кладбище неподалёку от центра города, которого и городом-то не назовёшь. Площадь с облупившимся памятником Ленину, типовая коробка бывшего райкома, скверик с лысыми, чахлыми кустиками. Неподалёку магазин: над левой дверью сияет новенькая надпись «Супермаркет», а над правой «Бутик». Единственный в городе работающий светофор, не обращая внимания на красный цвет, проскакивает мотоцикл с коляской, обдав веером серой грязи, возвращающихся с кладбища.

Процессия минует площадь, затем здание школы, сворачивает в переулок.

2. Интерьер. Квартира Сомовых. Книжные полки, на них полные собрания сочинений Ленина, Жюль Верна, Чехова и Шолохова. На стенах новенькие обои с крупными аляповатыми цветами. Старый сервант типа «Хельга», где соседствует битком и впритирку дешёвый хрусталь, сервиз «Мадонна», фарфоровые статуэтки – балерина в пачке, мальчик с удочкой, охотничья собака. Мария Петровна расставляет

на столе фужеры и рюмки. Пётр помогает ей.

Ольга стоит возле окна, застывшее лицо-маска, взгляд в пустоту. Ей слышится удары молотка, так забивают гвозди в крышку гроба, и как стучат комья земли, засыпающие могилу, и о крышку гроба, и тонкий, далёкий плач ребёнка...

3. Натура. Светофор на площади переключается на зелёный цвет. Он словно плывёт в воздухе, увеличиваясь в размере, пока не закрывает почти весь экран.

4. Интерьер. Окно квартиры Сомовых. Ольга всё ещё смотрит через стекло, приближается зелёный круг, заполняет всё пространство, кажется, что это уже не огонь светофора, а огромный кошачий глаз с поперечной полоской чёрного зрачка.

Ольга вздрагивает, заслоняется рукой от этого странного, слепящего глаза.

– Ольга! Садись, – произносит ровным, тусклым голосом Мария Петровна, – помянем девочку нашу бедную... по русскому обычаю.

За столом – Мария Петровна, Пётр и две молодые женщины, которые были на похоронах. Пётр жадно опрокидывает в себя гранёную стопку с водкой. Женщины чуть пригубили, Мария Петровна выпивает содержимое стопки мелкими глотками. Ольга даже не притрагивается.

– Выпей, выпей, – советует одна из женщин. – Полегчает.

– Давай, дочура, – поддерживает гостью Мария Петровна, – жизнь-то продолжается, завтра легче станет.

Ольга молча смотрит на мать. Повисает тяжёлая пауза. Никто не знает, что и как надо говорить на этих поминках.

– Я бы Олю, Марь Петровна, подменила завтра на уроке, да как? Я ж не математик! – бормочет вторая женщина, ловит языком кислую капусту, повисшую на вилке. Жуёт с хрустом. Петя подливает ей и себе ещё водку. Пьют с явным удовольствием.

– Работа и только работа спасёт от депрессии, – сентенция матери повисает в воздухе: ну, что тут скажешь?!

Так и не выпив ни капли, Ольга встаёт, уходит в другую комнату. Петя накладывает на тарелку винегрет, наликает себе ещё выпивки. Ольга появляется из своей комнаты: одета в джинсы и свитер, голова повязана чёрным платком по самые брови, за спиной рюкзачок. Она открывает входную дверь.

– Куда? – почти кричит Мария Петровна.

– Оля! – зовёт муж.

Но Ольга выходит, аккуратно и плотно прикрыв дверь – всё, отрезано, поставлена точка.

5. Натура. Беговой круг. Трибуны.

Зрители, смотрящие в бинокли, или изучающие программки. Мчатся лошади, жокеи в разноцветных костюмах.

На одной из трибун ложа VIP-персоны. Среди них муж-

чина с биноклем – Игорь Нездольев. Грубоватое, с высокими скулами лицо, не лишённое привлекательности, плечи широкие, вся фигура коренастая, похож на бывшего спортсмена. Движения скупые, чуть замедленные, словно он боится «расплескаться» таящуюся в нём силу.

Игорь весь внимание, лошади мчатся по кругу.

– На кого поставил, Нездольев? – раздаётся хрипловатый голос за спиной Игоря.

– На Незабудку. А ты, Антон?

– Тоже. У тебя глаза на затылке? Даже не обернулся.

– Твой бас невозможно перепутать.

– Как дела – делишки? – Антон трубно смеётся.

– Первое хорошо, второе никак.

– И что ты имеешь ввиду?

– Делишками-то я, как известно, не балуюсь, остальное всё в порядке. Кстати, обещания выполнять надо.

– Выученко сегодня здесь. После награждения победителя представлю тебя. Учти, на его ангельскую внешность не покупайся, ушлый, обведёт вокруг пальца, чихнуть не успеешь. Незабудка, между прочим, выучинская.

– Такой любитель?

– У него ещё четыре рысака, конезавод, конюшня и многое другое.

– Дорогонькое удовольствие.

– Рациональное вложение денег, никаких эмоций.

– Не скажи. Лошади болеют, ломают ноги, да и ма-

ло ли что...

Гонг извещает об окончании забегов. Антон и Игорь подходят к Выюченко – у него лицо утомлённо-удивлённое, похожее на маску пожилого грустного клоуна. Антон представляет Игоря:

– Игнат Львович, познакомьтесь. Игорь Нездольев, когда-то вместе служили.

Выюченко улыбаясь, протягивает узкую ладошку – рука ухоженная, тонкие пальцы, над которыми явно поработала маникюрша; на среднем пальце перстень: на чёрной эмали бриллиантовое милле монограммы, буквы «И.В.» выведены прописью. Несколько вычурно, но изящно. Таков и весь облик Игната Выюченко – рубашка апаш, шёлковый шарф с булавкой в стиле перстня, дорогой свободный пиджак. Всё в тон.

– Приятно познакомиться, слышан от Антона, – голос Игната очень высокого, какого-то скрипучего тона, – у вас, похоже, дело ко мне, – без вопроса, с утверждением.

– Да.

– Предлагаю два варианта. Либо созвонимся на неделе, либо приглашаю сейчас отпраздновать победу Незабудки. Ставили на мою любимицу?

– И выиграл немножко. Я завтра улечу по делам, так что уж после возвращения.

– Прекрасно. Но говорят, вы привыкли всё сразу и сию минуту? Ну, что ж, и такой стиль работы понимаю, хотя...

– Хотя вас-то привлекает другой – сто раз обдумать и не рубить с плеча, не так ли?!

– Угадали! – Игнат Львович хохотнул довольный.

6. Натура.

Раннее утро. Поле почти до горизонта. Едва взошедшие озимые. Высокое бледно-голубое небо. И сверху на пробуждённую весной землю льётся песня жаворонка.

Ольга стоит на кромке поля, запрокинув вверх голову.

– Тот, кто никогда не слышал жаворонка, считай и не жил, – раздаётся чей-то голос, сзади, за Ольгиной спиной.

– О, Господи, – Ольга вздрагивает и резко оборачивается.

– Не страшись, девонька, это всего лишь я.

Бричка, на облучке лохматый и кудлатый мужик. Лицо его, задубевшее от ветра и солнца, без возраста. Но чуть улыбнётся – мальчишка, посерьёзнее – старик.

– Я уже ничего не боюсь, – произносит Ольга.

– Зря. Бойся побед, они всегда обернутся поражением. Бойся правды, она ещё не истина. Ты когда в последний раз ела, девонька?

Ольга пожимает плечами.

– Ясно. Забирайся, бричка хоть и не лимузин, но нам места хватит.

– Нет.

– А говоришь, уже ничего не боишься. Давай, давай. От-

везу к себе, накормлю, да напою, да спать уложу. Прозрачная какая! Одни глазищи, даже кожи и костей нет. Я вон тамочки обретаюсь, за полем.

И вот под этот завораживающий трёп мужик берёт за руку Ольгу, затягивает в бричку, усаживает рядом.

– И кроссовки мокрые, и брючки. Дрожишь? Понятно дело. После восхода холодает всегда. И росы сегодня обильные, значит быть жаре.

– А откуда знаете?

– Я много чего знаю.

– Вы кто?

– Кто был, после расскажу, а кто нынче сама поймёшь. У тебя что в рюкзачке-то? Кофта, иль свитер есть? Доставай, надевай.

Ольга, словно замороженная, открывает рюкзак, достаёт свитер, натягивает на худенькие плечи. А мужик продолжает говорить, а бричка почти бесшумно, на мягких рессорах катится по дороге между полями, а жаворонок поёт и поёт.

– Ты поплачь, девонька, поплачь, со слезами горе вытекает. Ведь у тебя горе, правда?

– Не хочу.

– Ну, понятное дело, не хочешь душу выворачивать. Что делать умеешь?

– Ничего.

– Не беда. Научу.

– Зачем?

– У тебя имя-то имеется?

– Ольга.

– Ух, какое имя-то! Знатное, княжеское, не то, что моё! Аполлон, а по батюшке Аполлинарьевич!

– Разыгрываете? – Ольга чуть раздвигает губы – ещё не улыбка, а так, чуть полуулыбка.

– Клянусь, – мужик искоса взглядывает на Ольгу, кивает сам себе, мол, растопил немного, – всю жизнь мучаюсь, насмешников-то у нас полно. И впрямь, посмотри на меня, разве я хоть каплю похож на бога-воителя, разве я высок, строен и безбород, да ещё на лире играю?! А?!

– «Пока не требует поэта к священной лире Аполлон!», – тихо произносит Ольга.

– О! Пушкина любишь?

– Никого я не люблю, – вновь замыкается в себе Ольга.

Впереди луг. Сочная трава. Слева огороженный деревянными брусьями круг, в нём взрыхлённая копытами земля. Справа большая конюшня, у ворот, там, где вход в денники, лежат два пса непонятной породы – лохматые, длинноногие. Завидев бричку, они поднимаются вместе, как по команде. Аполлон осаживает коня.

– Мальчики! Быстро ко мне, – поворачивается к Ольге, – собак любишь?

– Не уверена.

– Сейчас проверим.

– Натравите на меня?

– Я ж не вохровец лагерный. Если они зарычат, значит, ты их боишься, а если не зарычат, то у вас с ними полный ажур.

Собаки подбегают, обнюхав Ольгины ноги, лениво взмахнув хвостами, возвращаются на свой пост у ворот.

– Ага, порядок! У тебя дома никогда собак не держали, – не спрашивая, утверждаяще.

– Даже птичек, рыбок, или кошки. Мать у меня... А как зовут псов?

– Мальчики.

– Что, обоих? Как же они узнают, когда кого подзывают?

– Понимают.

Аполлон чуть трогает вожжи, бричка катится дальше. Впереди, сразу после конюшни дом тёсаного дерева, чисто выметенный двор и палисадник – много цветов и кустов, дватри плодовых дерева.

7. Интерьер. Дом Аполлона.

Чистота почти стерильная. Большой стол посреди комнаты отскоблён и отлакирован. Этажерка явно самодельная, уставлена плотными рядами книги. У окна письменный стол с компьютером, принтер. На стенах нет фотографий. Единственное украшение этой комнаты – небольшая скульптура чёрного каслинского литья – лошадь с жеребёнком.

Ольга снимает мокрые кроссовки и носки. Стоит босая, не решаясь шагнуть через порог.

– Там кухня, рядом ванная комната и всё такое. Не стой

столбом, если не во что переодеться, что-нибудь придумаю.

– Не надо.

– Давай, девонька, шагай. Сейчас приготовлю поесть.

– Спасибо, не хочу.

– Понятно.

Ольга подхватывает свой рюкзак, стоит секунду в нерешительности, хочет повернуть к выходу, но потом всё же идёт в глубь дома.

Ольга и Аполлон в кухне. Много света, мало мебели, диссонансом выглядит дорогая встроенная техника, такую в любом современном доме встретишь. Похоже, хозяин поклонник минимализма и рациональности. На первый взгляд.

Ольга, не притронувшись к еде, пьёт чай.

– Давно путешествуешь?

– Не помню. Месяц? Два?

– Деньги есть?

– Нет. Заплатить мне вам нечем.

– За постой, значит, нечем? Отработаешь, – посмеиваясь, берёт ложку, наполняет её, подносит к губам Ольги. – Давай, открой рот, за папу, за маму.

Ольга не отшатывается, неподвижно смотрит прямо в лицо хозяину. И совершенно неожиданно для самой себя глаза наполняются слезами. Аполлон встаёт, выходит из кухни.

Ольга возле книжной полки, рассматривает корешки книг: среди книг по ветеринарии несколько томиков Дика

Френсиса и воспоминания ветеринара Джеймса Хэрриота. Достает энциклопедию «Болезни лошадей и их лечение», листает.

Резкий стук в дверь, Ольга от неожиданности вздрагивает, роняет толстый том, садится на корточки, собираясь поднять книгу.

– Эй, док! – раздаётся из-за двери голос. – Вы дома?

Дверь с треском распахивается. Занимая почти весь проём, протискивается мужчина. На ногах его высокие яловые сапоги. По крайней мере, сидящая на корточках Ольга, сначала видит только их, потом уже всю угловатую и громоздкую фигуру вошедшего, который спрашивает резко, даже грубо:

– Ты кто такая? Где док?

Ольга не отвечает. Мужчина делает только один шаг, сразу оказывается прямо возле Ольги, наклоняется, поднимает её на уровень своего лица.

– Док всех несчастеньких подбирает.

– Сами вы убогий! – злится Ольга, первое проявление нормальной реакции.

– Поставь, пожалуйста, девушку на место, – Аполлон входит в комнату, – неровён час, сломаешь.

– Привет, док. Надо посмотреть Урагана. Мне его правое копыто не нравится.

– Вчера смотрел, камушек удалил. Не дёргайся по пустякам, Ким Кимыч.

– Когда Фрикадельке срок-то?

– И не стыдно? Дама-то королевских кровей, никакого уважения. Думаю, завтра в ночь.

– Так она как зажеребилась, именно на фрикадельку стала похожа. Помощь нужна?

– Вот, – кивает в сторону Ольги, – у меня ассистент те-перь. Не побрезгуешь, дочка?

– Ой, нет!

– Да дело-то не хитрое, меня только слушайся, и всё будет тип-топ.

Ким, усмехаясь, протягивает ладонь в сторону Ольги:

– Рад знакомству. Коли Док обижать начнёт, сразу ко мне.

8. Интерьер.

Конюшня. Денники. По длинному коридору споро бежит парнишка лет 15-ти. На ногах кирзовые сапоги, явно ему велики. Ватник. На голове задом наперёд надет жокейский шлем. В каждой руке парень держит по ведру с овсом. В конюшню входят Аполлон и Ольга.

– Бенó! – зычно зовёт спутник Ольги.

– Док, приветствую вас! – не останавливая бега, парнишка направляется к вошедшим.

– Познакомься.

Бенó протягивает Ольге вёдра, та подхватывает их, сгибается от их тяжести чуть ли ни до пола, медленно распрямляется.

Аполлон внимательно наблюдает, мальчишка смеётся.

– Да ладно, давай, я пошутил, – Бенó хватает дужки вёдер, но Ольга не отпускает.

– Упрямая, – констатирует Док с удовольствием, – нашего поля ягода.

– Меня зовут Бенó, а тебя?

– Ольга. Бенó уменьшительное от чего?

– Я чеченец, поняла?

– Прямо из Чечни?

– Криво.

9. Интерьер. Конюшня.

Ольга, засыпав очередной корм, закрывает денник, гладит коня между ушей, медленно идёт по проходу. В одном из пустых денников переодевается Бенó, Ольга заглядывает через низкие ворота. Мальчик закатывает штанину, отстёгивает протез на левой ноге, растирает культю. Ольга быстро отходит.

10. Интерьер. Квартира Нездольева.

Игорь открывает дверь, входит. Большие окна без занавесок. Сочится тусклый предвечерний московский свет. Мебель в квартире совершенно не модная, но всё добротное, чистое, нигде не пылинки. Напротив окна на стене висит большой фотопортрет (в стиле картины Карла Брюллова «Всадница»), на котором изображена женщина лет 25, сидя-

щая на лошади. Игорь, постояв несколько секунд перед портретом, уходит в глубь дома. Возвращается уже переодетый в джинсы и свитер, садится у компьютера. Быстро щёлкает по клавишам, ставит перед собой микрофон:

– Где Сидоров?

– Тут я, Игорь.

– Почему до сих пор не переслал баланс?

– Так у нас Интернет накрылся, только-только восстановили, через пару минут получишь.

– Когда начнётся отгрузка очередной партии?

– Игорь, приезжай.

– Случилось что?

– Ну, не так, чтобы, но какие-то странности происходят.

– Поконкретнее нельзя?

– Можно, но не нужно.

– Ничего не понимаю.

– И не надо, приедешь, разберёшься.

– Завтра буду.

– Хорошо, но лучше бы сегодня.

– В 5 у меня встреча, а до этого баланс надо посмотреть.

В ночь поеду. Ты где будешь?

– На фабрике. Жду.

11. Натура. Ночное шоссе. Игорь за рулём машины. Включает магнитофон. Хрипловатый, усталый голос произносит: «И никогда не убивайся обо мне. Помнишь, о чём мы греди-

ли? Исполни наши мечты. У тебя получится, всё, всё получится! Только не бросай задуманного. Ради меня...». Справа у дороги: указатель «Сосновый бор». Машина сворачивает. Вокруг чёрный лес. А голос продолжает: «Вот тебе мой последний подарок – стихи только дописала, хватило сил, даже рука не дрожала. Послушай, любовь моя! *В огне сгорает всё.// Шипит и испаряется ручей.// Горит сосна и гибкий тальник. \\ Избушка, дом из старых кирпичей, // Кабриолет, автомобиль и сани, // Бессмертные творения поэтов, // Цветок и детская игрушка, // Мироззрения и credo, // Танк, миномёты, пушка... // В огне сгорает всё. // Тайга глухая и степной ковыль, // Хлеба, что сеяли мозолистые руки, // Корабль бумажный, крепкие фелюги, // И тополиный пух и сталь, // Вишнёвые сады и монументы, // Подвалы нищих и Версаль, // Солдаты, маршалы, корнеты... \\ В огне сгорает всё. \\ Правительства и страны, // Подонки, храбрецы, шпионы, // Червь дождевой и гордые орланы, // Колокола, мечети и иконы... // Всё, всё горит в огне! // Ему лишь память неподвластна // И вечная твоя душа. // Пусть языки его то рыжие, то красные // Всё пожирают не спеша, // Всё превратят в горячий пепел, // И пусть земля моя пропахнет дымом... // Но слышишь? Слышишь? Крыльев трепет, \\ Да песнь без слов над росами седыми».*

Свет фар разрезает тьму, мелькают по бокам дороги деревья.

12. Натура. Беговой круг возле конюшни. Вечер. Закат.

Ольга проходит мимо. Изрытая копытами земля. На горизонте медленно опускается солнце. Ольга останавливается, смотрит на солнце. Ей слышатся странные слова, произнесённые чуть хриповатым, низким голосом:

«...Крыльев трепет, Да песнь без слов над росами седыми». Звук ниоткуда. Ольга видит жёлтый круг солнца, оно всё ближе, заполняет всё вокруг, меняет цвет и форму: словно кошачий глаз с чёрной, узкой поперечиной зрачка.

13. Ночная дорога, машина Игорь подъезжает к воротам фабрики, мигает фарами, ворота медленно открываются.

32. Интерьер. Кабинет директора. Игорь и Сидоров листают бумаги, которые приготовил для него директор.

– Милое дело! Как ты такое, Сидорович, допустил? И мне не сразу сообщил?

– Смотри – вот факс о возврате партии, помечено вчерашним числом, здесь и время указано, 14.20. Я немедленно связался с магазином, там утверждают, вся партия заражена.

– И как они обнаружили?

– Им позвонил какой-то тип, не назвался, предупредил, доброхот сраный! У них одна работает, не баба, гений в юбке, между прочим, доктор наук, мы по её книжкам учились. Что творится, Игорь, что делается! Всю науку уничтожили...

– Опять запричитал! Давай ближе к сути. На лесопильню

кого-нибудь командировал?

– Сначала решил с тобой посоветоваться. Есть кандидатура, мой сокурсник бывший. Парень порядочный. Готов выехать завтра утром.

– Отлично. С лесничеством связался, вдруг все делянки заражены?!

– Уже. Они на той неделе проверяли, полный порядок. Ни листоедок берёзовых, ни хрущей, не усачей-дровосеков, ни короедов, ни златок – ни одного вредителя. Эти жуки развиваются...

– Ты ещё лекцию надумал читать, чёрт возьми?! А заразить уже готовую продукцию возможно?

– Всё в этом мире возможно, – проборматывает Сидоров, – узнаю, перекопаю все свои старые конспекты, поговорю кое-с кем.

– Резвее поворачивайся. Сейчас пойдём по цехам, потом пригонишь мне начальника службы безопасности, пусть захватит резюме на каждого.

– Зачем?

– Посмотрим, кто из новеньких принят на работу за последние неделю-две.

– Да они у меня все наперечёт!

– Вот и покумекаем, кто есть кто.

33. Натура. Вечер. Конюшня.

Прислонившись к стене, стоит Ольга. На ней прорезинен-

ный фартук почти до пола, большие резиновые перчатки до локтей. И то и другое в кровавых разводах и слизи. Ольга дрожит, втягивает со свистом сквозь стиснутые зубы воздух.

Из денника выходят Ким Кимыч и Док.

– Плачешь? – спрашивает Ким. – Ишь, мы какие нежные! Первый раз роды приняла?

– Она не плачет, – отвечает за Ольгу Аполлинарий, – она пробуждается.

– Спящая красавица, – смеётся Ким.

– Вы злой, очень злой! – произносит Ольга.

– Замолкни, глупая женщина! – раздаётся из-за стены конюшни голос Бенё. – Ничего не понимаешь! Иди лучше взгляни, как твой первенец мамку сосёт.

16. Интерьер. Конюшня.

Тонконогий, чёрный, с белой звёздочкой посередине лба жеребёнок. Ольга подходит к нему, гладит, что-то шепчет. Док наблюдает за тем, как меняется Ольгино лицо, как будто смягчает, даже лёгкая улыбка появляется. Ким и Док переглядываются, тихо выходят.

– Не мешай, – сердится Бенё, – это его первый завтрак. Лучше помоги убраться, вынеси на задний двор подстилку. Ну что застыла-то?

Ольга не возражая, собирает мусор, выносит.

– Малахольная, – ворчит Бенё ей вслед.

Ольга возвращается, берёт правой рукой мальчика за под-

бородок и тихо произносит:

– Смени-ка тон. Я тебе в матери гожусь.

– Ой, ой, ой, мамуля! Больше не буду, прости!

– Дурачок, – ласково трепет его волосы, но вдруг отдёргивает руку, резко поворачивается, выбегает.

17. Интерьер. Квартира Доктора. За окнами темно.

Ольга и Док на кухне, Ольга готовит завтрак, накрывает на стол, подаёт, садится напротив Доктора.

– Аполлон Аполлинаруевич, можно я буду звать, как все, а то очень длинно, мудрёно.

– Хоть горшком называй, только в печь не сажай.

– Какое имя жеребёночку дадите?

– Это у человеческих детёнышей всё просто, либо в честь святого, иль мамы-папы-деда-бабки, а то и просто, с потолка. А у нас, ой, какие проблемы. Хозяин скоро прибудет, сочинит имечко твоему первенцу.

Ольга резко вздрагивает, съёживается, шепчет:

– Не говорите так.

– Намаялась ты, видно, девонька! – Док хочет погладить Ольгу по плечу, но та резко отстраняется. Док меняет тему, – попроси Ким Кимыча научить тебя ездить на лошади, хочешь?

– Его? Нет, он злой.

– Ничего-то ты в людях не понимаешь. Ладно, пойдём-ка лучше, у меня обход.

18. Интерьер. Конюшня.

Доктор и Ольга заходят в денники, почётным эскортом их сопровождают собаки по имени Мальчики. Доктор осматривает коней. Вместо докторского саквояжа, у него перекинута через плечо большая сумка, в которой всевозможные мази, лекарства и специальные, широкие бинты. Лошади тянутся к нему, блестит влажный глаз одного из коней. Док бормочет:

– Ну, Гомер, полегче нынче? То-то, друг ситный, а как на дыбки-то вставал, а кто меня укусил? Стыдно теперь?! И не фырчи, пожалуйста, никто тебя не боится. Олюшка, – обращается старик к Ольге, – поговори с ним, сахарку дай, сейчас мне швы снимать надо.

Ольга достаёт из кармана кусок сахара, протягивает Гомеру, другой рукой с опаской гладит коня по морде. Доктор исподтишка смотрит, готовый в любой момент придти на помощь, но конь спокоен. А Ольга совсем близко приблизилась и тихо, еле слышно заговаривает:

– Не вздрагивай, не трясись ты, доктор больно не сделает, – сама того не замечая, она всё ближе и ближе к коню, и вдруг целует его в щипец, приговаривает, – детка моя, деточка моя!

Конь осторожно кладёт голову Ольге на плечо, жарко дышит, прядёт ушами. Ольга уже не шепчет, бормочет что-то бессвязное, даже воет, словно плакальщица на похоронах.

Док внимателен, но не делает ни одного движения в её сторону.

Неподалёку в пустом деннике, чуть приоткрыв загородку, наблюдают эту безумную сцену Бенó и Ким.

Ольга обнимает коня за шею, даже раскачивается из стороны в сторону, бормотание стихает, вдруг очень громко кричит:

– Господи! Если ты есть, объясни мне!

Конь неподвижен, и, кажется, да, всего лишь кажется, что медленная, тяжёлая слеза стекает из его глаза. Ну, конечно, конечно же, это игра света.

19. Интерьер. Цех сборки мебели.

Игорь Нездольев и Сидоров разговаривают с несколькими рабочими.

Первый рабочий: Никого здесь не было. Только мы.

Второй: Чё говоришь-то? А на той неделе рыскал один, вынюхивал.

Третий: Дак пожарный.

Первый: И взаправду! Я и забыл. Их разе упомнишь, пчёлок-то ентих?! Что ни неделя, дань собирают.

Третий: Хватит трундеть! Хуже баб на завалинке. Ты ему взятку давал? Нет. И молчи.

Сидоров, неожиданно озлившись, рывкает:

– Почему не доложили? Сто раз говорено...

– Успокойся, Сидорович, не приставай к ребятам. И по-

шли в лакокрасочный, – вступился за рабочих Игорь.

20. Интерьер. Лакокрасочный цех.

Рабочие в масках, словно марсианские пришельцы, движения их неспешны, даже ритмичны. Возле двух муфельных печей, где обжигают стекло, придавая им необходимую для горок и телевизионных столиков форму, веера огня падают на асбестовый пол, усыпанный песком. К Сидорову и Нездольеву быстро подбежал мастер:

– Начальству привет! Пошто по ночам, аки тать, бродите? – мастер – любитель поговорок и прибауток – *окал* картинно, двигаясь, пританцовывая пластично.

– Нарушаем, мастер, трудовое законодательство? Третьи сутки вкальываешь?

– Трудолюбец будь, добро наживёшь!

– Хватит ерничать-то! – злится Сидоров. – Отвечай по-человечески! Перед хозяином хвост не распускай, зарплату не повысит.

– Да ладно тебе, Иван Сидорович, – сразу перестав окать, произносит мастер, – сам знаешь, партия должна быть готова ещё вчера, не справляются ребята, а со стороны сам запретил брать, квалификации-то нет!

– Значит, говоришь, посторонних здесь не видел.

– Отчего же? Вчера приходил. Но, вроде не совсем посторонний.

– То есть?

– Пожарник.

– В каске?

– Шутишь? Нормально одет, цивильно. В нос удостоверение сунул, по цеху прошёлся и дальше погрёб. Обещал, отчёт составит, утром придёт, ознакомит, что б без обид.

– Вот тебе мой приказ: как придёт, немедленно мне сообщи.

– Слушаюсь, мой генерал.

– Шут гороховый!

21. Интерьер. Фабрика. Утро.

Кабинет директора. Игорь, стоя возле окна, пьёт из большой кружки чай. Сидоров говорит по телефону:

– Анна Ильинична, начальника охраны ко мне. И побыстрее, – вешает трубку, – Ох, не нравится мне всё это, Игорь.

Нездольев не успевает ответить, входит подтянутый, явно из бывших офицеров, начальник охраны.

– Звали, Иван Сидорович?

– Кто вчера пропустил пожарника на территорию?

– Выясню. У меня отгул был, не в курсе. Можно позвоню с вашего телефона?

– Давай.

Стук в дверь, осторожно «просачивается» секретарша – седовласая дама.

– К вам рабочий из цеха сборки. Можно ему войти?

– Обязательно.

Входит Первый рабочий.

– Я, это, который пожарник вчера, ну, возле проходной видел, у меня смена-то кончилась, ну, вот я домой и пошёл, а он топчется возле.

– Сейчас?

– Ну!

– Спасибо. Иди, отдыхай, – Сидоров, обращается к начальнику охраны, – задержать немедленно и ко мне в кабинет!

– Кто там у проходной, – не повышая голоса, произносит начальник в трубку, – задержать и к директору!

22. Интерьер. Дом Доктора. Утро.

В доме Ольга. Она сидит за компьютером. Пальцы, явно приученные к клавиатуре быстро «летают» по буквам и знакам. Увлечена, не слышит, как входит Доктор, походка у него лёгкая, мягкая. Доктор достаёт с полки нужную ему книгу, листает, потом мельком бросает взгляд на монитор.

– Ого!

Ольга вздрагивает, оборачивается.

– Чем это ты занимаешься, девонька?

– Не сердитесь, Док.

– Объясни быстренько.

– Можно потом? Вот доделаю, тогда и расскажу.

– Ладно. Кстати, – уже у порога бросает, – Ким Кимыч ждёт тебя.

– Зачем?

– На первый урок.

– Какой урок?

– Обучения езды на лошади.

– Не хочу.

– Ты на коньках умеешь?

– Нет.

– А машину водишь?

– Нет.

– Недотёпа, однако.

– Какая есть. И при чём здесь коньки?

– А просто нужно хоть что-то уметь. Мало ли, как жизнь повернётся, – загадочно произносит, – собирайся, не забудь лосины надеть и сапожки для езды. Я тебе приготовил, стоят в твоей комнате.

23. Натура. Беговой круг возле конюшен.

Бенó помогает Ольге взобраться на лошадь. Рядом крутятся Мальчики, собаки словно опекают Ольгу. Ким Кимыч постукивает стеклом по голенищу своего сапога. Бенó подставляет Ольге сложенные лодочкой ладони:

– Давай, становись, хватайся руками за луку, да не за гриву, шайтан тебя раздери!

– Перестань ругаться!

– Молчи, женщина, делай, что приказываю! Опа! Молодец. Повод-то возьми! Да не дёргай, коню губы порвёшь! По-

шла, пошла!

– Выпрямись! – приказывает Ким. – Подбородок вверх, откинь голову чуть-чуть. Не горбись, сидишь, как мешок с картошкой. Тяни подбородок! Представь, чтоходишь в тронный зал! Не зарывайся носом в холку коня, выше подбородок! Как ходит принцесса? Плавно, горделиво! Слейся с конём, ты и он – одно целое. Пошла, пошла! – Ким стеком ударяет Ольгу по спине, конь останавливается, как вкопанный. – Опять ныряешь? Сожми колени, шенкелями чуть ударь, давай, давай, не трусь!

Ольга злится, губы сжаты, лицо напряжённое, бледное. С силой бьёт шпорами, конь взвивается и мчится, взбрыкивает задними ногами, потом становится на дыбы, Ольга съезжает по крупу к хвосту, но удерживается. Бенó догоняет всадницу, хватает коня под уздцы, останавливает коня.

– Молодец, женщина! Только не злобничай, лошади ещё злее, твою ярость подавят, будь спокойна. Свалят, покалечишься.

– Ну, что, Бенó? – произносит Ким. – Характерец у девочки! Подходит она нам?

– Зато вы мне не подходите, – хрипло произносит Ольга.

– Ничего, стерпится – слюбится! – отвечает ей Ким.

24. Фабрика. Кабинет директора.

Открывается дверь, охранники втаскивают низкорослого и худосочного мужичка.

Видно, напуган он до дрожи.

– Только не бейте, не по голове!

– Пока не трепещи, – довольно мрачно произносит Сидоров, – всё впереди.

– Что, что, что?

– Заклинило, – констатирует один из охранников, – «что-кал» всю дорогу, пока его тащили сюда. Такой вёрткий, жилистый!

– А на вид не скажешь, – язвит начальник охраны.

– Я не виноват, не виноват!

– В чём? – тихо произносит Игорь.

– Ни в чём, ни в чём, в чём..., – договорить не успевает, охранник затыкает ему рот ладонью.

– Садитесь, будьте любезны, не волнуйтесь, никто вам плохого не сделает, – потом Игорь обращается к начальнику охраны, – дайте ему воды, пусть успокоится.

Жадно пьёт, зубы стучат о край стакана.

– Рассказывайте, – Игорь смотрит на мужичка даже с некоторым сочувствием.

– Ничего не знаю.

– Кто вас сюда послал, какие поручения дал, кстати, покажите документы. Вы, вроде, пожарным представлялись вчера?

– Да! Вот, смотрите, – протягивает красную книжечку.

Начальник охраны открывает документ, внимательно осматривает, передаёт Игорю и чётко произносит:

– Липа.

– Похоже, подделка, – соглашается Игорь, протягивает документ директору.

– У нашей пожарной инспекции другой номер и совершенно другая печать, сейчас позвоню в милицию, – соглашается директор.

– Не надо милицию! – заполошно кричит мужичок.

– Значит так, – грозно произносит начальник охраны, – либо отправляешься в нашу родную милицию, либо в нашу котельную, а там т-а-ак жарко, особенно внутри котла! Либо всё, как на духу – кто и зачем тебя сюда прислал! Ну? Может, всё же выберешь последнее?

– Мне поручили, – уныло бормочет мужичок.

– Кто и когда? – ласково произносит Игорь.

– Не помню.

– В котельную его.

25. Дом Доктора. Вечер.

Ольга снимает сапоги, плечи опущены, устала смертельно. Садится за компьютер. Начинает писать.

Без стука, стремительно вваливается Ким, и сразу в комнату. Стоит за спиной Ольги, которая его не замечает. Ким смотрит на монитор, Хватает спинку кресла, раскручивает Ольгу лицом к себе, сжимает её плечи.

– Да как вы смеете?

– Чем это ты занимаешься? Отвечай!

– А вам-то что?

– Шпионишь?

– Ага! Мата Хари местного разлива.

Входит Доктор.

– Отпусти девочку, Ким.

– Ты видел, что она тут ваяет?

– Пока нет. Обещала показать, когда допишет.

– А я уж закончила. Потерпите минутку, последнюю схему дорисую. Пусть только он уйдёт, видеть его не хочу, – кивает в сторону Кима.

– Не дождёшься. Говори, на кого работаешь?

– Контуженный, да?

– Не смей, – ярится Ким и совершенно неожиданно замалчивается.

Но Доктор перехватывает его руку:

– Тихо, тихо. Потом сам пожалеешь.

– Бессовестная. Мы её пригрели, приютили...

– Пригрел меня Доктор! И не рычите, тоже мне тигр бенгальский. Оставьте меня в покое!

– Пошли, Ким, – Доктор берёт Кима под локоть, с неожиданной для него силой буквально вытаскивает его из комнаты, а Ольга поворачивается к монитору.

26. Натура. Двор Доктора.

Собаки крутятся возле калитки, повизгивают, становятся лапами на штaketник.

– Цыц! Нечего тут клянчить, быстро на конюшню, – отгоняет собак Доктор, потом поворачивается к Киму, – зачем её цепляешь?

– Доверчивый вы очень. Пришла неизвестно откуда и за чем.

– Я её подобрал у поля, силком засадил в бричку, сам.

– Пожалел, значит, пичужку. А вдруг это всё игра, обманка.

– Ты меня младше на два поколения, а живёшь по-стариковски, везде тебе чудятся подставы и злодейские козни.

– Вы идеалист, я прагматик.

– Жизнь тебя ещё мало крутила и била.

– Ну, конечно, особенно, в Чечне.

– Там другое, по долгу службы. Однако, на Лубянку, да невиновного, в воронке не везли, в карцере ледяном не держали, кости не выворачивали, по почкам не были, жену и дочку не...

– Не надо, Док. Душу свою не надрывайте.

Доктор отворачивается, Ким с нежностью смотрит ему в спину. Доктор, шаркая, сгорбившись, возвращается в дом, Ким идёт за ним.

27. Дом Доктора. Интерьер.

Доктор зажигает плиту под чайником, ставит на стол корзину с сушками.

– Садись, прагматик, чаю попьёшь, может, помудреешь.

– Это можно, отчего ж не похлебать-то, а вы поосторожней с пичужкой.

– Учи, учи меня, дурака, – смеётся Доктор.

Входит Ольга с пачкой отпечатанных бумаг, кладёт их перед Доктором.

– Вот. Читайте. Дискету я тоже сделала, возле компьютера лежит, – Ольга резко поворачивается, выходит из дома.

28. Интерьер. Котельная фабрики.

Пылает кирпичным огнём жерло котла. Охранники втаскивают в помещение сопротивляющегося «пожарного», он скребёт ногами по полу. От страха, или от пламени горловины котла лицо несчастного будто движется, как стекло меняет цвет и форму при нагреве. У входа в котельную остаются Игорь Нездольев, директор фабрики и начальник охраны.

– Не трясись, заячий хвост. Расскажешь всё, волос с твоей головы не упадет. Будешь молчать, башкой в огонь, – ну, решайся! – начальник охраны и голоса не повышает, но угроза вполне серьёзна.

– Ладно, ладно!

– Давай, колись. И поподробнее, в деталях.

– Две недели назад мне позвонил кореш, предложил работёнку, баял, не пыльная, без душегубства, никогда ничем таким не занимался, воровал по маленькой – да, химичил – да, но без всякого убивства.

– Короче.

– Дал мне коробочку, в ней какие-то белые такие личинки, справил документы и...

– Заказчик кто?

– Знать не знаю.

– Адрес, имя и фамилия кореша быстро!

Игорь, открыв дверь котельной, на пороге уже произносит:

– Вытрясите из него всё, до доньшка. Потом доложите, а мы с Сидоровым наверх, в кабинет.

– Только посмей обмануть, – уходя вслед за Игорем, Сидоров со злостью ударяет «пожарника» по загривку, – мразь!

19. Натура. Деревянный дом в конце улицы.

Начальник охраны фабрики, возле двери, обтянутой облезлым дерматином, останавливается, стучит по косяку кулаком. Дверь резко распахивается.

– Чего надо? – на пороге мужчина в майке, трусах и кроссовках на босу ногу, явно с похмелья.

– Ты Вася Кровососов?

– Ну.

– Поговорим?

– Об чём?

– Впусти в дом-то, дело есть.

– Проходи.

20. Интерьер дома.

В комнате железная кровать с шишечками, клочковатый матрас без простыни, вместо подушки сальный ватник. Стол с остатками пищи, над которыми вьются и жужжат синие назвозные мухи. Пустые бутылки свалены горкой в углу комнаты.

Начальник охраны достаёт из кармана куртки бутылку водки:

– стакан давай.

– Да вот же, – оживляется Кровососов, протягивает грязный стакан.

Начальник охраны наливает чуть-чуть, на доньшке. Вася стремительно опрокидывает содержимое в рот, тянет дрожащую руку за второй порцией.

– Налью, но сперва расскажешь кое-что.

– Дай, дай, сушняк замучил.

– Ответь-ка мне: кто тебя нанял, кто правил «пожарнику» документы.

– Дай! – Вася делает шаг в сторону начальника охраны.

– Стоять на месте! Отвечай! – наклоняет горлышко бутылки над стаканом, но ни капли не наливает.

Вася заморожено следит за бутылкой:

– Дружбан.

– Кто такой?

– Наливай, не томи.

– Нет.

– Большой человек, богатый.

– Откуда его знаешь?

– На зоне поручкались. Я ему по гроб благодарный.

– За что?

– Спас, отбил, чтоб не опустили. Налей, видишь, плохо мне, помираю, «белочка» начинается.

– Фамилию, имя, как он с тобой связывается, где живёт, – скажешь, отдам всю бутылку, да ещё на ящик водки получишь.

21. Интерьер квартиры Нездольева.

Игорь переодевается в домашние тапочки, ходит по комнате, возле уха телефон, кивает головой, время от времени вставляет короткое «Да» с разными интонациями, потом произносит:

– Спасибо, Сидорович. Выпиши премию начальнику охраны. Обязательно свяжись со мной после встречи со своей профессоршей, она-то наверняка знает, как избавиться от заразы, не можем мы все партии уничтожить. Кто заказчик, выясню, сообщу. Пока.

Нездольев подходит к портрету женщины-всадницы.

22. Натура. Огороженный брусьями беговой круг. Мчится конь. Бенб без седла и удил верхом, приговаривает:

– Опля! Барьер!

Конь взвивается над первым барьером, легко приземляется. Потом взвивается над третьим, четвёртым...

Возле ограждения стоит Ольга, наблюдает. И слышится ей тот странноватый, чуть с хрипотцой голос, тот, что читал стихи (или пел?) в самом начале, когда Игорь ехал по ночному шоссе. И нараспев читает этот голос: *«Всё пройдёт!» Ты ведь помнишь кольцо Соломона? Голубая волна. Этот запах солёный, И прилив, И отлив, И цветение слив. Облетает с деревьев листва золотая. И ложится к подножью, порошью её запорошит. И надрывно кричит журавлиная стая, Разлуку вещая, прощаясь, прощая. Всё проходит, но ты – неизменна. Уходит, приходит, и солнце восходит. Вечен розовый стог ароматного сена. Всё бессмертно – ничто не проходит, Только в высшую степень душа переходит.*

Ольга чуть шевелит губами, кажется, повторяет она про себя эти слова. Солнце плавно стекает к горизонту, Ольга смотрит пристально, и чудится ей, что цвет меняется, солнце становится зелёным, а посередине пересекает его чёрная полоска кошачьего глаза.

Бенб соскакивает с коня, неслышно ступая, приближается к Ольге.

– Эй, женщина! Ты чего? Застыла памятником?

Ольга вздрагивает:

– Смотри!

– Куда?

– Что видишь?

– Солнце садится.

– И больше ничего?

– Шайтан тебя раздери! Психованная!

Ольга уходит. Бенó взлетает на спину коня, мчится мимо, пыль поднимается и медленно оседает.

23. Интерьер. Квартира Нездольева.

Игорь говорит по телефону:

– Антон? Ты где? Очень занят? Я дома, ужин заказал, скоро привезут, да только одному есть тоска смертная. Может, заскочишь, поговорим о том, о сём, и про договор с Вьюченко расскажу, а?

Звонит видеодомофон.

– Кто там? – спрашивает Игорь, хотя прекрасно видит форменный пиджак ресторанный посыльного.

– Разносчик из ресторана «Моя прекрасная леди».

Улыбаясь, Игорь нажимает кнопку, потом открывает дверь.

Посыльный, нагруженный четырьмя коробками, топчется на пороге.

– Накрыть? Где и на сколько человек?

– Себя я как-нибудь сам обслужу.

Игорь расписывается на чеке, протягивает деньги, посыльный, передавая коробки, заговорщически усмехается. Игорь на кухне. Ставит на стол две тарелки, два бокала. Открывает балконную дверь, врывается ветер, поднимает занавесы, Игорь смотрит вниз, из подъезда торопливо, припля-

сывая, выскакивает посыльный, садится за руль маленькой машины, на дверях и на крыше которой крупными буквами реклама «Моя прекрасная леди». Машина срывается с места. И почти сразу подъезжает другая, из неё степенно «выплывает» Антон.

Интерьер. Игорь встречает Антона:

– Проходи быстрее, есть хочется.

24. Интерьер. Квартира Доктора.

Ворох бумаг на столе, Док и Ким дочитывают последнюю страницу.

– Ничего себе! – присвистнув, произносит Ким. – Вот так пичужка!

– А ты: промышленный шпионаж, засланный казачок!

– Это надо же! Таковую работёнку провернула, да ещё буквально в два счёта. Всё по полочкам разложила, по минутам рассчитала кормление, сколько сена, сколько овса в зависимости от веса, витамины, даже когда кобыл покрывать лучше – утром ли, вечером...

– Угомонись, сам вижу. Ты повнимательней изучи вот здесь, – листает бумаги, – тебе, тренер, рекомендации.

– И откуда она всё это знает-то?! Явилась птичка-невеличка из ниоткуда!

– Мозги хорошие, вот и весь секрет. Все книжки мои проштудировала, в интернет лазала. Иди теперь, проси прощения за хамство.

– И попрошу, меня не убудет.

25. Натура. Конюшня.

Бенó ведёт коня. Подходит Ким.

– Где Ольга, не видел?

– Ушла.

– Куда?

– По дороге, – Бенó машет рукой куда-то на восток.

– Ничего не сказала?

– Нет. Попрощалась.

– Как это?

– Просила передать привет и спасибо, говорит, за всё Доктору.

– А про меня?

– Ни словечка.

– Да тут до посёлка километров шесть.

– Дохромает, не помрёт.

– Это ты у нас хроменький на всю голову! Почему не оставил?! Ночь же!

– Нянька я ей, что ли?

– Давно ушла?

– Да как солнце село.

Ким взлетает на спину лошади, пыль из-под копыт.

Машина подъезжает к полустанку, останавливается, Ольга выходит, направляется к кассам. Покупает билет. И буквально сразу останавливается поезд. Ольга в вагоне элек-

трички.

Только трогается поезд, подлетает Ким, осаживает коня и видит Ольгин профиль за тусклым, грязным окном.

26. Интерьер. Квартира Игоря.

– Еда хороша, Антон? А вино?

– Очень. Зачем звал-то?

– Хочу попросить тебя об услуге. Сделаешь?

– Смотря что.

– Так, мелочь. Узнай-ка ты мне, кто владеет конезаводом вместе с Вьюченко. И обязательно составь подробный список, сколько процентов акций у каждого. Да ещё, обязательно поинтересуйся, есть ли у акционеров долги, не отданные кредиты, материальное положение самого Вьюченко. Впрочем, сам понимаешь, составь полное досье.

– И не подумаю.

– Да?

Игорь встаёт, посуду аккуратно складывает в мойку, резко и неожиданно поворачивается к Антону, слегка ударяет его ребром ладони по шее и одновременно другой рукой защёлкивает на запястье Антона наручник, вторую же половину закрепляет на своей руке.

– Больно же!

– Несомненно, – Игорь ни разу не повысил голос, да и с лица улыбка не сходит.

– Шутка такая?

– Нет, Антоша.

– За что?

– А за что ты хотел мою фабрику уничтожить?

– Я-я-яя???

– Не актёрствуй, друг мой бывший. Не убедителен.

– Отстегни меня, кончай выё...!

Игорь сильно ударяет Антона в солнечное сплетение, тот со стоном сгибается, стонет.

– Это на первый раз.

– Ты... меня убьешь?

– Зачем? На зону отправлю. Соскучился, поди?

– Разнюхал?

– Я всё теперь про тебя знаю. И про Кровососова твоего, и про того, которого ко мне на фабрику отправил, и про многое другое! А чтобы в серьёзности моих деяний не было сомнений, позвони-ка ты в свою строительную фирму и узнай, как там и что, – Игорь шарит по карманам Антона, находит его телефон, протягивает, – набирай, одна-то рука свободна.

Дрожащими пальцами нажимает на клавиши Антон:

– Это я. Что там у вас? Давно? Нет, позже приеду.

– Пока ещё налоговики не знают *где* искать и *что*. Однако если ты откажешься от моего лестного и простого предложения, не предоставишь нужные сведения, будь спокоен, я им все пути дорожки, все схемки твои сложные раскрою.

– Ненавижу!

– Ну, конечно.

– Отомщу!

– Как?

– Убью!

– Ты? Нагадить по мелочи – это да, убить – нет. Прежде, чем я тебя отпущу, скажи, зачем моё дело хотел уничтожить?

– Всё тебе легко, весь ты такой гладенький, сытый, благополучный. А я – горбом, потом, унижениями!

– Знаешь в чём твоя проблема? Не умеешь держаться в седле.

– Не мучь меня! Как я про акционеров-то узнаю, у кого спрашивать? А для тебя – как два пальца...

– И то верно. Но ты свою мерзость отработать должен, хочу, чтобы навсегда запомнил, пакостник, как людям вредить, – Игорь отстегивает наручники, – пошёл вон! Даю тебе неделю сроку. Не выполнишь – с тобой случится то, что с тем гадёнышем, который на моей фабрике побывал.

– Что? Что? – уже у самой двери кричит Антон.

– Узнаешь вскорости. Выметайся.

27. Натура. Улица посёлка. Поздний вечер.

Площадь с облупившимся памятником Ленину. Идёт Ольга, сворачивает к своему дому.

Интерьер. Квартира Сомовых. Ольга открывает своим ключом дверь, входит в квартиру. Мать Ольги выходит из кухни, останавливается на пороге:

– Нагулялась? Отправляйся туда, откуда пришла.

– Здравствуй. Где Петя?

– Вспомнила про мужа?! Не прошло и полугода. Тю-тю твой Петя.

– Мама, отчего ты такая?

– А именно?

– Даже голос... брезентовый.

– Что мелешь-то, дочь?

– Жёсткая ты, шершавая.

– Не смей хамить.

– Хорошо, – Ольга проходит в бывшую свою комнату, открывает ящик письменного стола, берёт из него паспорт, диплом и свидетельство о браке.

– Ты что это задумала? – Мать стоит на пороге.

– Где всё же Петя?

– Съехал.

– В деревню вернулся?

– Зачем? Подобрали хорошие люди, нынче мужчины товар ходовой.

– Адрес знаешь?

– Он мне не отчитывался, не обязан.

– Ох, мама, как же с тобой трудно!

– А с честными людьми всегда не легко.

– О, Господи! – Ольга резко поворачивает, выходит.

Ольга выходит из подъезда, переходит узкую улочку. Небольшой деревянный домик о трёх окнах, за занавеской в оборках и цветочках – герань и столетник. Ольга загля-

дывает через стекло, видит, как за столом ужинают её бывшая коллега по школе и Петр. На скатерти, помимо тарелок и еды, большая бутылка мутной самогонки.

Интерьер. Ольга входит в комнату:

– Мужьям и подругам пламенный привет!

– Ой! – коллега по школе вскакивает, опрокинув стул.

– Не ждали, голубки.

– Ольга, – Пётр растерян и от того нагл, – где ты пропадала? Можно было хоть позвонить, в конце концов!

– У нас ведь телефона-то нет.

– Олюшка, садись, я тебе самогоночки налью, – коллега суетится, ставит приборы, рюмку.

– Я не пью, забыла?

– Ах, да, ах, да.

– Перестань метаться. Я сейчас уйду, а вот завтра, суженый мой, к 12 жду в ЗАГСе.

– Зачем?

– Разводиться будем.

– А я против!

– Так кто ж тебя спрашивает? И вам не хорошо-то во грехе жить, правда, подружка, а? Пора честь по чести оформить отношения.

– Оля, прости! – коллега умоляюще складывает ладошки, словно молиться собирается.

– Да за что? Всё правильно.

Интерьер. Вечер следующего дня. Квартира Ольги и ма-

тери.

Ольга складывает в небольшую сумку книги по программированию да нехитрые свои пожитки. И слышит негромкую музыку, которая, как ей кажется, звучит с улицы. Она подходит к окошку. Единственный в посёлке светофор горит жёлтым круглым глазом. И приближается он, заполняя всё видимое пространство. И чудится Ольге: поперечный, чёрный зрачок, а музыка едва слышна и, то ли пропетые, то ли произнесённые чуть хрипловатым голосом слова: *« Там две берёзы сиротливо// Роняли листьев влажную прозрачность, // и частый, мелкий дождь слезливый// На поле чёрное и заколоченные дачи// Летел крупинками рассыпчатыми ртути. // Выл пёс, покинутый до будущего лета. // Стучали зябко ивовые прутья, // И лишь рябина пламенела щедро, // Доказывая кровью тяжких гроздьев, // Что радость вечную хранит земля, // И будет снег, и синий след полозьев, // Потом капель, и песня соловья»*.

– Так что же теперь, дочь, ты намерена делать? Место в школе занято, детям-то наплевать на твои печали, гулянки и томленья, – мать неслышно входит и становится рядом с Ольгой.

– Ничего. Ухожу.

– Далёко ли, позволь спросить?

– Очень, на другую планету.

– Личность должна иметь чёткую цель и стержень, нельзя...

– Ты прямо ходячий сборник цитат, – смеётся Ольга.

– Всю жизнь я отдала педагогике, а свою дочь так и не сумела воспитать человеком с большой буквы.

– Мама! – Ольга обнимает мать. – Я напишу тебе. Слово даю!

– Дети уходят, родители ждут, такова участь..., – плечи матери опускаются, в глазах слёзы – своеобразный контраст между тусклой банальностью и истинным страданием..

28. Вечер. Переулок в центре Москвы. Вход в ресторан «Моя прекрасная леди».

Швейцар открывает дверь Антону.

Интерьер ресторана. Антона встречает метрдотель:

– Добрый вечер. Хотите столик на одного, или...?

– Кто тут у вас главный. Его хочу. Проводи к нему.

– Как вам угодно, – метрдотель подчёркнуто вежлив.

– Угодно. Попроверней поворачивайся.

Интерьер. Комната заведующего.

– Вы заведуете этим рестораном?

– Допустим. А в чём проблема?

– Три дня назад ваш посыльный приносил обед моему знакомому. Позовите его.

– Изложите свою жалобу.

– Я не жалуюсь, а хочу просто поговорить с посыльным,

пригласите его.

– Хорошо, – заведующий набирает номер по телефону, – Костя ещё не ушёл? Пусть зайдёт ко мне.

Входит посыльный, но уже без формы, в джинсах и курточке:

– Звали?

– Вот этот господин хочет поговорить с тобой.

– А что случилось?

– Ничего, – Антон явно раздражён, – ты вчера в 15 дом по улице Клеверной заказ привозил?

– Да.

– Посмотри на меня повнимательней, узнаешь?

– Нет.

– Не видел меня, когда отъезжал от подъезда?

– Нет.

– А я тебя видел.

– И что?

– Ты должен со мной в милиции пойти и сказать, что я там был вечером.

– Алиби на выворот? – смеётся посыльный. – Это что-то новенькое.

– Сейчас поедем в отделение, ты там скажешь, во сколько я подъехал к подъезду...

– Стоп! Во-первых, мне некогда. Вернее, во-первых, я вас не видел. И вообще, опаздываю в университет на занятия, – посыльный поворачивается, чтобы выйти, но Антон хватает

его за рукав.

– Не кобенься! Я тебя видел, значит, и ты меня тоже.

Посыльный легко, играючи перехватывает руку Антона, выворачивает её.

– Больно, отпусти. Велите ему отстать от меня, – обращается Антон к заведующему.

– И не подумаю. Пришёл тут, понимаешь, права качать! Приказывай у себя на кухне, а в моём заведении, – ни, ни! Выведи его вон, Костя, только аккуратненько, не покалечь, силушку свою не демонстрируй.

Натура. Возле ресторана.

Посыльный, ещё не отпустив Антона из своих цепких рук, подводит его к стоянке:

– Какая тачка твоя?

– Вон та, отстань от меня, наконец!

– Вали, глаза б мои на тебя не глядели, придурок.

Интерьер. Антон в машине, колотит кулаком по рулевому колесу, бормочет проклятья. Звонит мобильный телефон.

– Кто? Следишь за мной? Ах, позвонил? Откуда же он твой телефон знает? Ну, да, ну, да, в накладной на заказ записано. Все-то тебя любят, холят, лелеют, всем-то ты нравишься, даже ресторанному посыльному. Ты как та дама приятная во всех отношениях. Не-на-вижу! – прокричав, Антон отсоединяется.

29. Натура. Раннее утро. Дорога вдоль поля.

Ольга идёт вдоль дороги. Останавливается на том же месте, где когда-то впервые встретила с Доктором. Поднимает голову, смотрит в небо. Но осенью уже не слышно жаворонка. Вместо облаков и темнеющей синевы неба она видит только что взошедшую, круглую, прозрачную луну, которая, чудится Ольге, превращается в кошачий глаз с чёрной поперечиной зрачка. И вновь откуда-то издалека слышится чуть хриловатый голос – то ли речитатив, то ли песня: *«Мне не жить, мне не петь в этом мире тумана и сырости, \Где певцам серокрылым подрезаны связки, \Где поэтам кидают отбросы из милости, \Где озёра подёрнуты мутной, зелёною ряской...»*. Ольга закрывает уши ладошками. Сразу наступает тишина, на бледном небе прозрачная, тающая луна. И никаких видений.

Ольга почти бегом спешит дальше. Остановка, три парня ждут автобуса. Вид их довольно странен, речь густо сдобрена жаргонными словечками – от чего понять о чём они говорят практически невозможно, жесты угловаты, смех возбуждённый, прерывистый, – то ли пьяны, то ли «обкурены».

– Ребята, этот автобус в Ласково идёт?

– А тебе зачем на конезавод? – спрашивает один их них, – ты ж не лошадь.

– Так идёт?

– Не-а, – глупая ухмылка на лице – на той стороне остановка в Ласково.

– Чё ты с ней лясы точишь? Эй, гирла, потрахаемся? –

второй парень делает шаг в сторону Ольги.

– Да на... такая сдалась-то, глянь, ни спереди, ни сзади, плоскодонка, скелетина, – это третий вступает в «беседу», – а ну-ка, гони капусту!

Ольга спокойно выворачивает карманы куртки, снимает рюкзак с плеч, открывает пустые карманы.

Тот, что предлагал Ольге «потрахать», хватается её за грудь, потом за шею и тащит к подлеску. Ольга сопротивляется, но парень сильнее. Двое других с весёлым гиканьем принимаются стягивать с Ольги джинсы. Вокруг ни одной живой души. Ольга выворачивается, царапается, шипит сквозь стиснутые зубы. Взвихривается пыль в подлеске, разодран свитерок на худенькой ольгиной груди. И вдруг чьи-то сильные руки выхватывают девушку из этого клубка тел, а парни разбросаны в разные стороны.

Ким Кимыч прижимает Ольгу к себе, гладит по голове:

– Ну-ну, хватит шипеть, всё позади.

Рядом конь прядёт ушами, копытом вздымает землю. Ким сажает в седло Ольгу, да и сам садится позади:

– Ты как здесь очутилась?

– К Доктору ехала, – потом через лёгкую паузу – к вам.

– Экая ты странная девушка! То исчезла никому ни словечка, то появилась. Здесь места-то пустынные, опасно одной шлёндрать.

– Не нуждаюсь!

– То-то я вижу – самостоятельная!

– А вы-то как здесь очутились?

– На станции был, нам из Москвы с проводником лекарства кое-какие прислали. Дала бы телеграмму, встретил бы.

– Адреса-то я вашего не знаю.

– Врушка! Прекрасно ты его знаешь, гордыня заедает.

Грех это.

– Не учите меня!

– Не буду, – вдруг миролюбиво соглашается Ким, – на пла-ток, слёзы утри, смотреть тошно.

30. Интерьер. Ипподром.

На трибунах полно народа. В ложе Нездольев и Сидоров. Гонг. Мчатся лошади по беговому кругу. Сидоров и Игорь негромко переговариваются, не отрывая взгляда от дорожек.

– Какого дьявола меня сюда вытащил? – ворчит Сидоров, – на фабрике дел полно.

– В другой раз назначу тебе встречу в казино прямо у игрового стола. Не ворчи, сейчас последний финиш, потом двинем в ресторан.

– Пустая трата времени.

– Учись получать удовольствие от жизни.

– Поздновато уж.

Гонг финиша. Люди вскакивают со своих мест. Загорается табло, на котором значатся клички победителей.

– Пролетели мы, Сидорыч.

– На чужом горбу в рай не въедешь.

– На холке.

– Что ты имеешь в виду?

– У коня-то не горб, холка.

Интерьер. Зал ресторана «Бега».

Игорь и Сидоров за столиком у окна, видны через стекло беговые дорожки, скачут юные наездники – тренируются.

– Всё ж спасибо тебе, я ведь впервые на ипподроме. Забыл сказать – я тут такого художника, специалиста по мебели открыл! Талант громадный. Звать Егор Круглов. Я ему уже эскизы заказал. Покажем тебе, одобришь, новую линию начнём работать, согласен? Только вот с покупателями не просто. Не хочу, чтобы нувориши, выскочки, бандюки, которые страну разорили, разорвали по живому, а теперь жируют.

– Опять завёл свою песню? Учись жить в новых условиях, не ной, не отравляй себе жизнь.

– Всё, всё, молчу. Может, начать переговоры с гостиницами?

– Хорошо, хорошо, – Игорь, уже отключившись, не отрываясь, смотрит через окно, мчатся по беговому кругу лошади, – да оглянись ты, посмотри, какая красотища, идут ноздря в ноздю. Давай ещё по стопке, а?

– Мне ж сегодня возвращаться на фабрику.

– Зачем? Переночуешь у меня?

– Ладно. Гулять, так гулять! Только сознайся, господин ты мой, за какие такие достоинства мне столь роскошный день устроен? Говори прямо и без экивоков с наядами.

– Нужно, чтобы ты прикупил кое-какие акции.

– И сколько, и почём, и какие?

– Это узнаешь позже, пока мне необходимо твоё принципиальное согласие.

– Ну, во-первых, у меня денег нет, я же не олигарх, а бывший учёный, а ныне – наёмная рабсила. Во-вторых, как я буду платить налоги?

– Всё беру на себя.

– Ага, ясно, значит, мне уготована роль болвана в преферансе. А в тюрьму, если что, сяду я?

– Помнишь, за что меня из института вышибли с последнего курса?

– Ещё бы, весь курс за тебя просить ходил. Острослов ты наш! На чёрта зав кафедрой военной брякнул: «Вас, полковников, как собак не резанных!», кто тебя за язык тянул?

– Отомстил мне полковник Дуболомов, по полной, расстарался – лоб забрили и – в Чечню.

– И?

– Когда меня снайпер подстрелил, отправили в госпиталь, а там я с одним лейтенантом познакомился, весёлый такой, ушлый, сдружился, он пообещал кое с кем покалякать, кое-кого подмазать, короче, отмажет меня от войны. Думал, сбрехнул.

– Нет?

– Подлечили, да сразу пришло предписание: направить Нездольева в конный полк на «Мосфильм».

Игорь вдруг замолкает, пристально смотрит в зал ресторана, где, в окружении «клеветов» и охранников неспешно движется Вьюченко.

– Ты что? – спрашивает Игоря Сидоров.

– Прости, я на минутку, – Нездольев вскакивает и направляется навстречу Вьюченко:

– Игнат Львович! Я вам уже несколько раз звонил.

– Знаю, докладывали, но я срочно улетел по делам.

– Когда мы можем встретиться?

– У нас сегодня четверг? К сожалению, только в понедельник, – поворачивается к одному из «клеветов», – во сколько у меня окно будет?

– С 15.30 до 16 часов, – клевет полон подобострастия.

– Устроит? – обращается Вьюченко к Игорю.

– Вполне.

– Договорились. Перезваниваться не надо. Жду вас, – и вся процессия следует к своему столику.

Игорь возвращается к Сидорову.

– Шагу зря не ступишь, – довольно раздражённо произносит Сидоров, – теперь я понял, почему ты меня именно в это ресторан заташил.

– Дело одно хочу сварганить с этим Вьюченко хочу, твёрдый орешек.

– Грязные игры?

– Да нет, как раз наоборот.

– Ну, ясное дело. Да ладно, продолжай.

– А на чём я остановился?

– На «Мосфильме».

– Да, да. Вот я там и заразился.

– На тебя чихнула больная сапом лошадь? – смеётся Сидоров (в первый раз исчезла его вечная озабоченность и ворчливость).

– Любовь к лошадям – это, я тебе скажу, пострашнее сапа. Давай выпьем? – Игорь доливает остатки водки, – Тогда же я и Алёну повстречал. И обещал ей, и костыми лягу, выполню всё, о чём мечталось...

– Счастливый ты, такая женщина!

– Недолгое это было счастье...

– Я знаю, Игорь, я помню, – и они замолкают надолго.

– А где теперь тот лейтенант?

– Пропал без вести.

– В плену?

– Может быть. Посылал запросы в министерство. Нет его ни среди живых, ни среди мёртвых.

А за окном, возле которого они сидят, уже темнеет.

31. Натура. Ласково. Конюшни. Поздний вечер.

Доктор и Ольга обходят стойла – вечерний осмотр. Негромко переговариваются.

– Посвети мне, девонька, чуть левее, фонарь подними повыше, – Доктор осторожно снимает повязку с левой ноги лошади, – гляди-ка, шовчик какой чистенький. Молодец, Ла-

сточка, да стой ты смирно, вот егоза.

– Где она так?

– Барьер плохо взяла, ничего страшного. Пойдём, взглянем на твоего первенца, пока ты где-то пропадала, он такой рослый стал.

Они заходят в стойло, где спит стоя жеребёнок с белой звёздочкой на лбу.

– Какой колченогий, – с разочарованием произносит Ольга.

– Дай срок, он ещё на дерби трёхлеток все призы возьмёт, помяни моё слово. Кстати, знаешь, как его теперь называть: Чёрный Принц!

– Прямо-таки!

– Криво, – раздаётся голос Бенó, – глупая женщина!

– А ну, живо отправляйся домой, для тебя рабочий день давно окончился, Ким тебе устроит головомойку! – Док сердится.

– Я не маленький! И свободный, что хочу, то и делаю.

– Кто бы спорил! – Ольга вступает в «перепалку».

– Молчи, когда мужчины говорят!

– А ты давай, лети отсюда, орёл молодой! – Ольгу явно забавляет эта стычка.

– Всё, базар окончен, – Док, кажется, сердится, – Бенó, не зли меня!

– Всё, всё, исчезаю.

Ольга и Доктор продолжают вечерний обход, тихо пере-

говариваясь.

– Бенó сын Кима Кимовича?

– Нет. Ким наткнулся на него, лежал без сознания, на мне мальчик подорвался, до полевого госпиталя бегом нёс на руках. Еле спасли, крови много потерял.

– Где?

– Под Урус-Мартаном.

– Это, вроде, в Чечне.

– Потом в бою Кима ранило, контузия тяжёлая. Полгода в госпитале провалялся, комиссовали.

– А Бенó?

– Сюда отослал, с оказией. Ким же здесь вырос, отец всю жизнь тренером работал.

– Отец его где?

– Умер, сына не дождался.

– А мать?

– Один его растил.

– Как это?

– И такое в жизни, девонька, бывает.

32. Интерьер. Офис Вюченко. Кабинет.

Игнат Львович и Игорь за овальным столом. Входит референт.

– Валерий, ты подготовил материалы по акционерам?

– Вот они, Игнат Львович, – референт открывает папку с документами, кладёт перед шефом.

– Спасибо, можешь идти, надо будет, позову.

Референт, мягко ступая, выходит, аккуратно прикрыв дверь.

– Я открыт для переговоров, но сначала, господин Нездольев, кем вам Антон приходится? Близкий человек?

– Просто знакомый.

– Это хорошо. Просил у меня кредит, получил отказ.

– Почему? Боялись, не вернёт?

– Посмел бы только, – смеётся Вьюченок, – голос-то у него трубный, а душонка-то махонькая. Да, кстати, зачем ваш приятель собирал досье на акционеров одного из моих предприятий? Шантажом пробавляетесь?

– Ни в коем случае. Это я его за подлость наказывал.

– Оригинально, – Вьюченко недобро усмехается, – что же он такое натворил?

– Пытался уничтожить моё дело.

– Не удалось?

– Нет.

– Моя служба безопасности собрала кое-какие материалы по вашей персоне. Бизнес чистый, характеристики самые положительные. Я-то, зачем вам? Лесом или мебелью не занимаюсь. Кредит хотите получить у моего банка?

– Нет.

– Тогда что же? Только правду. Сколько акций вы скупить успели?

– Не так много, чтобы действовать с вами на равных, да

мне это и не нужно.

– Давайте покороче и чётко, я привык беречь время.

Игорь достаёт из кейса фотографию – уменьшенная копия того портрета, который висит у него дома.

– Значит, вам всё-таки деньги нужны? – в голосе Игната Львовича явно слышится разочарование, – шоу-бизнес?

– Нет же!

– Кто это?

– Моя жена.

– Больна? Нужны деньги на операцию?

– Она умерла три года назад.

– Ничего не понимаю!

– Сейчас объясню.

33. Ласково. Интерьер. Дом доктора.

На кухне Ольга и Док.

– Док, можно я сама ужин приготовлю?

– Конечно, девонька. Уж лет сорок мне никто не готовил.

– Идите, отдохните, потом позову.

– Нет уж, я тут посижу.

Ольга быстро, споро готовит еду.

– Док, всё же почему у вас такое странное имя?

– Да просто из святок взято. Так положено было, тем более у священников.

– Вы священнического сословия?

– И отец, и дед, и прадед.

– Понятно.

– Что же тебе понятно?

– За веру пострадали?

– Был у меня приход, маленький, под Костромой.

– А жену-то и дочку за что? Тоже за веру?

– Давай тему сменим?

– И тех, кто с людьми такое творил, бесчинствовал, пытал, гноил в лагерях, ваш Бог не наказал? Поэтому вы работаете лошадиным доктором? Вам проще с животными? Потеряли веру?

– Нет. Просто во мне столько муки, теперь пастве я не могу ничего отдать, кроме своей боли, – Доктор молчит несколько мгновений, потом продолжает, – людям нужно успокоение, а у меня вместо сердца пепел остывший.

– Значит, вера была не крепкая.

– Может и так.

Ольга выключат плиту, поворачивается к доктору, ставит тарелки, потом вдруг наклоняется, целует Дока в щёку. В этот момент резко открывается дверь, без стука, громыхая сапогами, врывается Ким:

– Вот тебе зрасьте! Седина в бороду, бес в ребро?

– Пошляк, – сердится Ольга.

– Как пахнет вкусно! – бормочет смущённо Ким.

– Садитесь, покормлю уж и вас, – произносит Ольга.

– А выпить дашь, пичужка?

– Не давай ему.

– Почему? – удивляется Ольга.

– Нельзя. После контузии – ни капли, – объясняет Док.

– Но чаю-то можно?

– Чаю можно.

– Я сам заварю, – несколько воинственно произносит Ким.

– Тоже мне премудрость великая! – бормочет Ольга.

– Как Ким делает, не сумеешь. Священнодействует.

– Звонил хозяин. Через три дня сюда прибудет.

– Собственной персоной? Диво дивное! – спрашивает Док.

– Нет, пришлёт своего представителя.

– Тоже мне, Путин местного разлива, – ворчит Док, – президент вся бизнес сообщества.

– А кто хозяин-то? – встревает Ольга.

– Тебе-то, пичужка, не всё равно?

– Теперь нет.

– Отчего так?

– А я живу тут, понятно?

– Надолго ли?

– Навсегда.

34. Интерьер. Кабинет Вьюченко.

Нездольев складывает в кейс бумаги и фотографию. Игнат Львович встаёт из-за стола, провожает Игоря до двери:

– Надеюсь, я в вас не ошибся, – и когда Игорь уже на пороге, спрашивает, – а как же ваша фабрика? Продадите?

– Ни в коем случае, там директор, он же партнёр остаётся, умён, как бес, самый давний мой друг.

– В бизнесе друзей не бывает, либо конкуренты, либо партнёры, от первых ждать нечего, а последние чаще всего и предают.

– Думаю, вы ошибаетесь.

– Ну-ну, молодой человек, почитайте-ка Роберта Грина «48 законов власти», в вашем случае подумайте над 20—м законом, где сказано: «Только глупец торопится примкнуть к одной из сторон...»

– А следующую фразу вы не забыли? «Не вверяйте себя никому, кроме себя самого, не связывайте себя обязательствами...», – Игорь смеётся, – вы сами сегодня нарушили двадцатый закон Грина.

– Образованная нынче молодёжь пошла!

– Не забудьте добавить: склонная к сарказму и цинизму! – на том они и расстаются, Игорь переступает порог кабинета и аккуратно закрывает за собой дверь.

35. Ласково. Натура. Утро. Беговой круг.

Ольга под наблюдением Кима и Бенё садится в седло. Конь спокоен, только косит влажным глазом.

– Не нервничай, – поучает Бенё, – сбросит.

– Отстань, – Ольга, конечно, нервничает, но по тому, как она втягивает сквозь зубы воздух со свистом видно, что даётся ей это не просто.

– Пошла! – резкий окрик Кима.

Конь срывается с места, Ольга, качнувшись назад, выпрямляется.

– Давай шенкелями! Только помягче, не беси коня! – кричит Бенó. – Левый повод, левый говорю!

Брусья ограды, конь мчится прямо на брусья, Ольга прищпоривает, конь взмывает вверх, легко перепрыгивает, мчится по полю.

– Понесёт, ой, понесёт, – кричит Бенó.

– Успокойся, – Ким усмехается, – ты как насадка над ней. Посмотри, как она держится в седле! Молодец девка. Она же над тобой смеётся!

– Я ей покажу, я её проучу!

Бенó вскакивает на лошадь, что привязана за брусьями, мчится вслед Ольге, перехватывает повод коня:

– Стой, стой! Рано тебе скачки устраивать! – не отпуская поводья Ольгиного коня, возвращает всадницу к воротам бегового круга.

– Надоел ты мне, мальчик. Я так никогда ничему не научусь.

– Замолкни, женщина.

Ким смеётся:

– Ладно, урок окончен.

На краю поля, вдалеке стоят двое мужчин, пристально наблюдают за Ольгой, Бенó и Кимом. Поворачиваются, медленно уходят.

– Это кто такие, не знаешь, Бенó? – спрашивает Ким.

– Первый раз вижу. Туристы, наверно.

– Туристы без рюкзаков, налегке? Странно.

– Здесь же не закрытая зона, не правда ли? – спрашивает

Ольга.

– Нет, – Ким пристально смотрит вслед мужчинам, пока те не скрываются за небольшой рощицей на краю поля.

– Очень вы подозрительны, Ким Кимыч!

– Жизнь приучила.

– Лучше бы она вас научила быть мягче.

– Дамские штучки-дрючки, – вступает Бенó.

Ольга протягивает к Бенó руку, пытается погладить его по голове, тот резко «уходит» из-под руки:

– Не смей!

– Да ну тебя! Волчонок!

– Надоели ваши свары, – резко говорит Ким, – Пошли, Бенó, Док ждёт.

Бенó прихрамывает, на лице болезненная гримаса, видно, что у него болит нога. Ольга идёт следом, смотрит с жалостью на мальчика, но молчит.

36. День. Натура. Двор мебельной фабрики. Открываются ворота, въезжает машина Нездольева.

Интерьер. Кабинет Сидорова. За столом директор, рядом с ним художник-дизайнер Егор. Открывается дверь, входит Игорь.

– О! Привет! – удивляется Сидоров. – Что ж не предупредил?

– А то бы ты почётный караул выстроил, да красную дорожку постелил?

– Конечно.

– Добрый день, Егор. Эскизы готовы?

– Да. Вот, – Егор разворачивает ватман, Сидоров и Игорь рассматривают работу дизайнера.

– Ну, как? – волнуется Егор.

– Оригинально, – не спеша, отвечает Нездольев.

– Чиппендейл, китайский стиль, – Сидоров взволнован, ему доставляет явное удовольствие работа художника, – а вот эта гостиная! Чудо!

– Красиво, но ведь не сам английский мастер 18 века, всё же это – новодел, да и с красным деревом мы работать не можем, закупки за границей, нет, не потянем.

– Ну, хорошо, – не унимается Сидоров, – а как тебе то трюмо!

– Стиль Людовика 16, период перехода от рококо к классицизму! – Егор горд и доволен реакцией директора фабрики.

– Где подсмотрел? – с лёгкой иронией задаёт вопрос Игорь. – В замке Блуа во Франции?

– В институте хорошо учился, вот и весь секрет. Как, господин Нездольев, принимаете работу?

– Безусловно. Но одна закавыка.

– Какая?

– У меня на делянках всё больше сосна, из неё элитную мебель не сотворишь.

– Вот беда-то! – сник Егор.

– Погоди, погоди, Игорь, у нас ещё нетронутые ни разу ореховые рощи. Насколько я помню, эту мебель можно «строить» и из ореха, правда, Егор?

– Да, да, – оживляется художник, – только я сам должен отбирать древесину, ладно?

– Вот сейчас и поедем, а то у меня кое-что запланировано на следующую неделю. Ты с нами, Сидорович?

– Нет, сегодня отправляем партию, проследить надо.

– А далеко роща-то? – интересуется Егор.

– Километров 40.

– Поехали, поехали! – Егору не терпится.

37. Натура. После полудня.

Дорога. Едет автомобиль Игоря. За ним, на довольно приличном расстоянии, едет машина с затемнёнными стёклами. Салон машины Игоря. Егор и Нездольев слушают музыку.

– Кто-то за нами едет от самой фабрики, – произносит Егор.

– Я заметил.

– Мне это не нравится.

– Сериалов посмотрелся?

– Некогда мне у телевизора торчать, работы куча. Но всё

равно это чёрное авто меня беспокоит.

– Да брось, едет себе человек по своим делам.

– Далеко роща-то?

– Осталось минут пять-десять, если ничего...

И в этот момент машина Игоря пошла юзом.

– А, чёрт, как сглазил, колесо лопнуло! – Игорь осторожно тормозит, выходит из салона, осматривает заднее колесо, открывает багажник, достаёт инструменты и запаску. Наклоняется, чтобы пристроить домкрат. Чьи-то руки в чёрных, узорных перчатках держат биту, бита взмахивает вверх и опускается на голову Игоря.

Егор всё это видит в боковое зеркало, выскакивает из салона, догоняет человека в чёрных перчатках, бьёт его кулаком по затылку, перехватывает биту, вырывает. Человек в перчатках заскакивает в свою машину, которая срывается с места, разворачивается и мчится по дороге. А Егор возвращается к Игорю, пытается его поднять, при этом причитает, словно женщина:

– Ой, ой, да что это! Ой, ой, Игорь, вы живы?

– М-м, – стонет Игорь, – да не ори ты прямо в ухо, у меня перепонки барабанные лопнут!

– Слава Богу, слава Богу, – причитает Егор. Достаёт из кармана чистый, накрахмаленный платок, промачивает рану на затылке Игоря, – крови хоть немного, и за то спасибо. Больно?

– А ты думал?! Помоги встать.

– Голова кружится? Тошнит?

– Я в порядке, – Игорь пытается встать, но снова опускается на землю, – сейчас отдохну и сменю колесо.

– Я сам.

– Да куда тебе, вон какой хилый.

Егор быстро меняет колесо:

– Тощий да вёрткий, – шутит Егор, – сейчас я вас втащу в машину, сам за руль сяду.

– Сумеешь?

– Я ж не кисейная барышня!

Егор прячет инструменты, с трудом поднимает Игоря, осторожно сажает в салон.

– Вернёмся на фабрику, надо «скорую» вызвать.

– И не думай, тут ехать всего ничего. Вот невезуха-то!

– Кому вы поперёк дороги встали, не догадываетесь?

– Есть предположения. Ладно, вперёд, не люблю бросать дело на пол дороге.

И машина мчится вперёд к ореховым рощам.

Егор ходит между деревьями, «оглаживает» стволы, достаёт из кармана пиджака перочинный нож, скребёт кору. Игорь сидит в салоне, открыв окно. Видно, что ему плохо.

– Егор, – кричит Игорь, – заканчивай, ты что, каждое деревце облизать и понюхать хочешь?

– Иду, иду. Годятся, – произносит он, забираясь на водительское место, – хорош орешник, сухой, без червоточин.

– Ну, и славно. Рад, что угодил.

– Ага, шутить изволите: значит, жить будете.

– Да куда ж я денусь! Ты на чём приехал на фабрику?

– На поезде.

– Тогда давай со мной в Москву.

– Я могу у вас переночевать?

– Тебе жить негде?

– Почему это? – Егор даже несколько обижен. – Просто вас одного оставлять не хочу, да и врача вызвать надо.

– Обойдёмся без медицины. Я крепкий, в огне не горю, в воде не тону.

За окнами машины уже темно. Игорь вставляет кассету в магнитола, и льётся чуть хриловатый голос: «Как страшно думать нам о том, чего уж никогда не будет. \\\\ Так тянет приоткрыть завесу тайны без конца и дна. \\\\ Звенит... звенит... сначала тихо, а потом всё громче бубен. Всё взвешено, отмерено – жизнь только раз дана. \\\\ Я слышу этот звук глухой, далёкий. \\\\ „Так скоро? – ей кричу. – Постой! Я не готова!“» \\\\ Но кончена страница, и багаж уж слишком лёгкий. \\\\ «Отсрочку дай, приду потом сама, и не скажу ни слова!» \\\\ Но ты мне руку тянешь, и улыбаешься светло, спокойно. \\\\ Жизнь суета сует. Лишь ТАМ – величие и тишина. \\\\ «Я не хочу с тобой, пусть будет трудно, больно, \\\\ Вернись в своё счастливое безмолвие – одна!».

38. Натура. Ночь. Ласково.

Ольга стоит возле дома Доктора. И слышится ей чуть

хрипловатый голос, который то ли говорит, то ли тихо поёт: «Я не хочу с тобой, пусть будет трудно, больно, \ \ Вернись в своё безмолвие – одна!».

Полная, высокая луна на тёмном небе. Она и на луну-то не похожа. Чёрная поперечина узкого зрачка.

– Что вам надо? – Ольга говорит тихо, но это не монолог, а скорее диалог с кем-то, кто не виден и даже не слышен, вернее, слышен только Ольге. – Молчишь? Чего тарачишь один-единственный глаз? Кто ты, уж не с планеты ли Сириус? У меня слуховые галлюцинации, миражи, и что означает этот кошачий глаз? Дикость. Зачем? Почему? Когда ты исчезнешь, мой бред? Скоро? И больше не увижу тебя? Не верю.

Ольга поворачивается, хочет вернуться в дом, но что-то останавливает её, верно, это истерический лай собак. «Мальчики» мчатся к дому, хватают Ольгу за брюки, тянут её куда-то.

– Что? Не приставайте.

Но псы не отстают. Ольга смотрит в сторону конюшен, видит клубы дыма. Она бросается в дом, вбегает в комнату, где спит Доктор, пытается разбудить его:

– Док, скорее, просыпайтесь! Лошади... огонь, – бессвязно бормочет Ольга.

Конюшня. Ржут лошади, бьются о двери денников. Ольга и Доктор открывают денники, выпускают лошадей.

39. Ночь. Салон машины.

Нездольев за рулём. Машина подъезжает к железнодорожной станции, той, с которой когда-то уезжала из Ласково Ольга.

Натура. Игорь останавливает машину, запирает, подходит к магазину, который расположен возле платформы, покупает еду. И вдруг замечает троих мужчин. Они стоят неподалёку, разговаривают. Один из мужчин – спиной к Игорю, двое других лицом. Тот, что стоит спиной, достаёт из кармана пиджака небольшую пачку денег, протягивает мужчинам. Что-то знакомое в стоящей спиной фигуре чудится Игорю, он подходит к троице и слышит:

– Всё, как договорились? Я проверю.

– Да проверяй! Моё слово – железо, сказано – сделано, – отвечает один из мужчин.

– Немедленно отсюда убирайтесь, если что, я вас не видел, вы меня. Ясно?

– Уж куда яснее, – мужчины скрываются, словно тают в темноте, как будто их и не было.

Тот, что отдавал деньги, поворачивается и сталкивается лицом к лицу с Игорем:

– Ты? По пятам за мной ходишь? – Антон испуган и не может это скрыть.

– В машину, быстро!

– Нет! Закричу.

– Только посмей, гнида, – Игорь хватает Антона за шкир-

ку, словно кутёнка, волочит к машине, – что ты здесь потерял? Как попал?

– Помогите! – пытается позвать на помощь Антон, но вокруг ни души.

– Говори! – Игорь заталкивает Антона в салон машины, слегка приударяет ребром ладони по шее Антона, тот моментально замолкает.

40. Ночь. Дорога в Ласково. Машина Игоря. В салоне машины.

– За что расплачивался с теми ханыгами? – Игорь в ярости, главным образом потому, что не может понять, как тут оказался Антон, зачем и что он ещё натворил.

– Попросили мужики на пиво, я дал.

– Врёшь, благодетель хренов. Всё равно узнаю, хуже будет.

Натура. Дорога в Ласково. Мчится машина.

41. Натура. Конюшня в Ласково.

Лошади, выпущенные Доктором и Ольгой, ржут в испуге, топот копыт их копыт эхом отдаётся во тьме.

Горят денники. Взвиваются вверх снопы искр. Ольга видит, как падает балка прямо на Бенб и Кима. Ольга успевает вытащить из-под балки Бенб, Доктор обхватывает Кима за плечи, но сил у него явно не хватает.

– Скачи в посёлок, спаси мальчишку, – кричит Доктор, –

на тебе одежда занялась, сними немедленно!

– А вы?

– Я справлюсь, скачи!

Ольга умудряется оттащить мальчика от огня, сдирает с себя брюки и курточку, остаётся в одних трусах и майке. Затем она ловит коня (того самого, которого когда-то обнимала, когда Доктор осматривал его рану), конь мечется по беговому кругу. Ольга вскакивает на его спину, наклоняется, поднимает Бенó вверх, перекидывает его перед собой.

42. Интерьер. Салон машины Игоря.

Игорь видит впереди пожар. Поворачивается к Антону:

– Твоих поганых рук дело? – догадывается Игорь.

– Нет, нет!

Но Игорь уже всё понимает. Со всего размаха ударяет Антона кулаком в лицо, на секунду притормаживает, перегнувшись через бесчувственное тело Антона, настежь открывает дверь машины, разгоняется и на скорости выбрасывает Антона на дорогу. И в этот момент мимо машины проскакивает конь с Ольгой и Бенó на спине. Игорь их не видит, не замечает, ещё больше прибавляет скорость, спешит туда, где горит конюшня.

43. Ласково. Больница.

Ольга возле мальчика, дежурный врач, заметив, как тлеет ботинок на ноге Бенó, спешно разрезает ланцетом брючину,

видит, что это полуобгоревший протез, отстёгивает его. Бенó приходит в себя:

– Нога, нога! – стонет он.

– Ничего, мы тебе новую сделаем, ещё лучше, – Ольга обращается к врачу, – он сильно обгорел?

– Слава Богу, не очень. Через пару дней уже скакать будет.

– Скачет по дорожке на одной ножке! – Бенó вымученно смеётся.

– Сейчас мы ему укольчик успокаивающий сделаем, – говорит врач.

– Не надо, он у нас настоящий джигит, всё стерпит и не поморщится, правда, Бенó?

– Молчи, женщина!

– Что у вас случилось? – спрашивает у Ольги врач.

– Кто-то поджжёт конюшню.

– Подонки. А лошади пострадали?

– Надеюсь, нет. Мне надо обратно.

– Погодите, я вам свой халат дам.

И тут только Ольга замечает, что она в трусах и коротенькой майке.

– Ой! Простите.

Доктор подаёт ей белый халат, Ольга надевает его – он ей как раз до пят.

– Спасибо. Я завтра навещу Бенó.

– Очень надо! – притворно злится мальчик. – Ты лучше Киму помоги.

– Ладно, пока, Бенó.

44. Натура. Ласково. Конюшня.

Обугленные денники. Док, подведя багор под балку, что придавила Кима, пытается её приподнять. Подъезжает машина Игоря, резко тормозит, выскакивает из неё Нездольев.

– Давайте я, а вы тащите пострадавшего за ноги.

Игорь с усилием надавливает на рычаг, Док тащит Кима из-под балки, наконец, ему это удаётся. Вдвоём с Игорем они оттаскивают Кима от горящих денников, кладут на траву, и тут Антон замечает, что на Докторе тлеет одежда, он толкает старика, валит его на землю, чтобы сбить пламя. И сбивает. Поворачивается к Киму, пытается привести его в чувство, наклоняется над ним. И только сейчас он видит запрокинутое лицо Кима:

– Лейтенант? Не может быть! Такого не бывает!

– Где я? – Ким с трудом разлепляет глаза, ему очень больно. – В аду?

– Всё шутишь?

– Какие уж тут шутки! Игорь, ты тоже помер?

– Живы мы, лейтенант, живёхоньки.

– И будем жить вечно?

– Без сомнения!

– Где Бенó?

– В больнице, его Олюшка повезла, – отвечает Киму Доктор.

– Лейтенанта тоже надо отвезти в больницу, я сейчас, я

быстро, на машине.

– Если нет переломов, не надо, я его сам вылечу.

– Ну, да, – с трудом произносит Ким, – чем лошадь от homo sapiens отличается?

– Только количеством ног! – бубнит Доктор, ощупывая, проверяя от головы до пят Кима, нет ли серьёзных травм. – Ладно, поднимаем, – обращается Док к Игорю, – ничего страшного, только сильные ушибы и несколько небольших ожогов, понесли ко мне в дом, надеюсь, огонь не добрался до него, ветра-то не было, но приподнять Кима они не успевают.

Впереди, по дороге к конюшне, взметая пыль, мчится верхом лошадь. Ольга пришпоривает коня, что есть сил. Впереди в тёмном небе висит зеленоватый круг луны. Но Ольга видит, что это и не луна вовсе, а будто кошачий глаз, с чёрной поперечиной зрачка, который повисает над обгоревшей конюшней, возле которой Игорь, Ким и Доктор.

А со стороны видится, – Ольга плывёт в дымном, светящемся облаке, и в этот момент она напоминает женщину на портрете, что висит на стене в квартире Игоря.

Игорь пристально смотрит в сторону дороги. Луна на тёмном небе сжимается, быстро опускается и исчезает, тает, исчезает именно в ту секунду, когда Ольга приближается к пожарищу. И в это момент Игорь делает несколько быстрых шагов на встречу всаднице, и кричит:

– Алёна!

Конь вздымается вверх, Ольга с трудом осаживает его.

– Идиот, – бросает Ольга, – не лезь под копыта.

– Алёнушка?

– Меня Оля зовут, а ты кто такой?

– Простите, обознался.

– Так кто ты есть?

– Совладелец всего этого, – обводит глазами конюшню, – пепелища.

– Очень вовремя явились, – уже успокоив коня, несколько нервно произносит Ольга.

Она соскакивает на землю, спешит к Киму:

– Живы?

– Где Бенó, что с ним? – Ким еле говорит и от волнения, и от боли.

– Всё хорошо, на днях заберём, да вот только...

– Что? – хором произносят Доктор и Ким.

– Сгорел только протез.

– Не проблема, я давно заказал немецкий, облегчённый, хотел сюрприз сделать, – Ким успокаивается, закрывает глаза, ему всё же очень плохо.

– Всё, хватит, – командует Док, – Эй, совладелец пепелища, поищи попону, вон там, за конюшней на изгороди сушится, если не сгорела, мы сейчас на неё Кима положим. А ты, Олюшка, бери коня под уздцы, видишь, нервничает.

45. Натура. Ночь. Поле неподалёку от сгоревшей конюш-

ни. Лошади почти успокоились. Собаки (Мальчики) бегают вокруг, стараясь собрать всех вместе, подгоняют табун лаем.

46. Интерьер. Дом Доктора.

Ким, забинтованный, уже переодетый в одежду Дока, лежит на диване, а так как диван короткий, Игорь подставляет под ноги Кима табуретку:

– Мне кажется, ты маленько подрост за те несколько лет, что мы не виделись.

– Однако не поумнел, – ворчит Док.

– Я видел их, – произносит Ким.

– Кого?

– Поджигателей. Крутились тут.

– Двое ханыг в пятнистых куртках? – спрашивает Игорь.

– Откуда знаешь? – удивляется Ким.

– На станции. Они всего лишь инструмент, с заказчиком-то я знаком, даже слишком. Надеюсь, теперь эта тварь угомонится.

Входит Ольга, она успела переодеться, приготовить чай, ставит на стол поднос:

– Ким Кимыч! Я вам чай подам, не вставайте.

– Спасибо, боюсь, мне пока передвигаться затруднительно.

Ольга случайно бросает взгляд на окно, вскрикивает, роняет чашку, она разбивается. За тёмным стеклом маячит лицо.

– Там, там, – бессвязно бормочет Ольга.

– Кто? – Игорь приближается к окошку. – Вот дерьмо! –

Он выбегает, возвращается, волочит Антона за «шкурку»:

– Хоть бей, хоть в землю закапывай, в воде топи, неистребим. Вот вам поджигатель!

– Отпустите его, он весь в ушибах, – Док заботливо усаживает Антона, осматривает: костюм в клочьях, рубашка окровавлена, одна брючина оторвана.

– Ты уверен, именно он нанял поджечь?

– Да, я! – Антон от обиды и боли в бешенстве.

– За что? Мы даже не знакомы.

– Да плевал я на вас, положил с прибором! Вот его ненавижу!

– И лошадей тоже?

– Ишь, ты! Лорд английский выискался! Конюшню покупать! Выкуси!

– Ну, – несколько замедленно произносит Игорь, – сгорели лишь двери денников, а их я восстановлю, на моей фабрике мы сработаем ещё лучше, чем прежние, по всем классическим канонам, – Игорь словно бы издевается над Антоном.

– А я опять спалю, подорву, лошадей расстреляю!

– Не получится, – Ким чуть приподнимается на локтях, обращается к Ольге, – пичужка, подтяни-ка мне телефон, пожалуйста.

47. Натура. Ночь. Возле дома Доктора.

Милицейский газик. Антона в наручниках выводят два милиционера и дознаватель в штатском.

– Завтра с утра по дороге в Москву к вам заеду, дам показания более подробные, – Игорь и Ольга прощаются с милицией.

– Вы больше не вернётесь? – робко спрашивает у Нездольева Ольга.

– Всенепременно, не позднее, чем через пару недель. А вы местная?

– Нет.

– Откуда?

– Издалёка.

– Надолго задержитесь?

– Если Ким Кимыч согласится учить меня тренерской работе, навсегда.

– У вас нет дома?

– Теперь он будет здесь, по крайней мере, мечтаю об этом. Давайте поищем лошадей, они напуганы, боюсь, не разбежались бы.

...Но табун не разбежался, мирно щиплет травку. Псы (Мальчики) молча – без лая и шума бегают вокруг. Ольгин первенец с белой звёздочкой на лбу, завидев Ольгу, подходит к ней, тычется в плечо, Ольга достаёт из кармана морковку, жеребёнок осторожно «слизывает» угощение с ладони:

– Это мой первенец, – произносит Ольга с некоторой гор-

достью.

– То есть?

– Доктору помогала роды принять.

– Надо же! Учились в ветеринарной академии?

– Нет.

– Любите лошадей?

– Раньше только по телевизору видела. А вы?

– Очень. Я дал слово когда-нибудь купить конюшню.

И вот...

– Кому?

– Жене.

– Вы вернётесь с ней?

– Нет.

48. Натура. Возле конюшни. Утро.

Первые снежинки, медленно кружатся и тают, не долетев до земли. По дороге едут два трейлера, за ними машина Игоря.

Возле конюшни Ольга, Ким, Док и Бенó. За трейлерами машины Игоря не видно.

– Наконец-то! – Бенó подпрыгивает.

– Не прыгай, ты ещё не привык к новому протезу, – менторский тон Ольги бесит мальчика.

– Знай своё место, женщина!

– Да ладно тебе. Нездольев-то не приехал, – Ольга разочарована.

– Пичужка наша влюбилась, – Ким ерничает.

– Глупости, просто он обещал, не люблю обманщиков.

– И правильно делаешь, – Доктор усмехается и незаметно для Ольги подмигивает Киму.

Дорога делает поворот, сразу становится видна машина Игоря. Ольга, не может сдержать улыбки. Трейлеры останавливаются. Игорь выходит из машины.

Несколько рабочих сгружают двери для скаковых конюшен. Рабочих и Игоря встречают Ольга, Ким, Бенó и Док.

– Помощь нужна? – подсказывает к рабочим Бенó.

– Конечно, – отвечает Игорь, доставай из вон того трейлера петли.

– Я помогу, тяжело же! – Ольга бросается к Бенó.

– Отойди, женщина.

– Какие петли! Медные? И корзинки для губок и щёток? И стёкла для окон тоже привезли? Вот это да! – Ким и Док рассматривают всё это богатство.

– А как же! – Игорь достаёт из ящика петли. – Кстати, я пригласил на тренировочные занятия Выюченко.

– Это кто такой? – интересуется Ольга.

– Игнат Львович? Большой человек! – смеётся Ким.

– Неужели нельзя ответить попросту?

– Однако, пичужка, обидчивая ты слишком. Выюченко – владелец конезавода, нашей конюшни, президент крупного банка и так далее и тому подобное.

– Плохой человек, – констатирует Ольга.

– Как раз наоборот, – отвечает Игорь, – мы бы никогда

и не познакомились, кабы не он.

49. Натура. День. Беговой круг.

Ольга и Ким выводят лошадей. Видно, как Ольга нервничает:

– Ким Кимыч, а вдруг у меня не получится?

– Чепуха, не трусь, девонька.

– Прямо, как перед защитой диплома.

– Мандраж? – улыбается Доктор.

– Под коленками дрожит.

– Давай, подруга, вперёд! – Бенó хлопает Ольгу по спине.

– Какая я тебе подруга? – взвивается Ольга.

– Самая близкая. И к тому же единственная.

– Нахал!

Игнат Львович и Игорь внимательно наблюдают за тем, как Ольга объезжает лошадей.

– Ну, как? – спрашивает Игорь.

– Неплохо. У этой тренерши очень знакомое лицо.

– Да, – медленно отвечает Игорь.

– Где та фотография, что вы мне показывали, с собой?

Игорь достаёт фотографию протягивает Вьюченко.

– Одно лицо. Просто двойник, – Игнат Львович бросает мимолётный взгляд на Игоря, замечает его смущение, быстро переводит разговор на другую тему, – пожар премного содействовал благоденствию, моя, – несколько запинаясь, – наша конюшня преобразилась. А что поджигатель-то, ваш

Герострат?

– Суд на той неделе. Думал, откупится.

– Пытался, но, как известно, любую взятку можно перекрыть. Люди такие ненасытные, и на низовых должностях, особенно же в верхних эшелонах!

– Ваших рук дело?

– Я не всемогущ, но зло должно быть наказуемо, не правда ли?!

– Увы, один раз из тысячи.

– Тот самый единичный случай.

– Посмотрим.

– Если бы ваш бывший знакомец меня не затронул...

Не привык, знаете ли, чтобы мою собственность разрушали.

– Понятно, – усмехается Игорь.

– Эта девочка далеко пойдёт. Понимает животных, смотрите, как ловка. Кстати, вы знаете откуда она, из какой семьи?

– Понятие не имею.

– Это не помешало вам положить ей вполне достойную зарплату.

– У вас везде свои стукачи?

– Ну, зачем же так грубо? Если быть в неведении, бизнес очень быстро рухнет.

– Простите, сорвалось.

– Знание обстановки и умение разбираться в людях, – вот суть прочного положения, а не только лишь нужные связи.

– Ой, ли?

– Я хочу купить «Короля Джунглей».

– Но он после травмы не сможет участвовать в скачках, в дерби ли, в гладких.

– Однако производителем будет ещё много лет.

– Боюсь, за него запросят огромные деньги, не потяну.

– Предлагаю вариант: ваш вклад 25 процентов плюс интеллект и умение торговаться. Осилите?

– Постараюсь. Возьму с собой в поездку Доктора, пусть проведёт анализы и всё такое.

– Само собой.

50. Натура. Чуть припорошённая снегом дорога в Ласково.

Машина для перевозки лошадей подъезжает к воротам конюшни. Ольга в ватнике и сапогах топчется у входа, замёрзла, ждёт, вероятно, давно. Из ворот конюшни выбегают Ким Кимович и Бенó. Машина останавливается, выходят Доктор и Игорь. Они открывают дверь автомобиля, опускают настил. Осторожно выводят коня, на «Короле Джунглей» тёплая попона, на шее – капор.

– Тихо, тихо, не нервничай, – приговаривает Док, ведя коня под уздцы, – спешить нынче некуда.

– Ну, как он дорогу перенёс? – спрашивает Ким у Игоря.

– Прекрасно.

– Не перекормили его в пути?

– Не учи учёного! – ворчит Док, он заводит Короля в денник. – Теперь это твои хоромы, привыкай, голубчик. Бенó, сними с него попону и капор.

– Какой красавчик! – восторгается Ольга.

– Сю-си-пуси развела! – притворно злится Бенó, а сам восторженно осматривает коня. – Жаль, не сможет скакать!

– Это мы ещё посмотрим, – продолжает ворчать Док, – приговорили-то его рановато, хорошо хоть не охолостили, умники чёртовы.

– То есть? – недоумевает Ким.

– Маленько полечу, поскачет, как миленький! Вы с Оленькой с ним работать будете, помяни моё слово, Ким.

51. Натура. Весна. Предзакатное время.

Стелется по низинам и полям туман. Солнце у горизонта. Скачут на лошадях Нездольев и Ольга. Игорь верхом на «Короле Джунглей», Ольга на своём первенце.

Перед тем, как совсем скрыться за горизонтом, солнце вспыхивает ярко, но это вроде бы уже не солнце, а кошачий глаз с чёрной поперечиной зрачка.

– Опять? – шепчет с тоской Ольга, потом, помолчав, решается спросить Игоря, – Вы видите?

– Вижу.

– Что?

– Кошачий глаз.

– Правда? Вы не смеётесь надо мной?

– А ты слышишь?

– Да. Что?

– // *Всё, всё горит в огне!// Ему лишь память неподвластна// И вечная твоя душа.// Пусть языки его то рыжие, то красные// Всё пожирают не спеша,// Всё превратят в горячий пепел,// И пусть земля моя пропахнет дымом...// Но слышишь? Слышишь? Крыльев трепет, \\ Да песнь без слов над росами седыми»*, – тихо, тихо напевает Ольга те слова, что чудились ей когда-то.

Солнце падает за горизонт, ещё не наступила ночная тьма, плывут в белёсом мареве тумана два всадника. Две заблудшие души.

Заблудшие?

Конец

Документальные

Парижский антиквар (1+2 серии)

Из ЗТМ. Вступает музыка.

На черном фоне появляется красно титр (сквозное название сериала):

ИНОСТРАНЕЦ

На красном титре из микшера возникает блок белых титров главных создателей фильма. Красный титр на заднем фоне растворяется.

На черном фоне возникают титры названия фильма и серии:

ПАРИЖСКИЙ АНТИКВАР

1я серия

1. Париж. Офис Гутманиса. Кабинет Хелле. День. Бортновский уносит картины с дискетой

Хелле в сорочке с галстуком сидит за своим компьютером.

Что-то внимательно считывает с экрана, вынимает дискету, прячет ее сзади за подрамник висящей на стене картины. Выходит.

В этот момент быстро входит его шеф Гутманис, за его спиной в дверях стоит его охранник Димитрос. Появляет-

ся запыхавшийся виноватого вида Бортновский. Он остается стоять в коридоре.

Гутманис (Бортновскому, указывая на картины):

– Накупил черт знает чего! Думаешь, меня можно так просто разводить? Этот хлам тоже забирай и вези к Лорану. Эту! Эту! (показывает на картину, в которой спрятана дискета): И эту! Пусть Лоран сделает оценку! Я сам ему завтра позволю! (Димитросу): Помоги ему!

Гутманис выходит.

Бортновский, покачав головой, вместе с Димитросом суетливо проходит в кабинет Хелле.

Бортновский берет картины. Ему тяжело. Он кивает Димитросу – дескать, давай, помогай!

Бортновский (Димитросу, ворчливо о Гутманисе):

– Как будто с ним такого не бывает!... (вынося): Сам купил *эти фальшивки*, сам и пристрою...

Димитрос ему помогает поднять и вынести.

В кабинет входит Хелле. Смотрит на пустые стены. Резко поворачивается.

Хелле:

– Димитрос!

Входит Димитрос.

Хелле (показывая на стены):

– Где?

Димитрос:

– Шеф велел отвезти к Лорану для оценки.

2. *Париж. Магазин Лорана. День. Лоран находит дискету. Узнает о проекте «Гермес»*

Играет музыкальная шкатулка.

Глаз девушки на полотне в трещинке краски через увеличительное стекло.

Лоран сидит за столом. Он – тип по-европейски ухоженного старика. На нем очки на шнурке – чтобы не потерять. Рядом со столом стоят на полу, прислоненные к стене, несколько картин.

Лоран трет глаза.

Перед ним – освещенная лампой картина художника фламандской школы. Картина средних размеров – по раме примерно 50 на 40 сантиметров. Лоран внимательно изучает сквозь увеличительное стекло красочный слой в углу картины. У него прекрасное настроение от общения с хорошей картиной, он напевает в тон мелодии шкатулки.

Лоран делает запись на листе бумаги, любителю на картину. Переворачивает ее задником, сквозь лупу изучает холст, трогает пальцем срез холста, делает запись. Рассматривает по периметру раму, начиная с левого нижнего угла. Снова делает запись, любовно переставляя, чтобы не мешала, фаянсовую женскую статуэтку...

Отставив картину в сторону, Лоран берет другую, меньшую по размеру. Начинает распаковывать ее. Из оберточной бумаги выпадает дискета.

Хорошее настроение Лорана испаряется. Он достает дискету и рассматривает ее. Лоран смотрит на монитор, который показывает пустой торговый зал. Поколебавшись, поворачивается к стоящему на столе справа от него компьютеру, вставляет дискету в дисковод.

Набирает на клавиатуре диска «А».

На лице Лорана мелькают отсветы меняющихся файлов.

На экране монитора возникает англоязычный логотип: проект «Гермес», под которым высвечиваются текст по-английски:

– Блокируйте возможные попытки Г. самостоятельно продать места в проекте «Гермес». Это поставит под угрозу размещение на носителе нашего спутника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.